

Дарья Ратникова

ПРОКЛЯТЫЙ МУЖ

Annotation

Счастливая жизнь Сары рухнула в одно мгновение, когда её отца обвинили в похищении ценных бумаг. В один день они с братом лишились всего — имения, состояния, доброго имени. Теперь перед ней открывается одна дорога — умереть от голода и холода. Но Сара не привыкла сдаваться. Ради брата она решается на ужасный шаг — стать женой Проклятого.

Проклятый муж
Дарья Ратникова

В дверь постучали. Сара вздрогнула и осмотрела своё бедное жилище. Облупившийся комод, пара стульев, кровать в углу для неё и топчан для брата, отделённый выцветшей занавеской. Пахло сыростью. Старая печь топила плохо и больше дымила, чем давала тепла. Язен закашлялся. Она испуганно посмотрела на него. Надо с этим заканчивать. Сейчас же, сегодня же! Если ей опять откажут в работе, брат умрёт даже не от голода, а от холода. Сара сжала губы и направилась к двери, машинально поправляя платье так, чтобы залатанного подола не было видно. Дырку в подоле прогрызли мыши, пока они с Язеном спали. Она знала, где их нора, но сделать ничего не могла — не было денег. Да если бы были деньги, разве стала бы она сидеть в такой дыре? Но сейчас у неё не имелось ни одного сольдена, даже заплатить за такую квартиру хозяйке было нечем.

Она подошла к двери и открыла её. На грязном лестничном пролёте стоял служитель правопорядка. Пуговицы на мундире начищены до блеска, сапоги новые, одет с иголки и такое презрение на лице... Если бы Сара могла ужасаться, сожалеть или плакать... Но она выплакала все слёзы ещё когда не стало отца. Сейчас глаза были сухими и воспалёнными. Солдат стоял в проёме двери, впуская холодный воздух. Язен опять закашлялся. Сара с тревогой взглянула на него, а потом решила попросить:

— Отойдите от двери, брату холодно.

— Ты будешь меня учить, нищенка? — Он зло сплюнул, прямо в комнату, где Сара кое-как, но всё же старалась поддерживать чистоту. Она не заплачет! Ни за что она не доставит радость этому солдафону! — Сара Бален, тебе письмо, из городской управы. Советую явиться в срок, иначе они по-другому поговорят с тобой!

Солдат протянул ей письмо, осматривая бедную комнату с плохо скрываемым презрением и отвращением. Сара потянулась за письмом, но в последний момент солдат убрал руку и отступил, она споткнулась и едва не упала, чудом удержавшись на ногах. А он расхохотался. Мерзко, нагло и прямо в лицо.

— Отдайте письмо! — голос срывался, но нельзя показывать никому свою слабость. Пока не случилась беда, никто не смел повышать на неё голос, но когда теперь они с Язеном остались одни во всём мире, каждый норовит ударить их или обидеть. Особенно после того, что произошло.

— Ты как обращаешься к солдату Его Королевского Величества? — Он размахнулся и ударил её по щеке. Из глаз потекли слёзы.

— Сара! Сара! — закричал Язен.

— Лежи, Язен, всё хорошо! — Сара улыбнулась обескровленными губами, повернувшись к брату. След от пощёчины ещё горел, обжигая болью и обидой на весь мир.

— И как только земля носит таких дармоедов и лентяев как вы! Давно пора очистить город от этой нищеты. Уважаемая талья Беррина для тебя всё делает, а ты не хочешь ей даже за комнату заплатить. Благодарю Небо, что я не рассказал ещё в управе об этом! В следующий раз мы с тобой по другому поговорим!

Солдат кинул ей письмо, не заботясь о том, куда оно прилетит, потом картинно отряхнул руки, развернулся и направился вниз по лестнице, к выходу. Сара услышала, как застучали дверями на этаже. Бесплатная комедия, как это отвратительно! Она подошла к

двери, захлопнула её, а потом без сил опустилась на колени и открыла письмо:

«Тали Сара Бален ждём вас завтра, ровно в двенадцать по кьярденскому времени, в городской управе по делу о воровстве вашего покойного отца».

И всё, и ни строчки больше. А если её посадят в тюрьму, не приведи Бог, что тогда будет делать Язен? Остаётся только один путь, тот, к которому она хотела прибегнуть лишь в крайнем случае.

Сара подошла к облезлому комоду и со скрипом выдвинула ящик. Из него она извлекла чистый лист, чернильницу и старое, потёртое письмо. Оно содержало предложение от друга отца, да такое, от которого её бросало всякий раз в дрожь, стоило только подумать. Но Язен... Он умрёт с голоду. А отец и мать умерли и не смогут остановить её.

— Ты всё-таки сделаешь это, сестра, да? — Неестественно большие, словно у взрослого, глаза на лице Язена смотрели слишком строго.

— Да, — ей было тяжело говорить об этом. Но никто не разделил бы её мучений, вспомнив, в чём обвиняют её мать.

— Если ты из-за меня, то я не хочу этой жертвы, — вдруг серьёзно произнёс Язен.

— Что ты, какая жертва! — Она села рядом с ним на топчан и обняла его исхудавшее за эти месяцы тело. Она обещала сначала отцу, а потом и матери, что её любимый брат будет жить. И он будет, даже если для этого придётся поступиться собой и своей свободой!

Глава 1

Хорошая жизнь кончилась полгода назад, когда тала Джеймса Балена обвинили в воровстве ценных бумаг. Отец не украл ни сольдена, но кого это волновало! В банке, которым руководил тал Бален, пропали все ценные бумаги. И никому не было дела, что среди прочих, украли и бумаги, принадлежавшие отцу. Он отработал своё и стал не нужен, как вещь. Его объявили вором без суда и следствия, а почти все вчерашние приятели отвернулись и стыдливо пряча глаза давали показания о том, каким несдержанным и раздражительным он был.

Жизнь разделилась на «до» и «после». До у них был богатый дом с конюшней, парком, фонтанами и даже зверинцем для маленького Язена. У матери было много драгоценностей и нарядов, и они вместе с Сарой часто выезжали в свет и устраивали балы. А потом всё в одночасье изменилось. Отца забрали в долговую тюрьму. Хорошо, хоть ещё не наложили клеймо раагар или Проклятье, по простому говоря. Им запретили видеться. Последний раз она увидела отца уже незадолго до смерти. Он словно высох и состарился прежде времени в тюрьме. На следующий день его не стало — не выдержало сердце. Им даже запретили похоронить его — только как преступника за городскими воротами. Приставы отобрали за долги дом со всем имуществом и драгоценностями. Сохранилось лишь то, что было на них надето. Хорошо, что её любимая, милая, дальновидная матушка носила, не снимая даже во сне, под одеждой, десятки драгоценностей. Их выгнали в ночь, без права возвращения. До утра они ходили по пустым городским улицам. Язену всё было в новинку, он пока ещё не понимал до конца, что их жизнь изменилась навсегда и бесповоротно. А утром матушка продала половину своих драгоценностей, нашла квартиру на окраине Гьердараунта, и они стали жить там.

В квартире было не так уж и плохо. Чисто, светло, тепло и сухо. Но они не ценили тогда этих радостей жизни. Слишком сильным был контраст. Язен плакал и капризничал, а матушка молча каждый день уходила искать работу, оставляя её с братом. Но работы не было. Точнее никто не хотел давать им её, словно они Проклятые. Тогда-то и пришло то злосчастное письмо.

У отца было много приятелей по всей стране, с которыми он поддерживал торговые и дружеские отношения. И когда его только арестовали не все таки отвернулись от него. Тал Артур Сворк, оказывается, приходил к нему в тюрьму и не раз. О чём они говорили, оставалось для домашних секретом, пока не пришло это злосчастное письмо. Но на последнем свидании отец умолял под страхом смерти матушку и её, Сару, ни в коем случае не принимать предложение тала Сворка. Они, конечно, пообещали. А потом отец умер, и всё отступило на второй план, кроме неизбежного горя. Тогда-то их и нашло письмо Сворка.

Он писал, что является давним приятелем отца и желает помочь ему и его семье. Насколько, они поняли по дорогой белоснежной бумаге, приятель отца был вполне состоятельным человеком. Но помощь, которую он предлагал, была чудовищной. Сара передёрнулась тогда, когда матушка зачитывала им вслух письмо, всего несколько месяцев назад. Из его письма выходило, что деньгами их обеспечить он не в состоянии, так же, как и уплатить долг отца. Сара потом выяснила, что это ложь. Он мог, но не хотел. Но у него есть знакомый, который согласен обеспечивать всю их семью до старости, а после смерти завещать всё своё имущество вместе с фамильным особняком им при условии того, что Сара

выйдет за него замуж. И всё бы ничего, но далее тал Сворк писал, что умрёт этот знакомый скоро и жить ему осталось всего ничего, хотя тому едва перевалило за сорок, ведь его друг — Проклятый. При этих словах матушка замолчал, с ужасом и изумлением вглядываясь в строчки письма. Виданное ли дело — предлагать заключать брак с Проклятым. Это надо выжить из ума, чтобы такое предложить, либо принять предложение. Разумеется, они ничего не ответили талу Сворку, но письмо матушка зачем-то сохранила. Может быть, она чувствовала, что скоро её дочери некуда будет идти, кроме как в умело расставленные сети? Нет. Скорее всего, талья Эмеральда Бален сохранило письмо ради адреса. Может быть, тал Сворк когда-нибудь сможет помочь её дочери. Наверное, так размышляла матушка, раз и навсегда запретив и ей и себе думать о содержимом письма.

А потом... Потом всё стало намного хуже. Последние драгоценности матушка продала, так и не найдя работы. Пришлось съехать с этой квартиры, ибо они не могли её оплачивать. Они сняли холодную и сырую комнату, полную мышей и тараканов, но и на неё едва хватило вырученных денег. Шубу свою матушка продала и кашляла всё больше и больше. Сара тоже искала работу, чтобы оплатить лекаря, который, буквально, ночевал у них. Но работы не было. Один раз, когда она вернулась, услышала крик. Матушка дралась с лекарем, который нависал над ней, пытаясь то ли удушить, то ли раздеть. Сара бросилась к ним и оттолкнула его. Лекарь, было, хотел опять броситься к ней, но тут у тальи Эмеральды Бален пошла горлом кровь. Через несколько часов мама умерла, не приходя в сознание, а лекарь исчез, прихватив с собой её обручальное кольцо в счёт оплаты его услуг. А потом по городу поползли мерзкие слухи о мамином распутстве, которые в отместку распускал лекарь. Теперь весь город, стоило Саре выйти на улицу, показывал на неё пальцем и кричал непристойности. Работы так и не было, а Язену становилось всё хуже и хуже. Ничего больше не оставалось, кроме как прибегнуть к последнему средству — письму тала Сворка и согласиться, отменяя навсегда свою свободу, волю и имя. Но хотя бы не честь. Знакомый тала Сворка предлагал брак. Правда, что такое брак с Проклятым, как не продажа чести?

Сара поёжилась, потом открыла письмо, несколько раз перечитала знакомые полуистёртые буквы и вздохнула. Сегодня тал Сворк получит от неё ответ. Прости отец. Если бы не Язен, она лучше бы умерла с голода, но обрекать брата на такую смерть была не вправе. Она ещё поторгуется за его жизнь и здоровье, раз за свою уже торговаться не может.

«Талу Артуру Сворку от тали Сары Бален», — начала она. Потом сжала зубы, обмакнула перо в чернильницу и начала выводить такие знакомые буквы, складывающиеся в слова со страшным смыслом. Потом взглянула на Язена. Он спал, тяжело дыша. Кажется, у брата начиналась лихорадка. Чего она ждёт? Сара сложила письмо и подписала адрес, потом достала последние пару сольденов, которые у неё были. Надо найти курьера. Почтовым работникам это письмо она ни за что не доверит. Она открыла дверь, потом тихонько притворила её и выскользнула на улицу, в чём была. Ничего. У неё здоровье хорошее, не заболит. На углу стоял патрульный. Его лошадь переступала копытами, а изо рта шёл пар. Знатно подморозило. Сара подошла к всаднику. Краткий разговор, и плата перекочевала из её руки в его. Он был новеньким на этом посту. Раньше она его здесь не видела, а значит, скорее всего, он не знал слухов, ходивших здесь про неё. К тому же адрес и имя на письме впечатлили всадника. Правильно. Тал Сворк жил в самом богатом квартале города.

Сара поклонилась патрульному и отправилась в их убогую квартирку. Он обещал отнести её письмо, как закончится смена, значит, ответа ждать только вечером. Она могла бы сама прийти к талу Сворку, но Язен болен, а идти очень далеко, почти через весь город.

Вздохнув, она взобралась на кровать, в надежде поспать ещё немного. Во сне не так хочется есть. Вчера она, обменяла на две булочки, фамильное кольцо. Кольцо стоило явно дороже, но спасибо, что хоть что-то дали. Могли бы просто отнять его и выгнать взащей. Есть хотелось очень сильно. Ничего, она то потерпит, а вот Язен... Но брат спал. Сара любовалась его тонким, исхудавшим, почти обескровленным, но всё равно таким красивым лицом. Он у неё мужественный мальчик, весь в отца. Он обязательно справится!

Наверное, она не заметила, как задремала, потому что в дверь вдруг постучали. Она встала с кровати и поёжилась, ступив босыми ногами на холодный пол. Потом машинально поправила подол платья и распахнула дверь. За ней стоял незнакомый человек, судя по одежде — слуга из богатого дома. Он брезгливо рассматривал обстановку, но не выказывал никакого недовольства.

— Здесь живёт тали Сара Бален.

— Да, — кивнула Сара.

— Я от тала Сворка. Если вы согласны — собирайтесь и едем к нему. Экипаж ждёт внизу. Тал выдал вам небольшую сумму на оплату необходимых расходов, — слуга чуть слышно хмыкнул, потом передал ей мешочек с сольденами и направился к выходу. — Я буду ждать вас в экипаже.

Сара с трепетом схватила мешочек с сольденами. Здесь должно хватить на оплату долга за съёмную комнату. А, может быть, даже останется и на еду для Язена. Какие бы цели не преследовал тал Сворк, сейчас он был удивительно великодушен.

— Язен, просыпайся. Мы едем в гости.

— Пришёл ответ на письмо? Так скоро? — Спросонья брат выглядел ещё более беззащитным, чем всегда.

— Да, — нетерпеливо ответила Сара. Собирать ей было нечего. Никаких вещей. Всё давно распродано.

Она помогла брату накинуть тёплую шаль, одну на двоих, сама надела капор и с трудом влезла в мокрые и холодные сапоги. Они были дырявыми, оба.

— Подожди минуточку, Язен, я пойду заплачу талье Беррине за комнату, — она ободряюще улыбнулась брату и вышла из комнаты. Общение с тальей Берриной не для его ушей.

Она как знала. Едва она постучала в комнату к хозяйке, как та распахнула дверь и появилась на пороге. И на Сару посыпались ругательства. Она едва смогла вставить фразу о том, что пришла наконец-то заплатить за проживание. Тогда Беррина сменила гнев на милость и пропустила её в свою комнату. Дородная и высокая, она возвышалась над Сарой на целую голову.

— Так что ты, дорогуша, нашла себе очередного клиента, — сально хихикнула хозяйка, отсчитывая сольдены. — Боюсь, ты плохо закончишь, совсем, как твоя мать.

Сара молчала. За эти полгода она в совершенстве овладела терпением. Её не первый раз обвиняли в том, чего она никогда не делала. Но кому это было интересно?

Попрощавшись с хозяйкой, она зашла за Язеном. Внизу их действительно ждал экипаж. Давешний слуга посмотрел на них с удивлением.

— У вас что, нет другого платья?

Сара покачала головой, порадовавшись тому, что в карете темно, иначе он бы заметил краску на её щеках. Краснеть она пока не разучилась.

— И вещей? Ладно, тогда поехали. Хозяин сам разберётся.

Слуга захлопнул дверь, и экипаж покати́л по скользким и грязным мостовым Гьердараунта, прочь от прежней жизни.

Через час они въезжали в ворота большого богатого имения. Талу Сворку нельзя было отказать во вкусе. Вечерело. Зажглись фонари. Но даже в их неверном свете Сара успела рассмотреть через окошко в экипаже аллею, украшенную статуями, беседку, зверинец, фонтан, выложенный мозаикой и огромные деревья, по обеим сторонам аллеи, уходившие ветвями ввысь, в звёздное небо. Тал Сворк, видимо, очень богат. На секунду в ней проснулась злость. Неужели этот Артур Сворк не мог выплатить долг за отца или, на крайний случай помочь, пусть и не безвозмездно, пусть в долг? К чему вся эта игра с её замужеством? Но она быстро погасила в себе искру разгоравшегося гнева. Он ровным счётом ничего ей не должен. И никто не должен. Так проще жить.

Язен заснул. Когда экипаж, наконец, остановился, Сара тронула брата за плечо. Он проснулся не сразу. Обняв, она вывела его на улицу. Язен сонно моргал, пытаясь понять, где они. На пороге новой жизни. Пути назад больше нет.

В гостиной, куда их провёл дворецкий, было светло и тепло. У камина стоял, опираясь на спинку кресла, тал Сворк. Обыкновенное лицо, никаких особых пороков не отражалось на нём. Немного уставший, примерно, возраста её отца, он так был похож на него, что к горлу подступил комок. Вернулась скорбь. Но нет. Ей нельзя плакать и вспоминать прошедшее. То что было — прошло, впереди новая жизнь и заботы о брате.

— Добрый вечер, тали Бален, — голос у тала Сворка оказался приятным, Сара сказала бы даже добрым, правда вот его отношение к ней... Слишком уж странно он на неё смотрел. А может она просто отвыкла от такого обращения.

Неловко поклонившись, она ответила:

— И вам добрый вечер, тал Сворк.

— Большая удача, что вы написали мне именно сегодня. Ко мне как раз сейчас приехал слуга с поручением от вашего жениха. Если вы не возражаете — завтра после обеда он отправится вместе с вами и мальчиком к графу Даррену.

Вот так, просто и по делу. Никаких вопросов. А на что она, собственно, рассчитывала?

— Хорошо, тал Сворк, я согласна.

— Вот и замечательно. Только, боюсь, в таком платье вы вряд ли сможете показаться на глаза хозяину Чендервилла, так что придётся вам завтра съездить в лавку готового платья, раз шить новое времени уже нет, — и предупреждая возможные вопросы, тал Сворк продолжил. — Я заплачу. Насчёт этого мы с графом Дарреном договоримся, я думаю. И мальчика надо одеть. Это ваш брат?

— Да, тал, — Сара крепче прижала к себе Язена.

— А сколько ему лет?

— На днях исполнилось шесть.

— Ну замечательно. Уже совсем большой. Как быстро растут дети! А сколько вам лет, тали?

— Восемнадцать.

Что за допрос? Какое дело талу Сворку до их возраста? Но Сворк, кажется, интересовался из дружеского интереса, чтобы просто поддержать беседу.

— Роберт покажет вам ваши комнаты. Завтрак в восемь утра. Думаю, кто-нибудь из служанок разбудит вас. Если захотите принять ванну — звоните в колокольчик. Сегодня вы

моя гостья и для вас — всё, что пожелаете, — Саре всё меньше и меньше нравилась услужливость тала Сворка. Она не понимала её. Он говорил с ней на равных и рассыпался в комплиментах, как будто она была прежней богатой тали Бален, а не невестой Проклятого графа. Кстати, она сегодня впервые услышала титул и имя будущего жениха. За последние несколько лет такого Проклятого она не помнила, хотя обычно в газетах писали имена всех, кого заклеямили за этот месяц. Тут что-то одно из двух — либо его заклеямили так давно, что даже никаких записей не осталось, либо его клеймили в другом городе.

— Ах, да. Вы, наверное, голодны! Роберт! Проводите тали Бален с братом в столовую и подайте ей холодные закуски, — а когда Сара уже хотела поблагодарить тала Сворка за радушие, потому что есть она хотела, да так, что подкашивались ноги, он вдруг бросил на неё странный, она бы сказала, многозначительный взгляд и добавил. — Вы прекрасны! Я рад, что познакомился с вами.

Сара молча поклонилась и отправилась вслед за Робертом, почему-то стора от неловкости. Что от неё надо талу Сворку? Может быть, он сам хотел жениться на ней, но по каким-то причинам не счёл это возможным? Выходя из гостиной, она поёжилась. Всё-таки хорошо, что она завтра уезжает из этого города. Конечно, Проклятый не будет лучше тала Сворка, но, по крайней мере, вред ей причинить не сможет.

Им с Язеном постелили в смежных комнатах. Но брат отказался засыпать, пока Сара не открыла настежь дверцу, соединяющую комнаты. Конечно. В необычной обстановке она сама вряд ли сможет скоро заснуть. Но это не важно. Главное, что они наконец-то сыты, а в комнатах было уютно и тепло. А завтра будет завтра. Сара легла на мягкую постель, закрыла глаза и задумалась о том, что ждёт её впереди. И, кажется, её всё-таки сморило. Сон был спокоен. Никаких кошмаров.

Утром она встала посвежевшая и выспавшаяся. Интересно, сколько времени? Пора ли завтракать? Язен ещё не проснулся. Сара подумала, а потом позвонила в колокольчик, стоявший на столике возле кровати. Через несколько минут в комнату вбежала служанка.

— Вы звали, госпожа?

Госпожа? Её давно так никто не называл.

— Да. Прошу прощения, сколько сейчас времени?

— Без четверти восемь. Тал Сворк как раз хотел отправить меня к вам — разбудить. Сейчас я принесу вам таз и кувшин с водой для умывания, а потом провожу в столовую.

— Хорошо, — Сара кивнула.

В восемь они вместе с братом, спустились в столовую. Хотя кроме слуг и самого хозяина в ней никого не было, Саре вдруг стало стыдно. Её бедное залатанное платье, исхудавшие руки, впалые щёки и мешки под глазами, взглянувшие на неё из зеркала, принесённого служанкой, никак не соответствовали этой богатой столовой. Но тал Сворк словно не замечал ничего и общался с ней, как ни в чём не бывало. Либо он такой человек, что, впрочем, сомнительно, либо у него есть какие-то планы насчёт неё.

Они завтракали в молчании. Потом, Сара встала из-за стола, вслед за хозяином и позвала Язена. Брат выглядел более здоровым, чем вчера, но всё равно слишком уж бледно. Она выторгует у будущего мужа всё самое лучшее ему, включая личного доктора!

— Тали Бален, прошу меня простить. Я бы пообщался с вами подольше (и я думаю, у нас с вами всё ещё впереди), но дела, увы, не терпят отлагательств. Через полчаса, вас будет ждать мой кучер. Он отвезёт вас в магазин готового платья. Возьмите всё, что вам необходимо, всё, что нужно женщине. Гребни там всякие, ленты для волос, что ещё

требуется, — тал Сворк помахал руками в воздухе, видимо, от недостатка слов. — В общем, соберите свой гардероб. У графа Даррена не будет возможности купить вам вещи, но он всё оплатит. Более того, я думаю, он будет даже не против видеть на вас драгоценности, так, что, Роберт, пожалуй, завезёт вас и к ювелиру.

— Благодарю, тал Сворк, — Сара растерялась. Хотя это естественно, что будущий муж хочет видеть перед собой красивую девушку, а не её бледную тень. Ну что-ж, он имеет на это право.

— Замечательно. Значит, до встречи, тали Бален, — Тал Сворк поднёс её руку к губам и поцеловал. Почему он так обращается с ней? И на какую встречу надеется? Сара решительно ничего не понимала, но одно радовало — сегодня она уезжает от этого странного Сворка надолго и насовсем. Что случится потом, её не должно волновать.

В лавке готового платья она пробыла пару часов. Несколько платьев выбрала себе — неброских, но практичных и тёплых, как раз на такую погоду. Одно платье взяла на торжественные случаи. Её будущий муж не будет, наверное, против, если на свадьбу она наденет не слишком помпезное платье. Хотя, впрочем, от него всё можно ожидать, он же Проклятый! А она обязана будет подчиниться. Сара горько вздохнула. Нет, платье она возьмёт всё равно. Мало ли что. Так. Ещё пара нарядов на лето, плащ, муфта, шуба... Язена в это время одевали в другой примерочной. Прикупив всё необходимое, они отправились к сапожнику, а оттуда в лавку всяких нужных мелочей и к ювелиру. Она знала толк в драгоценностях, по крайней мере, так всегда говорил ей отец, поэтому почти сразу выбрала то, что подходило к купленным платьям, и вернулась обратно в экипаж.

Там её ждал Язен. Теперь, когда новое тёплое пальто и сапоги согрели его, брат задремал. Так даже лучше. Она может подумать в одиночестве. Оставалось только пообедать в имении тала Сворка, а потом пересесть в другой экипаж и отправится к будущему мужу. Интересно, далеко ли до имения этого графа Даррена?

Обед в имении тала Сворка проходил в молчании. Сара переоделась в самое неброское платье из всех, которые купила, но всё равно ловила на себе странные взгляды Сворка. Язен почти дремал за столом. Через полчаса им выезжать, а она никак не может спросить о том, что её беспокоило. Конечно, тал Сворк ей ничего не должен, но всё же...

— Тал Сворк?

— Да, тали Бален?

— Меня вчера вызывали письмом в городскую управу по делу о воровстве отца. Не могли бы вы... — она замялась. Просить этого человека почему-то совсем не хотелось, но если её прикажут арестовать, пострадает прежде всего Язен. У него никого кроме неё нет. Она хотела сообщить талу Сворку о письме вчера, но забыла. Она вздохнула и уже решительней продолжила. — Не могли бы вы сказать им.

— Не беспокойтесь! — перебил её Сворк. — Я всё улажу. Вас, наверное, вызывают, как свидетельницу, не более. В любом случае, положитесь на меня.

— Благодарю вас, — кивнула Сара и встала из-за стола. Обед окончен, а находиться рядом с талом Сворком, пусть и не совсем наедине ей было всё же очень неудобно. Тал тоже поднялся, видимо, собираясь что-то сказать, но ситуацию разрядил слуга.

— Экипаж готов, тали.

Сара с облегчением поспешила к экипажу проверять, не забыл ли Роберт уложить её вещи. Чемодан с тёплыми вещами и корзинку с провизией, она поставила в ноги. Дорога предстоит дальняя. До имения её будущего мужа пару дней пути. Она усадила Язена в

экипаж, укутала ему ноги, под спину подложила подушки, а на плечи накинула шубу. Его ослабленный организм отдыхал, восстанавливаясь во сне, и Язен почти всё время дремал. Сара не беспокоилась. Даст Господь, и брат совсем выздоровеет. Она забралась в карету и уселась поудобнее. Кучер закрыл дверцу и экипаж покати́л по заснеженным аллеям прочь от дома тала Сворка, прочь из Гьердараунта, от всего, что она знала и любила.

В гостиной Чендервилла было темно. Свет исходил только от камина, да от одинокой свечи в массивном серебряном подсвечнике. Граф Джозеф Даррен сидел, откинувшись на спинку кресла. Рядом с ним лежала изящная трость с костяным набалдашником в виде совы.

— Я слышал, что ты женишься, — голос его собеседника был приятным, молодым и звонким.

— Это неожиданность для тебя, Армин? — Граф Даррен потянулся к кочерге и постучал по углям в камине, заставив искры роем взметнуться вверх.

— Конечно. Я думал, мы друзья, — в голосе Армина послышалась лёгкая обида.

— Не обижайся. Это отчасти неожиданность и для меня самого. Когда я услышал об истории семьи Бален, то не смог пройти мимо. Правда, кроме Сворка я никого в Гьердараунте не знаю. Я отправил ему письмо полгода назад, но тал Сворк сказал, что ответа от семьи Бален не получил. Ну и Бог с ними! Я даже не расстроился, что мою помощь не приняли, — Джозеф едва слышно вздохнул. — Но вот, буквально, пару часов назад прискакал гонец с письмом от Сворка, где он пишет, что Сара Бален согласна выйти за меня замуж. Она приедет сюда с моим экипажем вместе с маленьким братом.

Граф Даррен замолчал. В комнате повисла тишина, прерываемая лишь треском углей в камине, да тиканьем настенных часов.

— Но почему сразу свадьба, Джо? Ты бы, наверное, смог помочь этой Бален и без этого.

— Не беспокойся. Всего лишь фиктивный брак и ничего более. Не могу же я оставить своё имение неизвестной мне лично девушке, да ещё и инкогнито. К тому же мне запрещено появляться за границами Чендервилла и его угодий, — граф тяжело вздохнул и поднёс руку ко лбу, который закрывала маска. Армин заметил этот жест.

— Ты вообще не снимаешь маску?

— Сейчас — нет. зачем пугать людей моими уродствами? Я на финишной прямой. Мне недолго осталось. Рано или поздно, но все забудут, что будущая графиня Даррен когда-то была замужем за Проклятым. А деньги открывают любые двери, — он невесело усмехнулся.

— А... А по своему делу ты ничего не выяснил?

— Нет, Армин. Да это и бесполезно. Я хочу лишь спокойно умереть.

— Спокойно тебе вряд ли дадут, — улыбнулся Армин, но сразу посерьёзnel. — Не боишься истерик будущей тальи Даррен? Она, наверное, будет падать в обморок при виде тебя или закрываться на все замки в своей комнате.

— Зато мне будет нескучно, — хрипло рассмеялся Джозеф. — Я так устал от одиночества, особенно зимой. Оно давит. Я с детства привык к нему, но временами оно бывает просто невыносимым. Вот через пару дней ты вернёшься в свой полк, и что делать мне? А потом ещё и женишься. Ты же знаешь, что за дружбу с Проклятым, если узнают, тебя не поглядят по головке.

— Проклятые — это Проклятые, а ты — это ты, — с горячностью произнёс Армин.

— Эх. Молодо-зелено. Ничего, я обязательно впишу в завещание тебя.

— Тебе всего сорок с небольшим...

— Сорок три, — поправил Джозеф.

— Неужели всё так плохо? Неужели нет никакой возможности? — в голосе Армина слышалось сожаление и тревога.

— Нет. И давай не будем об этом, — нахмурился граф. — Я не люблю ворошить прошлое и думать о будущем. Когда я был так же молод, как ты, то тоже верил в чудесное спасение, но, увы, создатели клейма остудили мой пыл. Теперь есть только сегодняшний день, и он прекрасен, — Джозеф улыбнулся, потом приподнялся в кресле и тут же упал, застонав от боли.

— Что? Стало ещё хуже? — Армин бросился к графу, чтобы поддержать его.

— Не надо, — Даррен отмахнулся. — Оно прогрессирует. Я же говорю, что мне недолго осталось. И тогда, наконец, наступит облегчение.

Экипаж подпрыгивал на кочках и ухабах. Язен спал, а Сара думала и вспоминала. В дороге прошёл уже целый день. Гостиница, в которой они рассчитывали заночевать, была закрыта. Ни возможности отдохнуть, ни сменить лошадей. Но кучер, видимо, не особо и рассчитывал на это, потому что они постояли только пару часов, дали отдых лошадям, а потом экипаж снова тронулся в путь. На облучке висел фонарь, освещаая дорогу. Ехали медленно, но всё равно колесо то и дело попадало в колею или выбоину. Припорошенные снегом, они были совсем не видны в темноте. В таких условиях рассчитывать на спокойный сон тяжело, поэтому Сара пересела к Язену, обняла его, прижала к себе, чтобы он не ушибся ненароком, сама прислонилась к спинке сиденья и попыталась вспомнить всё, что она знала о Проклятых.

Пару веков назад, после изнуряющей войны со свирепым горным Андерром, тюрьмы были переполнены. Строить новые, опустевшая за годы войны казна, не позволяла. И тогда учёные, имевшие дар, изобрели клеймо раагар, которое в народе быстро окрестили Проклятьем. Тюрьмы стали не нужны. Клеймо не позволяло преступникам больше совершать преступления. Но через несколько лет выяснили, что клеймо слишком суровое наказание для всех провинившихся, без разбора. Преступники, получившие его, умирали в жутких мучениях, проклиная себя и весь белый свет. Отсюда и пошло просторечное название — Проклятье. Тогда клеймить решили только тех, чьи преступления были так велики, что заслуживали смертной казни или пожизненного заключения в тюрьме — убийц, насильников, колдунов и прочих людей, чьи поступки взывали к Небу об отмщении. Естественно, что обычные люди стали их презирать. А Проклятыми стали пугать детей.

После получения клейма такие люди не имели права жить нормальной жизнью и становились изгоями. Их выселяли из города. Если это были богачи, то они могли жить за счёт своего имения и доходов с него. Если же бедняки — а таких большинство, то им ничего не оставалось, кроме как найти работу или умереть голодной смертью. Их редко брали на работу, хотя Проклятые после получения клейма становились безопасны, а работать были готовы только за еду. Да и сами преступники не часто соглашались на работу. Те из них, которые убивали и насиловали, не зная никаких границ, после получения печати скоро сходили с ума и умирали. Это был конец им по их делам, воздаяние. Клеймо действовало так, что не позволяло преступнику причинить вред кому либо, кроме себя. Он не мог больше

ни убивать, ни насилловать, ни издеваться. К тому же клеймо постепенно ослабляло силы. Мало кто из получивших его даже лет в тридцать доживал до пятидесяти. Последние годы, насколько Сара читала об этом, были для преступника сущим мучением. У него начинали лопаться сосуды и появляться рубцы и гнойники на всём теле, ноги и руки отказывались служить, волосы седели, а лицо покрывалось морщинами. Он старел не по возрасту и умирал в жутких мучениях, которыми, наверное, хоть отчасти мог искупить свои преступления. Спасения от этого клейма не было. Никому за всё время не удалось избавиться от него, хотя преступники ходили даже к колдунам, которых на момент создания клейма, ещё немало бродило по миру.

Это было всё, что Сара запомнила из истории Проклятых. Давным-давно она читала вместе с гувернанткой труды на эту тему. Отец давал ей разностороннее образование, надеясь, что она будет достойной его преемницей и удачно выйдет замуж. Прости, отец. Не сложилось. Сара сжала губы, гоня прочь от себя воспоминания об отце. У неё всё хорошо. Если она будет вспоминать о прошлом, то сойдёт с ума.

Но непрошенные мысли, так и норовили обосноваться в голове. Интересно, её будущий муж насильник или, может убийца? Что он совершил в своей жизни? И не покажется ли ей замечательным человеком тал Сворк, по сравнению с ним? Одно утешает — он не сможет причинить вред ни ей, ни Язену, клеймо не позволит.

— Сара, нам ещё далеко? — Брат проснулся и зевнул, обняв сестру.

На лице Сары мелькнула бледная улыбка.

— Ещё ночь и день пути. Мы будем в усадьбе только завтра вечером. Ты устал? Потерпи немного. Хочешь пирожков?

— Неа, — Язен покачал головой, а потом серьёзно и совсем не по-детски взглянул на неё. — Ты не передумала? Папа же просил не соглашаться.

— Я знаю, малыш. Но, что я могу поделать? — На душе и так было темнее тучи. Она шла против просьбы отца и против своей совести. Она продавалась! Если бы была хоть малейшая лазейка... Но жизнь не оставила выбора...

— Ты не будешь жалеть? — Этот серьёзный голос Язена всегда пугал её. Не должен шестилетний ребёнок так говорить. Его время сейчас играть в солдатиков и рассуждать о том, почему Кьярден победил Андерр.

— Нет, милый. Никогда, — она крепче прижала его к себе. Она не будет жалеть ни за что! Если Язен вырастет здоровым и сильным и сможет позаботиться о себе, для неё это уже будет самой большой радостью, которая искупит несколько лет сожалений. Ведь Проклятые, действительно, не живут долго, а граф Даррен, насколько ей было известно уже далеко не молод. Может быть, желать смерти другому — это кощунство, но и его заклеямили не безвинно.

Когда рассвело и экипаж смог ехать уже без фонаря, а дорога улучшилась, Сара задремала. Перед тем, что ждёт её впереди лучше выспаться.

Вечером, усталые и порядком замёрзшие они въезжали в ворота Чендервилла. То, что это имение — именно Чендервилл, Сара не сомневалась, потому что за весь последний день, она не увидела вблизи никакого другого жилья. Дорога, по которой ехал экипаж, выглядела так, словно ей пользовались очень редко, хотя снег местами скрадывал её недостатки. Вдалеке Сара видела крыши каких-то селений и уходящий ввысь дымок из труб, но они объезжали все жилые места стороной. Конечно, Проклятый мог жить только в глуши, подальше от людей. Она вздрогнула, представив, какие здесь могли твориться преступления, но тут же успокоила себя. Она сама выбрала такую судьбу, и глупостью было бы пугать себя теперь, чтобы сделать свою жизнь здесь невыносимой.

Экипаж замедлил ход, и копыта лошадей звонко застучали по расчищенной дороге. Они въехали во двор Чендервилла. Здесь было темно. Видимо, хозяин имения не любил зажигать фонари, поэтому кучер, знакомый со здешними обычаями, не затушил свой. В темноте Сара разглядела лишь силуэты деревьев, словно перед имением был не сад, а лес, а ещё громаду дома. Во всём Чендервилле светились только три окна. Да, приветливостью хозяин дома не отличался. Но Сару почему-то это успокоило. Она вспомнила роскошные фонтаны, статуи, фонари и пышное убранство дома тала Сворка. Там она чувствовала себя не на своём месте, среди всей этой помпезной роскоши, а здесь почему-то было уютно.

Кучер распахнул перед ними дверцу экипажа. Сара вышла и помогла выбраться Язену. Крепко держа его за руку, она направилась к проёму двери, манившему ярким светом. Идти было внезапно тяжело. Одно дело думать о том, что должно случиться, другое — менять свою жизнь, неотвратимо и прямо сейчас. Она вздохнула, помедлила немного, потом сжала губы и решительно сделала первый шаг.

— Проходите, сюда тали, — необычно вежливый слуга провёл её в прихожую, помог снять тёплую шубу. Сара передала ему пальто Язена и свой капор. — Подождите, сейчас я доложу хозяину о вашем приезде.

Вот так. Вежливо и дружелюбно. Сара немного расслабилась. Она никогда в жизни не видела Проклятых вживую. А слухи ходили самые разные, вплоть до того, что они по ночам превращаются в чудовищ под действием клейма и воют на луну. Ну, допустим, про чудовищ это, конечно, ложь. А вот в том, что они совсем не могут причинить никакого вреда, она немного, но сомневалась. Но не будут же вполне приличные люди, каким ей показался этот слуга, работать на такого человека. Может всё вовсе и не так страшно, как она себе напридумывала? Она вздохнула, обняла Язена и приготовилась к долгому ожиданию, но слуга вернулся уже через пару минут.

— Граф Даррен просит вас пройти в гостиную.

Сара кивнула и отправилась за ним. Наверное, они выглядели очень странной процессией. Причудливая игра теней от свечей на подсвечнике, который держал слуга, делала их то великанами, то лилипутами, ломаными силуэтами отражаясь на стенах. Интересно, почему граф не прикажет зажечь свет в доме? Пару раз огонёк свечи выхватил из темноты светильники, расположенные на стене по всему коридору. Наверное, на это у него есть какая-то своя причина.

Они повернули налево, и Сара разглядела в темноте массивную дверь. Слуга остановился перед ней и постучал. Раздалось глухое: «Войдите». Перед Сарой распахнули

дверь. Она вошла внутрь и на минуту почти ослепла от яркого света. Горели газовые светильники, ярко пылал камин. Она мельком успела отметить богатую мебель и дорогие деревянные панель на стенах, но взгляд тут же выхватил фигуру, закутанную в плащ, в кресле у камина. Хозяин Чендервилла сидел к ней боком. Лицо скрывал капюшон.

— Добрый вечер, тали Бален. Как доехали? — Голос приятный. Никакой насмешки.

— Добрый вечер, граф. Всё замечательно, — на вежливость стоит отвечать вежливостью.

— Вы, наверное, устали с дороги. Я не отниму у вас много времени. Просто хотел обсудить кое-какие детали.

Сара вздохнула. Началось.

— Хорошо.

— С вами ваш брат? — Внезапно перевёл разговор граф.

— Да, — кивнула Сара. А что, разве непонятно? Кто ещё может быть рядом с ней?

— А как его имя?

— Тал Язен Бален, — Язен поклонился, изо-всех сил желая выглядеть маленьким джентльменом. Но этот допрос, как и у тала Сворка почему-то начал раздражать Сару. Граф что-то имеет против её брата? Тогда она ни за что здесь не останется!

— Замечательно. Я — граф Джозеф Даррен, — Саре почудилось, или она уловила отголоски смеха в голосе графа. — Не мог бы ты, Язен отдохнуть немного и пообщаться с моим лабрадором, к примеру? А мы с твоей сестрой решим в это время все необходимые вопросы.

Граф свистнул. Тень, лежавшая под табуретом возле камина, на которую Сара поначалу не обратила внимания, встала и подошла к Даррену. Это действительно оказался большой лабрадор. Граф что-то тихо сказал ему на ухо. Пёс умным взглядом осмотрел Сару с братом и медленно подошёл к ним. Сара вздрогнула, когда мягкий нос коснулся её руки. Она чувствовала, как напрягся Язен, но пёс добродушно завилял хвостом и потрусил в дальний конец гостиной, приглашая брата за собой. Язен вопросительно посмотрел на сестру.

— Иди с ним, — улыбнулась Сара. — Мы недолго.

— Его зовут Ветер, — тихо произнёс граф. Но Язена уже ничего на этом свете не интересовало. Он зарылся пальцами в собачью шерсть, обнял лабрадора и тихо начал нащёптывать ему что-то на ухо. Сара чуть слышно вздохнула. Дома у брата были пони, кошки, канарейка, целый зверинец невиданных птиц и животных, а ещё собака, верный Доплер. Пса застрелили у них на глазах. Он попытался защитить их, когда пришли опечатывать имущество. После этого Язен долго кричал во сне. Ветер сейчас как раз вовремя. Она почувствовала, что улыбается, когда медленно подошла к графу. Он указал рукой на стул. Она присела. Стул стоял таким образом, что Сара не видела лица графа, а вот он спокойно мог разглядывать её. Они молчали. Наконец, через пару минут он заговорил:

— Тали Бален, я хотел бы поговорить с вами о брачном договоре.

— Я слушаю, — она почувствовала, как заныло тревожно сердце. Что будет написано в этом договоре? И ведь она уже не имеет права отказаться...

— Генрих! — Позвал граф. Потом ещё раз и громче. Дверь в гостиную отворилась, и появился тот самый вежливый слуга, который встретил их. — Принеси, пожалуйста, брачный договор.

Генрих исчез, а через несколько минут вернулся с бумагами в руках. Отдав их графу, он поклонился и тихо вышел, закрыв за собой дверь.

— Вот, тали Бален. Здесь всё написано. Если вы захотите дополнить договор — скажите мне — я допишу. Только читайте внимательно. А, да, брак будет фиктивным. Так что не стоит сильно беспокоиться, — Саре почудилась насмешка в голосе графа.

Она кивнула в ответ и взяла договор. Допустим, про фиктивный брак она всё же не совсем поверила, но расслабилась и выдохнула. Первыми в договоре шли пункты, в которых перечислялись титулы, земли, имущество и денежные средства, которые по смерти супруга должны будут достаться ей, а также ежемесячные суммы, которые она может тратить на своё усмотрение. Это она читала через слово. В первый момент её удивило состояние графа Даррена. Он, оказывается, был одним из самых богатых людей Кьярдена, богаче её семейства даже. Хотя отец не допускал её к денежным делам, Сара всё равно видела и понимала достаточно много. Она просмотрела весь договор, но не нашла ничего, относящегося к её брату. Это было очень плохо.

— Граф Даррен, — обратилась она к своему будущему мужу, сама удивляясь своей смелости. — Вы в договоре не указали ничего про моего брата. Я хочу, чтобы Язена было назначено содержание, которое бы выплачивалось ему вплоть до достижения совершеннолетия, а так же, чтобы вы оплачивали его обучение в пансионе и прочие карманные расходы. И ещё я хочу иметь право видеть брата, когда мне будет угодно.

Сара выдохнула и тут же чуть не поднесла в испуге руку к губам, представив как должно было звучать то, что она наговорила. «Я хочу». Но разу них с графом сделка, она имеет право просить изменить условия. В конце концов, она может отказаться от своего содержания в пользу Язена. Сара с нетерпением ждала ответа, чувствуя, как сильно бьётся сердце в груди.

— Хорошо. Я сделаю приписку к договору, — наконец сказал он. Сара ожидала чего угодно, но не такого спокойного ответа. Она выдохнула. — А вы сами, для себя ничего не хотите?

— Нет, тал. Мне всего хватает, — тихо ответила она.

— Хорошо. Тогда прочитайте пункт в договоре про ваши обязанности, пожалуйста, чтобы не было недопонимания, — ей послышался усталый смешок.

Она начала читать пункт. Ничего интересного. Если она захочет куда-то отлучиться из имения, то обязана будет предупредить мужа о планируемой поездке заранее, за неделю. Так же в конце каждого месяца она должна будет предоставлять отчёт о своих расходах. Графа можно было понять. Он не хотел, чтобы, по крайней мере, до его смерти, она растратила всё его состояние. Но вот последний пункт удивил её. Каждый день одна должна будет встречаться с мужем в библиотеке и оставаться там с ним ровно один час. Всё остальное время она может проводить, как ей вздумается. То есть её никто не заставит видеть графа больше чем этот один час в день. Но зачем ему эти встречи в библиотеке? Она сразу вспомнила слухи, которые ходили о Проклятых, и поёжилась. Но назад дороги не было, а один час она как-нибудь перетерпит. Граф не показался ей таким уж страшным человеком. Может быть, в молодости он совершил какое-нибудь страшное преступление, в котором уже много раз раскаялся. Кто знает?

— Я согласна со всем, — тихо ответила она.

— Вот и хорошо, — в голосе графа не было торжества, скорее усталость. — Я сейчас сделаю приписку к договору про тала Язена Балена. Вы сейчас прочтёте его, а завтра, при нотариусе и свидетеле подпишете.

— А бракосочетание назначено на завтра? — Сара спросила почти шёпотом. Голос

предательски дрогнул.

— Да. Я думаю, так будет лучше. А зачем тянуть? — Граф постучал кочергой по углям в камине. Сара обратила внимание на его тонкую, словно высохшую руку, обтянутую перчаткой. Они помолчали, а потом она осмелилась:

— У вас есть какие-то пожелания к моему внешнему виду на завтрашней церемонии?

— У меня? Пожелания? — В голосе графа явно послышалось недоумение.

— Ну тал Сворк подумал, что вам было бы приятно видеть меня в драгоценностях... — Смешалась Сара. — Он сказал купить мне всё необходимое и что вы это оплатите. Вот я и подумала...

— Тал Сворк? — В голосе графа ещё более явственно проступила усталость. — Вот вы с чём. Конечно, оплачу. Не беспокойтесь. Но одеваться можете по своему вкусу, как вам угодно, впредь не спрашивая у меня об этом.

— Хорошо, благодарю вас, — Сара склонила голову. Она решительно ничего не понимала. Почему тал Сворк представил ей мужа не совсем в том свете, в котором граф Даррен предстал сейчас перед ней? Вероятнее всего Сворк вёл какую-то свою игру, которую она пока не могла понять, но эта игра ей явно не нравилась.

Граф Даррен позвонил в колокольчик. Генрих принёс ему писчие принадлежности и листы бумаги. Когда слуга ушёл, граф с трудом встал с кресла и, опершись о трость, которую Сара только сейчас заметила, хромя, направился в другой конец гостиной, к письменному столу, приглашая её жестом следовать за собой.

— Садитесь. Я сейчас допишу договор, а вы прочтёте.

Сара села на стул, напротив графа за столом. Пока он писал, она украдкой посматривала на Язена. Брат обнимал и гладил Ветра, а пёс добродушно позволял делать с собой всё, что заблагорассудится. Счастье, которое отражалось на лице Язена, заставило её улыбнуться. Настроение поднялось.

— Возьмите договор, тали Бален, — Сара взглянула на графа с улыбкой. Наверное, получилось лукаво или он счёл её слишком дерзкой, потому что вдруг отвернулся.

— Всё правильно, — произнесла она, прочитав договор.

— Хорошо. Тогда я заберу его. Завтра в полдень приедет нотариус. Он заверит договор и напишет свидетельство о браке. Так что какой-то особой церемонии как таковой не будет, — в его голосе опять сквозила усталость. — У вас точно нет никаких просьб ко мне, тали Бален?

— Только та, которую не нужно отражать в договоре. Я хотела бы узнать, граф, сколько вам лет, — Сара улыбнулась и сама удивилась своей дерзости. Наверное, на неё подействовала атмосфера уюта и доброжелательности.

Впервые за полгода на них с Язеном никто не кричал, не обзывал и не унижал. И у неё даже в первый раз получилось после смерти матери улыбнуться легко и непринуждённо. А она ведь совсем забыла, как это — улыбаться. Наконец-то, Сара смогла расслабиться. Наверное, сыграло свою роль и то, что её отпустили тревоги и страхи, не оставлявшие её те два дня, что она ехала в экипаже, прочь от родного города. Хотелось смеяться и даже шутить. Она напоминала себе, что всё ещё впереди, что неизвестно, как поведёт себя граф после свадьбы, но... Она ведь ждала сумасшедшее чудовище в мрачном склепе, а граф Даррен показался ей скорее несчастным человеком, чем чудовищем.

— Сорок три, — в голосе графа послышалось удивление. Наверное, это не тот вопрос, который она должна была задавать, но Сара не могла остановиться. — Это всё, что вы

хотели знать, тали Бален?

— Нет, граф. Прошу прощения, если вам покажется дерзостью, то что я сейчас скажу, но я не могу выходить замуж за человека в маске. Я хочу увидеть ваше лицо, — весёлый смех Язена, донёсшийся из другого угла гостиной, успокоил её. Ну не выгонит же он её вместе с братом за дерзость? А любопытство всегда было в числе её недостатков. Так, по крайней мере, говорил ей отец.

— Вы точно хотите это увидеть, тали? — Граф сидел напротив неё на стуле. Глаза в прорезях маски казались при свете свечей, горевших в углу гостиной, почти чёрными. Сара слышалась в его голосе горечь. — Ну что-ж, — продолжил он, не дождавшись от неё ответа. — Вы имеете на это право.

Он отвернулся. Сара слышала, как зашуршала ткань. Граф пытался снять маску. Наконец, ему это удалось.

— Смотрите, — слышала она.

Она ожидала чего угодно — чудовища под маской, скелет, обтянутый кожей, страшилище из старых легенд, но перед ней было лицо человека. Красивые некогда черты, обезображены шрамами, которые рассекали лоб и обе щеки. А над губой вздулась кожа, наверное, готовясь покрыться язвами. То самое действие Проклятья уже незадолго до смерти. Глаза на строгом лице смотрели печально и жёстко, даже сурово. Щёки были покрыты щетиной. Волосы прядями спадали на лоб. Чёрные пряди мешались с седыми.

— Ну что, вы увидели, что я не чудовище? Довольны? — Голос вывел её из оцепенения. Она рассмотрела, как сжались губы у графа. Наверное, ему это было неприятно. И, правда. Это было совсем уж невежливо. Она заставила себя опустить глаза и сказала:

— Вполне. Благодарю вас, граф.

— Хорошо. Значит завтра в полдень. У меня почти нет женской прислуги, только кухарка и прачка, Мэри. Если хотите, я пошлю за горничной в ближайшее селение. Возможно, там найдётся подходящая вам девушка.

— Не надо. Спасибо. Мне не требуется каждодневная помощь. А в другие дни я вполне обойдусь и вашей прачкой. Думаю, она умеет всё, что мне нужно.

— Хорошо. Тогда я попрошу Генриха проводить вас в ваши комнаты, — в голосе графа слышалось удивление. Наверное, он ожидал, что Сара будет требовать горничную, но она за полгода привыкла одеваться сама. А ещё было ясно, что вряд ли даже за огромные деньги, кто-то посторонний согласится работать на Проклятого, несмотря на то, что он вовсе не был чудовищем, как она себе это представляла. — Как отдохнёте — можете спуститься в столовую или попросите ужин к себе в комнаты. Кухарка принесёт.

И граф встал и, хромя, пошёл к любимому креслу у камина, показывая, что разговор закончен.

Когда его будущая жена ушла, Джозеф уселся в кресло поудобнее и вытянул ноги к огню. Погода, наверное, меняется. Возможно, завтра будет метель или мороз. Боли были почти нестерпимыми. Говорил же ему доктор, найденный Армином, что рано или поздно, но всё равно придётся начинать принимать обезболивающие микстуры. А он так не хотел. Но спасения нет. Никто не даст гарантий, что он не сойдёт с ума от боли перед смертью.

— Ветер, ко мне! — Лабрадор послушно подошёл к хозяину и уселся у его ног, преданно заглядывая в лицо. Маску граф так и не одел. Она осталась на столе. — Ну что, друг мой,

удивила тебя моя будущая жена? А?

Он ласково потрепал Ветра за ушами. Разговаривать с лабрадором давно вошло у Джозефа в привычку. Пёс понимал всё и слушал, разве что не отвечал. Армин приезжал редко, а с преданным Генрихом можно изредка было перекинуться в вист, да побеседовать о погоде. Он был славным малым, но не понимал и половины из того, что граф хотел бы сказать.

И вот теперь приехала его будущая жена, эта тали Сара Бален. Откровенно говоря, он, конечно, ожидал увидеть другую девушку. Всё-таки когда-то она была знатной леди, и эта аристократичность сквозила во всех её чертах. А от аристократок он вообще не ждал ничего хорошего.

Граф усмехнулся. Как будто он не аристократ. Хотя нет, он принадлежит к ним только по праву рождения, больше ничего. Так вот, эта девушка... Он правда ожидал от неё истерики или слёз, а может бледных щёк и обморока. Ведь Проклятыми пугали с детства. Страшные легенды, рассказанные на ночь. И мало кто мог похвастаться, что действительно встречался с ними. Но тали Бален оказалась совсем другой, или просто очень хорошо владела собой. Она почти не боялась его. Приятный сюрприз. Граф научился с нескольких шагов чувствовать страх. А ещё тяжелее было видеть, иной раз, как от его вида у людей подгибались колени. Ну да, он же Проклятый, что с них взять?

Джозеф стянул с руки перчатку и задумчиво почесал шею. Там стояло это несчастное клеймо, от которого боль словно расходилась по всему телу. Ему недолго осталось. Он не лгал Армину. Года два от силы. И то, последний год, наверное, будет годом непрекращающейся агонии. Что-ж, он попытается подготовиться. В конце концов, он будет чувствовать себя удовлетворённым. После его смерти его состоянием не завладеют приставы. А как распорядится всем этим молодая вдова — это уже не его дело. Она любит брата и заботится о нём, попросила назначить ему содержание. Это хорошо. Значит, ей хватит ума не растратить всё состояние попусту. Когда он прочитал о деле тала Балена в газете, сразу решил помочь им и написал Сворку. Несправедливость с давних пор ему претила.

Граф натянул перчатку обратно. Руки с недавних пор мёрзли. Да и не нравились они ему. Он пугался своего тела, которые выглядело как тело семидесятилетнего старика. И как только тали Бален не испугалась его, когда он снял маску? Он от неё этого совсем не ожидал. Хотя, что она, уродов что ли не видела? Небось, за то время, что умер отец, всякого навидалась.

Он вздохнул. Будущую графиню Даррен всё-таки надо ещё будет обучить управлению имением. Собственно, для этого он и написал об обязательном часе в библиотеке. Он ожидал немного другую девушку. Хотя тали Бален, наверное, согласилась бы и без пометки в договоре. Но он не мог рисковать. Да нет! Что он лжёт себе? Он хотел общества. Хоть час в день беседовать с кем-нибудь кроме Ветра и Генриха. Одиночество наравне с клеймом постепенно сводит его с ума. Читать газеты в библиотеке, это, конечно, замечательно, но не сравнится никогда с живым общением. Граф даже Армину не рассказывал об этой приписке в договоре. Виконт не понял бы его. Он слишком молод и не понимает ещё, (и дай Господь никогда не поймёт!) как может давить одиночество.

Джозеф позвонил в колокольчик. Пришёл Генрих.

— Да, господин граф.

— Принеси мне сегодня сюда ужин. И потуши огни, пожалуйста. На половине тали

Бален можете зажигать свет, если она попросит, и в столовой. А в моей комнате пусть всё останется, как было.

Генрих кивнул и подошёл к светильником, туша их один за другим. Скоро в комнате воцарился привычный полумрак. Из-за клейма зрение слабело. Глазам больно было смотреть на свет. Да и видел он в темноте почему то лучше.

Через полчаса принесли ужин. Джозеф едва слышно вздохнул. Он уже видеть не мог кашу. Эти каши каждый завтрак и ужин, а иногда и на обед. Но его желудок последний год отказывался принимать что-то другое. Только каши, лёгкие бульоны и пюре. Но его кухарка была старой закалки и готовила только те блюда, которым выучилась у своих родителей, считая, что новшества до добра не доводят. Нет, она конечно преданная и добрая женщина, но кроме пудинга, холодца, мясных подливок и бифштексов в разных вариациях, готовить умела лишь кашу.

Пожинав, Джозеф с трудом поднялся и, опершись на трость, направился к двери. Ветер преданно следовал за ним. След в след. Хороший пёс, настоящий друг. Жаль только, что почти такой же старый, как и он. Ничего. Они умрут вместе.

Спальня находилась на втором этаже. Взбираться по лестнице в последние несколько месяцев стало невыносимо тяжелым делом. Он несколько раз останавливался, устало опираясь на трость. Генрих много раз предлагал ему помочь, но Джозеф отказывался. Он сам не мог сказать, что им двигало — фамильная гордость, или, может упрямство, но никто не должен видеть его беспомощным стариком. Вот когда он будет валяться в беспомысленности, сходя с ума от боли, тогда уже ничего нельзя будет поделать. А пока он в состоянии ходить, он будет ходить, даже если для этого ему придётся останавливаться на каждом шагу. А ведь год назад он ещё свободно ездил верхом... Джозеф вздохнул. Нет смысла думать о будущем, раз ничего изменить нельзя. Хотя иногда врывались сожаления. Ему ведь едва исполнилось сорок три. Это ещё даже не рубеж, скорее расцвет. А выходит вот так... Нет. Жалость к себе самое последнее из того, что он позволял себе чувствовать. Граф сжал губы, оперся о трость, и, преодолев, последние ступени, очутился на втором этаже.

Утром Сара проснулась рано. Ещё не рассвело. Она минут десять лежала в темноте, пытаясь вспомнить, где находится. Сон о том, что они до сих пор живут с Язеном в маленькой комнатухе родного города, был необычайно реален. Но там никак не могло быть ни бархатного полога над кроватью, ни такого мягкого постельного белья, да и зарешеченного окна...

Окончательно проснувшись, Сара села на кровати. Конечно, она в имении Проклятого, и сегодня их бракосочетание. Подумав об этом, она ощутила волнение, даже страх, но быстро взяла себя в руки. Граф вчера не показался ей таким ужасным, как она ожидала, даже наоборот. Другой бы на её дерзость ответил совсем иначе. Сара улыбнулась, вспомнив вчерашнюю просьбу. Но зато она теперь знала, что не так уж он и страшен, как ей представлялось. В конце концов, может быть его клеймили когда-то совсем давно и он уже раскаялся в своих поступках. Она представила, за что граф мог получить Проклятье, и ей стало не по себе, но она тут же приказала себе успокоиться. Это её не касается. Главное, сейчас — обеспечить достойное будущее Язену и отправить его в какой-нибудь пансион, а она уж как-нибудь потерпит.

Сара поискала одежду. Тёплое платье, в котором она путешествовала, следовало отдать прачке, а потом убрать до лучших времён. Сейчас она оденет что-нибудь повседневное. Чемоданы с вещами она обнаружила возле двери. Наверное, слуга принёс их вчера, пока она разговаривала с графом в гостиной. Она разберёт их потом. Сейчас надо только найти платье. Выбор, честно говоря, был небольшой, но пока сойдёт, а потом можно будет выписать из Гьердараунта ещё пару. Сара оделась и собралась уже позвать кого-нибудь из слуг, когда дверь распахнулась без стука, и к ней в одной пижаме вбежал Язен. Глаза у него были заплаканными.

— Что случилось, мальчик? — Сара обняла его, прижала к себе и усадила на кровать. В голову закралась страшная мысль. — Тебя кто-то напугал?

— Неа, — мальчик отрицательно помотал головой, хотя и выглядел напуганным. Но Язен быстро успокаивался рядом с сестрой.

— А что же тогда?

— Я проснулся, а тебя нет, — всхлипывая, поведал он. — А мне снилось опять, что Доплера застрелили. Я выглянул в коридор и забыл, за какой дверью твоя комната. Пошёл вперёд, пытаясь открыть все двери. И... — он запнулся, а потом продолжил. — Сара, ты не будешь меня ругать?

— Нет, конечно. А что случилось, мой милый?

— Я открыл одну дверь, а там стоит этот... этот граф. Он повернулся ко мне и... я даже закричать не смог. Он такой страшный! У него всё лицо в шрамах и он злой. Я посмотрел на него, а потом как быстро побежал вперёд! И вот, наконец, нашёл тебя. Ты можешь не выходить за него замуж?

— Ну-ну, успокойся милый. Видишь, ты всё же испугался. Граф Даррен вовсе не такой страшный, как тебе показалось. Разве ты никогда не видел людей со шрамами? Вспомни папиного знакомого, офицера Карста. У него ведь тоже шрам на всё лицо, а ты его не боялся. И ещё очень любил ездить на его лошадке. Помнишь?

— Да, — Язен кивнул. А Сара не стала рассказывать, что офицер Карст, узнав, что отца

обвинили в воровстве, так ни разу и не пришёл к ним и даже не написал.

— Вот видишь! А почему же ты тогда испугался графа? Ты ведь вчера его не боялся, правда ведь? Он тебя с Ветром познакомил. Такой хороший пёсик.

— Ветер — замечательный! Я так хочу собаку! — Язен успокоился, но в глазах его появилась печаль.

— Ну, дорогой, потерпи немного. Ты же знаешь, что тебе придётся уехать в пансион, а там, наверное, не разрешат держать собаку. Но я обязательно упрошу графа Даррена, чтобы на каникулах он позволял тебе сколько хочешь играть с Ветром, — Сара утешала брата, но сама не знала, разрешит ли это граф или нет, но она обязательно попросит, ради Язена.

— Но я не хочу в пансион! Почему нельзя остаться и жить здесь с тобой? — Закапризничал Язен.

— Ну я уже говорила тебе, — улыбнулась Сара, пойдя на небольшую хитрость. — Ты должен выучиться и выучиться хорошо, чтобы доказать, что отец был невиновен. Ты ведь этого хочешь, правда, Язен?

— Конечно! Я всем докажу, что папа не воровал эти бумаги! — Язен подскочил и глаза у него загорелись. — Ради этого я согласен терпеть пансион. Там, наверное, будет куча неотёсанных мальчишек. Ничего, я их всех научу считаться с родом Бален!

Сара вздохнула. Тяжело ему будет с таким характером, вылитый отец. Папа тоже всегда был горячим и порывистым, а ещё говорил только правду. Может быть, поэтому и перешёл кому-то дорогу.

— Вот и славно. А теперь давай я помогу тебе одеться. Больше не будем возвращаться в твою комнату, а пойдём сразу в столовую.

— Сара, я больше не буду бояться графа, правда. Настоящим мужчинам нельзя бояться! Это неправильно. Так отец говорил. Но, если он тебя обидит, ты пиши сразу мне. Я убегу из пансиона и приеду защищать тебя.

Сара засмеялась. На душе сразу стало легко. Если уж её брат не будет бояться, то чего страшиться ей?

— Хорошо, мой милый, обязательно напишу. А теперь пошли завтракать. Нам сегодня надо подготовиться.

— Ты выходишь замуж, да? А где же много гостей, карета и священник? А платье и драгоценности у тебя будут? Как у мамы чтобы, такие же красивые?

— Нет, милый, таких не будет точно. Но будут другие. И священника не будет с каретой. Граф Даррен не может поехать в церковь. Он болен.

— Он Проклят, да Сара? И по ночам превращается в летучую мышь и вылетает в окно?

— Да откуда ты это взял? Что за глупость! — Сара догадывалась, что брат читал в библиотеке те же легенды, что и она. Язен вообще любил за ней во всё повторять. Но в этом случае пример оказался слишком уж заразительным. Да что там, она ведь сама недавно готова была так же считать! Просто у брата в силу возраста стёрты границы фантазии и реальности. Он толком не понимал и кто такие Проклятые и за что на них налагали клеймо. Но он разберётся, рано или поздно и, может быть, даже откажется общаться после этого с сестрой, опозорившей таким браком свой род. Сара едва слышно вздохнула, но тут же прогнала печальные мысли. Язен сейчас полностью её. Он любит и доверяет ей. Всё остальное неважно. Она обняла брата. — Граф Даррен обычный человек и ни в кого он по ночам не превращается. Просто на нём стоит клеймо и из-за этого он сейчас болен, так что никаких свадебных торжеств не будет. Но ты не расстраивайся!

— Я просто очень хочу, Сара, чтобы ты была счастлива! — И опять этот взрослый взгляд.

— Я постараюсь, дорогой. Очень-очень сильно, ради тебя. А теперь давай-ка пойдём поищем твои вещи.

После завтрака Сара занялась приготовлениями к свадьбе. Поскольку, графа она со вчерашнего дня не видела и никаких особых указаний от него не получала, то решила одеться так, как считала нужным. А для этого всё-таки пришлось бы попросить служанку, кажется, её звали Мэри, помочь ей. Но искать её не пришлось. Мэри сама постучалась к ней в комнату, когда она разбирала вещи в поисках платья и драгоценностей.

— Тали Бален, меня послал граф, спросить, не понадобится ли моя помощь? Всё-таки я единственная служанка в этом доме, не считая, конечно, Анны, кухарки. Но та даже при всём желании не сумеет застегнуть вам корсет, — и Мэри хихикнула. Она выглядела вполне симпатичной и неглупой молодой девушкой. Интересно, какая тайна держит здесь её?

— Спасибо. Да, я как раз собиралась вас поискать, — Сара старалась общаться с девушкой вежливо, без излишней строгости. Матушка всегда учила её, что с прислугой нужно обращаться по-человечески и тогда она будет хозяев уважать. Жаль, что отец незадолго до обвинения в воровстве, полностью сменил штат прислуги. Вылезли наружу тёмные дела, которые творил бывший эконом и большая часть прислуги, прикрываясь его именем. А вот новые слуги ещё не успели узнать хозяев и проникнуться к ним доверием. Так и получилось, что даже желай Сара найти себе горничную, у неё не было ни одной преданной девушки на примете.

Вот только что делать с Язеном? Не может же он всё это время просидеть рядом с ней. Чем занять его? Сара уже хотела позвать брата, который сидел на лавочке возле её кровати и задумчиво рассматривал узоры на трельяже. Когда они жили в этой треклятой комнатухе, она всё время рассказывала ему сказки и обязательно с хорошим концом. Но вот сейчас у неё совсем не было времени. Вдруг в дверь тихо постучали.

— Войдите!

Вошёл Генрих с лабрадором.

— Тали Бален, хозяин поручил мне развлечь молодого тала. А я вот каждый день должен выгуливать Ветра, ну и подумал, почему бы мальчику не прогуляться вместе с нами? Мы недалеко. Только по аллее.

— Язен, — Сара улыбнулась. Какие здесь всё-таки доброжелательные люди! Она за последние дни в Гьердараунте совсем отвыкла от этого. — Ты пойдёшь с Генрихом и Ветром погулять?

— Я с удовольствием. Мне только нужно одеться. Вы подождёте, тал? — Спросил важно Язен, взглянув на Генриха.

— Разумеется, тал Бален, — серьёзно ответил слуга, но Сара расслышала смешинки в его голосе. Да, брат при чужих старался вести себя совсем по взрослому, и иногда это выглядело очень смешно. Она быстро помогла Язёну одеться.

— Сара, а ты почему не идёшь гулять с нами? — Спросил брат, глядя на неё.

— Язен, мне нужно переодеться и подготовиться к свадьбе, ты же знаешь.

Брат важно кивнул, бросил на неё последний взгляд, а потом вышел вслед за Генрихом. Сара улыбнулась. Ну вот, теперь ему есть чем заняться. Надо будет выписать из города ему игрушки. Тал Сворк ничего об этом не говорил, а она сама не решилась тратить деньги будущего мужа.

— Так что, Мэри, вы сможете мне помочь?

— Конечно, тали, — девушка бросилась к Саре, помогать разбирать вещи. — У вас замечательный брат, тали. Вы можете им гордиться.

— Спасибо. Да, Язен замечательный, — Сара ласково улыбнулась. Кто любил её брата, не мог не понравиться ей самой.

— Простите меня за мой болтливый язык, тали, но нам всем очень интересно, почему вы вдруг решили выйти замуж за графа Даррена.

Сара устало вздохнула. Ну да. Рано или поздно, слуги бы заинтересовались этим всё равно. Лучше уж пусть узнают сейчас, а не через сплетни и домыслы. К тому же, может быть, и она узнает от них что-то полезное.

— Мэри, моего отца подставили и обвинили в воровстве, которого он не совершал. Нас лишили всего имения и состояния. А когда умерли отец с матушкой, я осталась одна с Язеном на руках.

— Да уж, бедная вы, — жалостливо сказала служанка, проворно складывая вещи. — А граф получается решил вам помочь... Да, он хороший. Вы его не бойтесь, тали. Не смотря на то, что он Проклятый, за всё то время, что я его знаю и работаю здесь, он никогда не обращался с нами грубо, не кричал и не повышал голос и жалование платил всегда вовремя. Я-то сама пошла сюда от безысходности. Моя матушка осталась после смерти папаши с десятью детьми на руках. А я как самая старшая получается всех кормить должна была. Матушка то вот шитьём зарабатывала. Только ведь руки у неё уже старые, не так проворно и получается. Я сначала сюда и сунуться то боялась. Тоже сказок наслушалась. А потом... Жених у меня был. Мы с ним венчаться хотели. А он потом возьми и скажи — приданного у тебя нет, и ушёл. А я так разозлилась. Думаю — нет. погоди ж ты! Вот возьму и скоплю. И пошла напрямиком в эту усадьбу. От нашего села почти полдня пути. Так мне обидно стало. У графа, думала, наверное, много платят. Скоплю себе приданного и докажу жениху. Так вот я тут уже шестой год и работаю. Хорошо кормят, привольно, платят вовремя. Я даже на домик матушке уже скопила, — улыбнулась Мэри.

Они помолчали. Да. Когда-то они были в одинаковом положении. Разве что Сара по праву своего рождения стояла выше. Но кто об этом в последние полгода вспоминал?

— Мэри, а ты не знаешь, случаем, ничего о том, почему графа заклеили.

— Ох, нет, — расстроилась служанка, которая желала чем могла угодить такой доброй госпоже. — Он никогда на эту тему ничего не говорил. Разве что может с Генрихом. Но тот держится от нас особняком и больше молчит. Уж если что граф и говорил ему, то мы об этом никогда не узнаем.

— Спасибо, — Сара улыбнулась, но потом вздохнула и нахмурилась. Надо было поторапливаться. До свадебной церемонии осталось всего два часа.

За полчаса до полудня она вошла в гостиную вместе с Язеном. Графа ещё не было. Генрих сказал подождать его здесь. Сара старалась не нервничать. В полдень она станет женой человека, которого совсем не знает, а могла бы сейчас беседовать в гостиной родового имения Бален с каким-нибудь приятным юношей. Если бы всё сложилось по другому... Но не время сейчас предаваться сожалениям! Сара вздёрнула голову. Она знала, что выглядит хорошо. Мэри постаралась на славу. Платье, купленное в торопях в лавке, ещё в городе, на случай торжественных мероприятий, сидело на ней идеально. Простого кроя, серебристое, украшенное золотым шитьём. К нему идеально подошло золотое кольцо с жемчужными вставками. А вот с причёской пришлось повозиться. Мэри умела только

заплетать косы. Пришлось руководить служанкой, показывая, куда вставлять очередную шпильку.

Потом Саре пришлось одевать Язена, который ни в какую не хотел принимать помощь от Генриха. После прогулки глаза у него горели, а щёки покраснелись, и он почти без передышки рассказывал сестре о Ветре, какой это замечательный и умный пёс. Наконец, и с одеванием Язена было покончено, и они отправились ожидать графа в гостиной.

— Сара, ты очень красивая, — Язен вдруг потянулся и обнял сестру, аккуратно, чтобы не помять платье.

— Спасибо, мой милый, — она улыбнулась, но тут же улыбка сбежала с лица. В гостиную вошёл граф Даррен вместе с Генрихом. Граф тяжело опирался на трость. На этот раз на нём не было плаща. Он был одет в парадный сюртук, образ джентльмена дополняла шляпа, но весь вид портила маска. Сара знала, что за ней, но почему-то не боялась, скорее жалела.

— Добрый день, тали Бален и тал Бален — кивнул им граф и присел в кресло. Сара же осталась стоять в нерешительности. Пару минут прошли в молчании, наконец, дверь в гостиную распахнулся и на пороге показался богато одетый человек в очках и с тростью.

— Нотариус Эдгар Ремар, — поклонился он.

— Граф Даррен, — представился граф. Сара только сейчас заметила, что голос у него был глухой, но приятный, бархатистый. — А это моя невеста — тали Сара Бален и её брат — тал Язен Бален. Мы можем приступить к церемонии?

— Разумеется, — нотариус немного гнусавил, что сводило на нет всю его франтоватую внешность. Сара заметила, что он внимательно посмотрел на них, потом на графа и на лице его мелькнуло мимолётное отвращение, которое он даже не старался скрыть. — Если вам не нужны долгие речи и прочая торжественная чушь, я могу вас просто попросить ещё раз перечитать договор и подписать его при мне.

Граф взглянул на Генриха. Тот молча передал ему договор.

— Прочитайте, тали Бален, со всем ли вы здесь согласны.

Сара кивнула и покорно начала опять просматривать договор. Она поняла, что граф сказал это для нотариуса. Через пару минут она ответила:

— Да, граф, я со всем согласна.

— Хорошо. Тогда подпишите вот здесь, — Ремар указал пальцем на строчку. Сара взяла перо и, стараясь, чтобы руки не дрожали, поставила свою подпись. — Теперь вы граф.

Сара заметила, что граф был в перчатках, которые не снимал ни в прошлый раз, ни в этот. Наверное, на руках у него тоже шрамы. Потом пришёл черёд Генриха, который поставил свою подпись, как свидетель. Но нотариус почему-то медлил подписывать договор, выжидательно глядя на графа.

— Тут не хватает подписи ещё одного свидетеля, — в голосе Ремара Саре послышалось ехидство.

— Насколько я знаю, достаточно одного свидетеля, — ответил спокойно граф и поднял голову. Под маской не разглядеть было эмоций, но почему-то показалось, что он удивлён.

— Знаете, граф, законы имеют свойства меняться, — вот тут уже нотариус не скрывал своей улыбки.

— Я могу пригласить служанку, — ответил Даррен, пожав плечами.

— К сожалению, служанка меня не устроит. Для действительности договора, не хватает подписи второго свидетеля, и он должен быть именно аристократом по рождению.

В гостиной повисло молчание. Сара нахмурилась. Неужели всё сорвётся, и её жертва будет напрасна? Неужели придётся вернуться в ту жизнь, из которой она едва вырвалась?

— Я могу быть вторым свидетелем, — раздался в комнате звонкий голосок Язена, который до этого сидел молча, внимательно глядя то на сестру, то на нотариуса. — Я из знатного рода, тал.

Сара едва не рассмеялась от облегчения, но потом прикусила язык, потому что нотариус посмотрел на Язена с превосходством. Так смотрят на детей те люди, что не любят и не понимают их.

— К сожалению, тал Бален, вы ещё слишком малы и ваша подпись не имеет веса. Значение имела бы только подпись вашего опекуна, но поскольку вашим опекуном является сестра, и она же сейчас выступает в роли невесты, то, таким образом, её подпись тоже не имеет нужного веса, — Ремар усмехнулся победно глядя на присутствующих.

— Что вы хотите? — глухо спросил граф.

— Я? Ничего. Сущую мелочь — сорок тысяч сольденов, и сейчас же!

Сара вздрогнула. Неужели графу за свадьбу с ней придётся платить? Она сжала губы. Разумеется, он откажется. Она вообще не понимала мотивов, побудивших Даррена на брак с ней. Когда она ехала в Чендервилл, то представляла графа, благодаря письму Сворка в том числе, полубезумным преступником, который слушается лишь своих желаний. Сара была готова на это. Но за то время, что она успела провести в имении, она поняла, что Даррен не похож на этот образ, даже внешне. Но что тогда ему от неё надо? Сара терялась в догадках. Зачем графу их брак? Сердце забилось быстрее. А вдруг его слова о том, что брак фиктивный были ложью?

— А если я приглашу нотариуса из Гьердараунта? — В голосе графа Саре почудилась угроза, словно он принял вызов нотариуса.

— Никакой нотариус не согласится подписать брачный договор Проклятого с девушкой из знатного рода, — усмехнулся Ремар. Если он и блефовал, то вполне уверенно. Сара вздрогнула. Она никогда не читала о запрете на такие браки, но, возможно, он действительно существовал и нотариусу виднее.

— Согласно какой статье закона такой брак невозможен? — озвучил граф её мысли. Нотариус совсем немного, но смешался, а потом всё же нехотя ответил:

— Прямого запрета нет, но закон о изоляции Проклятых от обычных людей можно трактовать по разному, граф. Я уже озвучил, что мне нужно для толкования закона в том ключе, который нужен вам. Или ищите второго свидетеля. Но, думаю, ни один аристократ не водит с вами знакомства, — и Ремар с превосходством взглянул на графа.

— Вы ошибаетесь, тал нотариус, — дверь распахнулась, и в гостиную вошёл молодой человек. Он был очень хорош собой, а глаза горели живостью и юношеским азартом. В прошлой жизни, до того несчастного случая, Сара наверное, увлеклась бы им, но не сейчас. — Прости, Джозеф, что я подслушивал.

— Армин, я просил тебя не приходить на свадьбу! — Голос графа звучал устало.

— А я пришёл. Позвольте представиться, виконт Армин де Грааз. Моей подписи вам хватит, нотариус?

Ремар, кажется, позеленел от злости, но кивнул. Видимо, виконт был известным человеком в обществе. Интересно, какие отношения связывают его с графом? Виконт, тем временем, подошёл к договору и подписал его. Потом, сжав губы, свою подпись поставил и нотариус, так скрипя пером, что едва не рвалась бумага.

— Граф, вы можете забрать договор. Сейчас я выдам вам свидетельство о браке. Один экземпляр будет храниться у меня, — и нотариус полез в свою дорожную сумку, в которой, видимо, лежали бумаги. Сара выдохнула. Всё удалось и значит теперь она — графиня Сара Даррен. Это имя жгло не хуже клейма, напоминая, что она продалась, хоть и не ради своей прихоти. — Вот свидетельство. Новоиспечённая графиня Даррен, можете поставить свою подпись вот здесь. Граф Даррен, подпишите тут.

Граф прилежно подписал оба свидетельства. Сара на минуту замешкалась, а потом тоже поставила свою подпись. В свидетельстве значилось, что такого-то числа сего месяца граф Джозеф Даррен взял в жёны тали Сару, урождённую Бален.

— Желаю вам счастливой семейной жизни, графиня, — поклонился нотариус. Потом попрощался со всеми остальными и вышел. Интересно, за кого Ремар посчитал её? За авантюристку и охотницу до чужого богатства? А какое ей, впрочем, теперь до этого дело? Теперь она — графиня Даррен и должна будет подчиняться своему Проклятому супругу.

После того, как нотариус ушёл, в гостиной на короткое время воцарилась тишина. Как будто здесь состоялась не свадьба, а, по меньшей мере, очень важный разговор. Граф оглядел присутствующих. Его новоиспечённая жена выглядела очень красиво, но какой-то ледяной красотой. Она отрешённо рассматривала свои руки. Джозеф ожидал чего угодно — истерики, слёз, страха, но на её лице не отражалось ничего, кроме холодного спокойствия. И только когда графиня поворачивалась к брату, маска сменялась неподдельной радостью и любовью. Необычная девушка, да. Надо будет ей как-нибудь всё объяснить. Впрочем, она, наверное, и так неплохо проживёт без его объяснений. В конце концов, у них фиктивный брак и они равным счётом не должны друг другу ничего большего, кроме того, что отражено в договоре. Джозеф грустно усмехнулся. Хорошо, что маска скрывает его чувства. Кто в здравом уме сможет захотеть общаться с чудовищем, убийцей и Бог знает кем его ещё там представляют?

— Графиня Сара Даррен, — он едва не запнулся. Язык отказывался почему-то выговаривать новое имя. — Церемония закончена. Сегодня я не буду ждать вас в библиотеке. Отдохните.

Ему так хотелось остаться одному. Но Армин уже услышал слово «библиотека». Насколько граф знал его, виконт не отстанет, а, значит, придётся ему всё рассказать. Сегодня почему-то он был не рад обществу друга. Хотелось побыть наедине. Странно. Наверное, у него стареет не только тело, но и душа.

Когда его жена, поклонившись, вышла вместе с братом, не проронив ни слова, Джозеф приказал потушить светильники и закрыть окна, а потом, не дожидаясь вопросов неугомонного виконта, спросил первый:

— Ну что, как моя жена показалась тебе?

— Лыдышка, — бесцеремонно ответил Армин, а потом рассмеялся. — Нет, правда, мы совсем не угадали с характером, Джо. Зато с такой дамой проблем не будет. Она прекрасно умеет держать себя, особенно если вспомнить её историю. И брат её, какой замечательный! Я не удержался, подслушал, как он предложил себя в качестве свидетеля. Мужчина растёт! Я думаю, графиня Даррен намерена извлечь все возможные выгоды из своего теперешнего положения, а раз брак фиктивный... В общем, Джо, будь начеку, — шутливо закончил Армин.

— Я всегда начеку, — граф хотел ответить шуткой, но получилось устало. Он действительно всегда настороже. Ждёт боль, чтобы она не застигла его врасплох.

— А что там за свидание в библиотеке? — перевёл разговор на другую тему виконт.

— Я прописал в договоре ей фактически единственную обязанность — каждый день проводить со мной час в библиотеке. Я думал обучить её потихоньку управлением имением, ну и книги ей показать расчётные, про векселя рассказать... — Джозеф старался говорить излишне бодро, хотя сам понимал — Армина он этим не обманет. Друг за милую душу чувствовал любую ложь.

— Но ты же не только ради обучения обозначил этот час, ведь так, — виконт нахмурился.

— Так, — признал Джозеф.

— И думаешь оно того стоит? Думаешь, она не возненавидит тебя и не превратит эти

разговоры в пытку для вас обоих?

— Не знаю, — граф едва уловимо покачал головой. — Она не возненавидела меня сразу и это уже хорошо.

Он не стал рассказывать Армину о том, что снимал перед будущей женой маску. Что его удержало — он сам не знал. Но большее было то, что без маски его увидел маленький брат жены, увидел и испугался. Наверное, он заблудился и зашёл утром не в ту дверь. Такого дикого ужаса в чьих-то глазах, Джозеф давно не видел. И от этого ему целый день было не по себе. Наверное, брат пожаловался сестре. Может быть, поэтому его жена сегодня была такая неприступно холодная. Что скрывать, конечно, графиня очень красива, и он не удивится, если через некоторое время она перестанет стыдиться их фиктивного брака и найдёт себе друга, которому пожалуется на свою тяжкую долю. А он, конечно, утешит, и...

— О чём задумался? — привёл его в себя голос Армина.

— Да так, всякие мелочи. Не обращай внимания, — попытался улыбнуться граф.

— Мелочи, так мелочи. А званый ужин в честь твоей свадьбы будет? — виконт опять перешёл на шутливый тон.

— Ну какой тебе ещё званый ужин?

— Ты, главное, устрой. А гостем буду я.

— Если ты, тогда я согласен, — усмехнулся Джозеф. — Только тебя дома не хватятся? Это ведь небезопасно. Если нотариус кому-нибудь расскажет, что ты был свидетелем при заключении брака Проклятого с аристократкой, тебе крупно не поздоровится.

— Да ладно, — отмахнулся Армин. — Ничего мне не будет. А дома я сказал, что на целый день уезжаю. Хочу, мол, погулять по окрестностям. Там уже привыкли к моим чудачествам. Я часто уезжаю погулять по окрестностям, — подмигнул виконт.

Граф только вздохнул. Ну что делать с этим мальчишкой? Конечно, он был рад Армину, но они различались, как старость и юность. Виконт не должен слишком сильно привязываться к нему.

— Генрих, — позвал граф. — Прикажи приготовить ужин на четверых человек. Виконт сегодня ужинает с нами.

— Вот и замечательно! — обрадовался Армин. — Ты пока отдохни, а я пойду прогуляюсь по саду. Заодно посмотрю, как там мой жеребец. Он у меня скакун горячий и не терпит чужих рук. Недавно купил, всего неделю назад. А как твои лошади?

— Стоят, — вздохнул граф. — А что им будет? Боб их кормит и ухаживает за ними, только вот я вряд ли ещё когда-нибудь сяду верхом.

— А что тебе сказал доктор? — Виконт погрустнел.

— Пить обезболивающее. А что он может? Остановить старение организма и действие клейма никаким лекарствам не под силу.

Граф отвернулся от Армина и устремил взгляд на огонь в камине. По его приказу, каминные горелки в доме почти всегда. Эта была его маленькая прихоть. Он любил смотреть на яркое пламя. Виконт тяжело вздохнул, но граф даже не повернулся. Армин погрустит без него, но рано или поздно забудет. Всё правильно. Так и должно быть.

После заключения брака, Сара с Язеном отправилась в свою комнату. Она действовала машинально, не до конца ещё осознав случившуюся перемену. Теперь она графиня Даррен, по крайней мере на ближайшие годы. Ну не смешно ли? Ей надо остаться наедине, чтобы

обдумать всё и понять, как дальше действовать.

— Сара, а мы пойдём гулять? — голос Язена вывел её из задумчивости. Собственно, а почему бы и нет?

— Конечно, мой милый, если ты хочешь, — улыбнулась она брату.

— Только я хочу взять Ветра с собой.

— Мы можем спросить об этом у графа, Язен, но ведь Ветер уже сегодня гулял.

Язен подумал немного, но, видимо, воспоминания о недавней церемонии и серьёзном графе были очень свежи. Посмотрев внимательно на Сару, он ответил:

— Давай погуляем вдвоём. Я обойдусь без Ветра.

— Хорошо. Тогда беги переодеваться к прогулке.

Брат ушёл, а Сара вздохнула и подошла к зеркалу, вынимая из причёски шпильки. Она сегодня, наверное, выглядела очень суровой, но что поделать! Это у них фамильное. Мама когда нервничала, тоже выглядела суровой и неприступной.

В дверь постучали:

— Это я, Мэри, тали... ой, то есть графиня Даррен.

— Входи! — улыбнулась Сара.

— Поздравляю вас! Я слышала от Генриха про нотариуса. Ну и дела! Хорошо, что виконт де Грааз так вовремя появился! Давайте я помогу вам переодеться, — и Мэри ловко принялась вынимать шпильки из причёски.

— Мэри, а кто такой этот виконт? Я поняла, что он друг... моего мужа, — запнувшись с трудом произнесла Сара слово «муж».

— О, он из очень богатого и знатного рода. Все земли к северу от Чендервилла и до самого Берна, принадлежат де Граазам.

— Вот как, — Сара удивилась. — А как виконт познакомился с графом?

— Вот уж чего не знаю, того не знаю, — смущённо развела руками Мэри. — Я как сюда пришла работать, так хоть раз в неделю, но видела виконта. Он часто приезжает к вашему супругу. И, кажется, они друзья не разлей вода. Ой! Забыла сказать. Граф сегодня вечером приказал приготовить ужин на четверых человек. Стало быть, на него самого, на вас с братом и на Армина. Что-то вроде праздничного ужина, наверное. Всё-таки у вас праздник. Жалко только, что свадьба получилась такая невесёлая, но что поделать... — Мэри замолчала.

Через пару минут они закончили с переодеванием. Волосы Сара убрала в тугую косу, а платье выбрала простое и тёплое. Надо бы поскорее выйти в сад. Ей о многом хотелось бы поразмыслить.

— Мэри, проводишь нас с Язеном до выхода в сад? Мы хотим прогуляться, — ей было стыдно признаться, но расположение комнат и коридоров в доме она совершенно не запомнила.

— Конечно, графиня, о чём говорить? А где ваш маленький брат? Он уже готов?

— Мы найдём к нему в комнату, — улыбнулась Сара.

Забрав Язена, они направились вниз по бесконечным лестницам и пролётам, к двери в сад. Сара старалась запомнить все повороты, но поняла, что в Чендервилле надо жить не один месяц, чтобы выучить, куда ведут все эти коридоры. У двери в сад, Мэри помогла им с Язеном надеть верхнюю одежду, которая аккуратно висела в шкафу в прихожей.

Когда, наконец, они выбрались на свежий воздух, Сара вздохнула с облегчением. Она любила гулять. В той, прошлой жизни, она, бывало, несмотря на любую погоду садилась

верхом и скакала, пока лошадь не выбивалась из сил. Интересно, граф позволит ей рассекать по его угодьям верхом, или посчитает, что графине это неприлично? Почему то Сара думала, что позволит. Граф Даррен вообще не пугал её, хотя, наверное, должен был. Почему то она жалела его, жалела, даже не зная, в чём он провинился и какое преступление совершил. Да, и к тому же, виконт, примерно её лет, а вот водит же с графом дружбу и тоже совсем его не боится.

— Эй-эй! Осторожно!

Сара подняла голову. Виконт, лёгок на помине, стоял посреди тропинки, на которую они с Язеном, задумавшись, забрели. Брат убежала далеко вперёд и, видимо, врезался в виконта, не увидев.

— Простите, тал, — поклонился Язен.

— Я для тебя не тал, а просто Армин. Хорошо? — Виконт улыбался и смотрел на мальчика. Сара подошла и встала рядом, любуясь ими обоими. Армина де Грааза природа не обделила ни красотой, ни богатством, ни, судя по всему, добрым нравом. Он улыбнулся и шутливо поклонился ей, сняв шляпу.

— Добрый день, графиня, хотя мы сегодня уже виделись. Прогуливаетесь?

— Да. Решили вот с братом немного подышать свежим воздухом. — Сара улыбнулась в ответ. Они стояли на тропинке, по обеим сторонам которой рос мелкий кустарник. Летом, наверное, он имел подобие живой изгороди, но сейчас, на его припорошенных снегом ветках, играли солнечные лучи, а сам сад создавал впечатление заброшенного. Деревья росли, как придётся, повсюду лежали сугробы, а кроме главной аллеи, да этой тропинки, Сара больше не заметила расчищенных дорожек.

— И как вам здесь? Нравится? — спросил виконт, словно угадав, о чём она размышляла.

— Здесь очень уютно, — честно ответила она. — Но сад выглядит таким заброшенным. Тут нет садовника?

— Боюсь, что вашему мужу не до сада и не до садовника, — виконт погрустнел, а Сара поняла, что сказал глупость.

— Простите меня, я ещё не освоилась здесь, — извинилась она. Солнце, отражаясь от белоснежных сугробов, слепило глаза и заставляло щуриться и улыбаться.

— Извинения приняты, — тоже с улыбкой посмотрел на неё виконт.

— А куда ведёт эта единственная расчищенная тропинка? — спросила она, заметив, что идёт вместе с де Граазом по ней, а Язен то убегает вперёд, обгоняя их, то возвращается.

— В беседку. Она старинная, построена ещё давным-давно, кажется во времена прадедушки Джозефа, а то и ещё раньше. Чендервилл ведь очень старое имение. Ему то ли триста, то ли пятьсот лет. У графа в библиотеке хранятся старые и пыльные родословные книги. Среди них где-то была и об истории Чендервилла. Я своими глазами её видел. Большой том, обитый чёрной кожей. Вот такой, — и виконт развёл руки, показывая какой огромный том хранится в библиотеке у её мужа. Сара поймала себя на том, что невольно рассмеялась. Виконт был так заразителен своим хорошим настроением. Если бы она сейчас была не графиней при Проклятом супруге, а Сарой Бален, и никакие несчастья не столкнули бы её с прямого жизненного пути, она определённо бы присмотрелась к виконту.

Тропинка резко повернула. Они свернули вслед за ней, и Сара увидела беседку. Припорошенная снегом она стояла посреди того, что когда-то был поляной, а сейчас почти полностью заросло мелким кустарником.

— Осторожно, графиня! Тал Язен, не ходите туда. За беседкой с той стороны пруд. Он

не глубокий и сильно походит летом на большую лужу, но лучше лишний раз не искушать судьбу.

Сара медленно вошла в беседку. Здесь было красиво. Не так, как когда-то дома, а по-своему, какой-то дикой, естественной красотой. Белые колонны, поддерживавшие свод, обвивали сухие лианы плюща. Завершится зима, и он пойдёт расти, давая новые и молодые побеги. Почему-то вспомнился граф Даррен. Для него уже не будет весны. Саре стало печально, и, впервые она подумала о том, что клеймо — не слишком справедливое наказание. Ведь у преступника, даже раскаявшегося, нет возможности быть помилованным. Она подозвала Язена, который затеялся, было, играть в снежки с виконтом:

— Ты не устал, милый.

— Неа! — Щёки у брата покраснелись, и он радостно лепил снежки и уворачивался от снарядов виконта.

Сара улыбнулась и аккуратно присела на край деревянного сидения в беседке. Кажется, её новая жизнь всё-таки не лишена радостей. Правда, страхом кольнула мысль о часе в библиотеке с графом (вдруг он обманул её), но она тут же отмела её. Армин де Грааз не боится её мужа. С чего же бояться ей?

Пока слуги накрывали на стол, граф всё так же сидел, задумавшись, глядя на огонь. Хлопнула дверь, ветерок взметнул пламя в камине. Так врываться в гостиную мог только Армин.

— Ну что, ты прогулялся?

— О, да, — в голосе виконта звенела радость. Джозеф обернулся и посмотрел на него. Армин был необыкновенно весел. Глаза горели, щёки покраснелись.

— Что-то случилось?

— Как тебе сказать? Мы премило побеседовали с твоей женой и маленьким талом Баленом. Знаешь, я был не прав. И вовсе она не льдышка. Просто, видимо, переволновалась из-за честь церемонии.

Граф грустно усмехнулся. Ну да. Та девушка, которая рядом с ним будет льдышкой, непременно отгадет рядом с Армином. Такова уж сила обаяния виконта. Он это прекрасно сознавал, но всё равно стало неприятно.

— И что же она? Говорила тебе что-то?

— Да нет, — Армин удивлённо посмотрел на графа. — Ничего особенного. Я только успел заметить, что она очень хорошо образованна для своих лет. Наверное, тал Бален не поскупился на учителей для неё.

— Наверное, — желая поддерживать разговор у графа не было.

— Граф, прошу вас к столу, — Генрих подошёл к нему, предлагая свою руку. Но Джозеф встал сам и, опираясь на трость, направился вслед за слугой. Он будет ходить сам, пока ещё в силах двигаться!

За столом уже сидела его жена. Она действительно выглядела чуть менее холодной, чем во время бракосочетания. Наверное, это благоприятное влияние Армина. Когда тали Бален пришла к нему в гостиную после приезда, Джозеф разглядел на её лице, сменявшие друг друга, эмоции — тревогу, волнение за брата, усталость, страх. Ему тогда стало даже немного жалко её. Но вот сегодня его жена выглядела уже истинной графиней Даррен, серьёзной и невозмутимой. Кажется, она прекрасно усвоила свою выгоду. Что-ж! Тем проще будет с ней общаться.

На обед подали традиционное жаркое и пудинг и лишь ему снова кашу. Они с графиней чопорно кивнули друг другу и принялись за еду. Есть в маске было неудобно. Но снимать её перед маленьким талом Баленом... Нет. На такое он не пойдёт. Хватило одного раза, тогда в коридоре. Он не имеет права никого заставлять смотреть на его уродства. Джозеф пытался есть невкусную липкую кашу, одной рукой придерживая маску, другой поднося ложку ко рту. Несколько раз он поймал на себе взгляды новоиспечённой жены и Армина. Виконт, наверное, уже пожалел о предложении устроить праздничный ужин. Ничего страшного. Пусть хотя бы он порадует.

— Графиня Даррен, а что собирается делать ваш милый брат? — Нарушил уже порядком надоевшую тишину, Армин, воспользовавшись паузой.

— Я думаю Язена пора отдать в пансион. Всё-таки ему недавно исполнилось шесть, самое время для начала обучения, — графиня улыбнулась краешками губ. Граф рассеянно отметил, что ей очень идёт такая улыбка.

— А в какой? Вы ещё не решили? — всё так же поддерживал разговор Армин.

— Нет. Я знаю только хороший пансион в Кьердараунте, но это очень далеко отсюда.

— Тогда я мог бы помочь вам. В Виллене есть хороший пансион. Я там учился. И это совсем недалеко от Чендервилла, всего несколько часов езды, — улыбнулся виконт. Конечно, он пытался развлечь его жену и поддержать разговор за столом, но граф почему-то, видя этих двух здоровых и по своему счастливых людей, чувствовал себя старше, чем обычно.

— Это замечательно. И я смогла бы почаще видаться с братом. А как ты считаешь, Язен?

— Я хочу, чтобы ты смогла меня навещать очень часто, хотя и совсем не слышал ни про какой Виллен, — важно сказал тал Бален.

— Графиня, — Джозеф, наконец-то решился заговорить, утерев губы салфеткой, — я думаю, что тогда вам будет лучше отправить тала Балена на днях в пансион. Потому что сейчас как раз у них должны закончиться зимние каникулы. Верно, Армин?

Виконт кивнул.

— Хорошо, — немного помолчав, ответила его жена. — Если необходимо отправить его так срочно...

— Только вот лучше, думаю, ему назваться другим именем, — на непонимающий взгляд жены, Джозеф, невесело усмехнувшись, ответил. — Вы же не хотите, чтобы его всю учёбу дразнили сыном вора.

— Наш отец — не вор, — губы графини презрительно скривились. Графу показалось, что это презрение предназначалось ему. Конечно, он знал, что тала Балена оклеветали, но он думал, что графиня, имея такой характер, согласится на это предложение. Он представлял её более расчётливой, но Сара (кажется, так её звали) поразила его горячностью ответа.

— Я никогда не отрекись от моего отца! Я навсегда Бален! — Гордо ответил тал Бален, словно, наконец, придумал слова. А мальчишка то упрям!

— Тал Язен, конечно, никто не просит отрекаться вас от вашего отца. Граф Даррен имел в виду совсем другое. Но, если вас всё же будут обижать, скажите, что вы мой родственник, троюродный племянник виконта де Грааз, хорошо? — Разрядил ситуацию Армин. — И, уверяю вас, никто не посмеет вас даже пальцем тронуть.

— Хорошо. Благодарю вас, — важно кивнул тал Бален. Джозеф едва не расхохотался, слушая этот диалог. Давно уже ему не было так весело. Армин молодец. Умеет найти подход даже к такому мальчишке. Да что там! Виконт же сам в детстве был точно таким же упрямым.

— Тогда, ради вашего положения в обществе хотя бы, тал Бален, не говорите никогда, что ваша сестра замужем за Проклятым графом. Этим вы можете очень сильно повредить ей.

Граф увидел, как брат с сестрой обменялись взглядами, а потом, видимо, поняв друг друга, тал Бален медленно кивнул.

— Никому не скажу, граф, обещаю.

— Вот и хорошо, — граф почувствовал внезапную усталость. Она часто настигала его после еды, как реакция больного организма на пищу. Словно она не подпитывала силы, а забирала их.

— Графиня, — начал Армин. — если вы соберётесь ехать в пансион завтра, то я бы мог проводить вас. Обрато вам, конечно, придётся возвращаться в одиночку, но вы можете взять с собою Мэри. А всё необходимое талу Язену вы могли бы заказать в лавках Виллена.

Графиня взглянула на него вопросительно. Она спрашивает у него позволения? Джозеф изумился, но кивнул:

— Конечно. Поезжайте, как вам удобно, хоть завтра. Все необходимые распоряжения на этот счёт я выдам и средства тоже. Да вы и сами можете приказывать Генриху. Час в библиотеке откладывается до того момента, пока вы не освободитесь. Армин, твоя комната наверху натоплена.

— Хорошо, — виконт кивнул, недоумённо на него посмотрев. Но Джозеф уже встал, показывая, что ужин закончен. Он сам не знал, почему вдруг известие о том, что виконт проводит его жену, вызвало у него печаль.

Когда графиня с братом ушла, попрощавшись, и поблагодарив за ужин, Армин всё-таки остался.

— Джо, ты обиделся? Скажи, что случилось? — в его голосе было столько участия, что граф через силу, но всё же ответил.

— Нет, Армин. Я просто не очень хорошо себя чувствую.

Они выехали ближе к обеду. Сара собрала те вещи, которые уже успела купить Язему. Армин сопровождал их верхом. Со вчерашнего обеда она не виделась с графом. Он передал через Генриха добрые напутствия талу Балену, но сослался на то, что не хочет лишний раз пугать мальчика. Сара недоумённо вздохнула. Она всё меньше и меньше понимала, зачем граф женился на ней, воспользовавшись её бедственным положением, если даже видеть её лишний раз не хочет. Но, может быть, его сдерживает присутствие брата рядом? Саре на минуту стало страшно, но она запретила себе думать об этом. Надо будет попытаться расспросить виконта о графе при удобном случае. Но пока они ехали до Виллена, случая не представилось.

Экипаж продвигался не быстро. Де Грааз ехал рядом, наслаждаясь прогулкой, изредка заглядывая в окошко экипажа и отвешивая шуточный поклон. В Виллен они приехали часа через три.

— Я думаю, что будет лучше всего, проводить вас сначала в пансион, чтобы вы могли договориться с хозяйкой и решить, какие вещи нужны талу Балену. У меня есть ещё целый час, — Армин подал руку сначала Саре, а потом Язему, помогая им вылезти из экипажа.

— Благодарю вас, — кивнула Сара. С виконтом она чувствовала себя легко, словно знала его очень давно.

— Да не стоит благодарности. Я рад помочь жене моего друга, — и де Грааз приветливо улыбнулся. Вот он шанс узнать о её супруге.

— А давно вы с графом дружите? — спросила она, пока они неторопливо шли к пансиону.

— С самого моего детства. Я познакомился с Джозефом в шесть лет и с этих пор прочно верен нашей дружбе.

— Но он ведь намного вас старше, верно виконт?

— Почти на двадцать лет, графиня, — улыбнулся де Грааз, а потом погрузился и добавил, словно отменяя возможные вопросы. — Не спрашивайте, как мы познакомились. Я честно пообещал графу молчать и намерен исполнять обещание.

— Вот как, — Сара удивилась. И дальше они пошли молча. На языке вертелся вопрос о том, за что клеймён граф, но вряд ли бы виконт ответил на это вопрос. И к тому же она сомневалась, что её муж открыл бы такие подробности лучшему другу. Она бы лично на его месте побоялась, чтобы не потерять этого самого друга.

— Вот пансион для мальчиков. Хозяйка там, если я ничего не путаю — талья Террона. Вы пока пообщайтесь с ней, а я подожду вас.

— Хорошо. Благодарю вас, — Сара улыбнулась виконту, взяла покрепче Язена за руку и смело постучала в дверь пансиона. Через пару минут дверь отворилась, и на пороге возник седой мужчина. Он выглядел усталым и растрёпанным, а за его спиной слышались детские крики.

— Эй, он — моя лошадка.

— Нет моя!

— А я на него имею больше прав!

Мужчина на секунду замер возле двери, словно прислушиваясь, а потом произнёс:

— Простите меня, тали, я сейчас, — дверь захлопнулась, но Сара услышала его голос, пытавшийся перекричать ораву мальчишек, которые что-то не поделили. Она улыбнулась. Кажется, Язену должно здесь понравиться. Дверь снова распахнулась.

— Проходите тали. Вы привели нового ученика, да? Сейчас я скажу талье Терроне, — мужчина проводил их с Язеном в обширную прихожую, из которой почти не было слышно мальчишеских криков, и ушёл, оставив Сару осматриваться. Светлые тона прихожей плохо гармонировали с тёмной мебелью разного возраста, а обои кое-где уже начали отходить от стен. Но почему-то здесь было необыкновенно уютно. Сара улыбнулась и посмотрела на брата. Ему, видимо, тоже нравилась новая обстановка, потому что он оглядывался с интересом, но без страха. Она уже, было, хотела спросить у Язена о его впечатлениях, как дверь отворилась, почти без шума и впустила полную женщину, среднего роста. Она ласково улыбалась. Было в ней что-то такое, что сразу располагало к себе.

— Добрый вечер, тали! Вы привели к нам нового ученика? Меня зовут талья Зара Террона. Присаживайтесь. Так что вы хотите?

Сара вздохнула и начала рассказывать сто раз продуманную историю. Она сочинила её по пути, пока ехала к Виллену. Конечно, ложь — это отвратительно, даже во спасение, но что ещё ей оставалось делать? Она рассказала талье Терроне о том, что она приехала с севера (а Гьердараунт севернее Чендервилла) и она вдова (а ведь скоро, возможно, будет), дальняя родственница виконта де Грааза. И он же посоветовал ей этот пансион. Она хочет отдать брата сюда, а сама вернуться на север, в имение покойного мужа. Талья Террона участливо кивала, а потом начала рассказывать сама о том, какие дисциплины изучаются в пансионе, какой тут распорядок и какие вещи необходимо иметь учащимся. Сара кивала, радуясь тому, что Язен будет здесь, кажется, в надёжных руках. Под конец, талья Террона предложила ей оставить здесь брата и отправиться самой за покупками. А маленький тал в это время пусть познакомится с другими детьми.

— Ну как, Язен, ты не против остаться здесь без меня? — Сара наклонилась к нему и спросила.

— Ну, я буду скучать, конечно. Это само собой. Но ты же будешь часто приезжать?

— Конечно, милый. Я и сегодня ещё приду попрощаться с тобой.

— Ну тогда совсем другое дело, — Язен улыбнулся, и Сара поняла, что ему не терпится пообщаться с другими мальчиками. Всё-таки как бы он не был привязан к ней, но сверстники всё же были ему ближе и понятнее. Она вздохнула, потом встала, обняла его и поцеловала и, взяв у тальи Терроны список необходимых вещей, отправилась к выходу.

Виконта у дверей пансиона она, конечно же, не обнаружила. Наверное, встретил своих приятелей или знакомых, или зашёл куда-нибудь. Что с него взять — ветреный молодой

человек. Но Сара это внезапно больно царапнуло. Она почему-то была уверена, что если бы на его месте был граф Даррен, то он точно бы никуда не ушёл, бросив девушку одну в незнакомом городе. Она вздохнула и направилась к ближайшим лавочкам. Экипаж они оставили, буквально за углом, так что потеряться было невозможно. Ничего. Сейчас она всё купит и вернётся домой, ну или точнее в то место, которое сейчас служило ей домом. Сара почему-то внутренне сжалась, вспомнив о Чендервилле. Потом глубоко вздохнула и направилась к ближайшей лавке.

— О, кого я вижу! Тали Бален, вы ли это? — Она вздрогнула и чуть не уронила список. Какой знакомый голос. Потом обернулась. На неё смотрел тал Артур Сворк.

— Добрый день, — холодно ответила она. — Но вы ошиблись. Я уже не тали Бален, а графиня Даррен.

— Конечно-конечно, графиня, — ей показалась усмешка на его красивых губах. — Я совсем забыл о цели вашей поездки. Ну как вам показался граф Даррен? Он не обижает вас? Довольны ли вы своим положением? И где ваш маленький брат?

Не слишком ли много вопросов задаёт тал Сворк? Что ему от неё надо? И почему он так активно намекал и намекает на то, что её муж сущий негодяй. Это ведь во многом с его подачи в письме, она представляла графа Даррена едва ли не чудовищем. Но вот она уже несколько дней провела под его кровом и пока ничего плохого о нём не слышала и не видела.

— Благодарю вас, я всем очень довольна, — она решила ограничиться коротким ответом. — А брата я отдала в пансион на обучение. Думаю, ему как раз пришло время учиться.

— В пансион? — тал Сворк задумчиво посмотрел на неё, а потом продолжил. — Да-да, думаю, вы правы. Но мне пора, — он обернулся, и Сара едва не вскрикнула, увидев приближающегося к ним нотариуса. — Мой друг ждёт меня. Вы сегодня особенно прекрасны, графиня Даррен. До встречи.

Тал Сворк поклонился ей и, видимо, хотел поцеловать руку, но Сара не дала, инстинктивно спрятав её за спину. Интересно, почему этот Сворк вызывает у неё такое странное отвращение? И что он здесь делает? Зачем ему общаться с местным нотариусом? Слишком много вопросов, ответы на которые она, увы, наверное, никогда не узнает.

Купив все необходимые Язену мелочи, Сара почти столкнулась с виконтом. Он выглядел расстроенным.

— Простите меня, графиня. Меня увидели родственники, и пришлось нанести им визит. Они ни в какую не хотели отпускать меня так рано, — он говорил весело, но видно было, что что-то тяготило его. Сара вздохнула. Она не имела права его расспрашивать, да и не хотела, если честно. Другое заботило сейчас её.

Она милостиво в знак прощения разрешила де Граазу донести её покупки до пансиона. Потом попрощалась с братом, который быстро освоился среди сверстников и выбежал к ней, растрёпанный, с игрушечной саблей наголо. Виконт проводил её до экипажа. Она села и вздохнула свободно. С одной стороны было грустно, что прогулка так быстро закончилась, а с другой ей почему-то хотелось вернуться, чтобы отдохнуть и побыть в тишине. За последние полгода на неё столько всего навалилось, что она не могла расслабиться ни на минуту. Может, хотя бы сейчас она сможет отдохнуть? Образ мужа уже не пугал, отодвинувшись на второй план. Что он ей сможет сделать, в конце концов? Его ведь сдерживает клеймо. Ничего против её воли...

В Чендервилл Сара приехала поздним вечером, и ужинать ей пришлось в полном одиночестве. Граф не смог или не захотел даже поприветствовать её. А одиночество поначалу пугало. Без Язена было как-то непривычно. И хотя она договорилась с тальей Терроной обмениваться письмами, всё равно на душе было беспокойно. Сара понимала, что не может держать всё время брата при себе, но... в сотый раз думала о Язене.

Засыпала она плохо и с трудом. За последние дни у неё не было ни малейшей свободной минуты, чтобы подумать о себе и своём будущем. Но вот сегодня она ворочалась на кровати и сон не шёл. Зачем она Даррену? Что он хочет от неё? Лишь к утру она провалилась в мрачный сон, в котором её пытался догнать Проклятый граф, а она с криками убегала от него.

К завтраку Сара спустилась не в лучшем настроении. И тем удивительнее для неё было присутствие на нём её мужа.

— Доброе утро, графиня, — поздоровался он, приглашая её жестом за стол.

— Доброе утро, — опустив глаза, проговорила Сара. Странная робость овладела ею.

— Я надеюсь, вы после завтрака свободны? Я хотел бы проводить вас в библиотеку.

— Конечно, — кивнула Сара, комкая в руках салфетку. Утро не задалось. Она с трудом могла съесть хотя бы немного традиционного пудинга. Все мысли вертелись вокруг посещения библиотеки. Что от неё нужно мужу?

Завтрак в полной тишине длился, наверное, минут двадцать. После этого граф встал, взял свою трость и, хромя, направился к выходу из столовой, приглашая Сару следовать за ним. Она отправилась за мужем, мельком заметив, что он так же почти не притронулся к завтраку, который состоял у него почему-то из одной каши.

Они шли по полутёмному коридору, едва освещённому кое-где редким светильником. Сара отстранённо подумала, что надо бы спросить у графа, почему он не любит света. Наконец, коридор закончился, и муж распахнул перед ней дверь, приглашая внутрь. Сара зашла вслед за ним и едва не ахнула. Библиотека была огромной, в полном смысле этого слова. В ширину и в длину она казалась едва ли не больше бального зала в родовом имении Бален. Здесь ярко горели газовые светильники, так что Сара могла в полной мере оценить вкус хозяина имения. Стены библиотеки были обиты панелями дорогого светлого дерева, выкрашенного, видимо, такой краской, что надолго сохраняла дерево от гниения и плесени. С одной стороны в библиотеке стояли книжные шкафы, стройными рядами, уходя вглубь комнаты, а с другой — располагалось место, где можно было, уютно устроившись, почитать книгу. Массивный дубовый стол, пара кресел в дорогой обивке тёмного цвета, в тон столу, несколько стульев, трюмо, писчие принадлежности на нём и большой глобус.

Граф подошёл к столу, с трудом, опершись на трость, почти упал в кресло, приглашая Сару присоединиться. Она села. Тревога вернулась с прежней силой.

— Я вижу вы боитесь и недоумеваете, графиня, зачем я позвал вас в библиотеку, — в его голосе слышалась только усталость. — Не бойтесь. Мне надо лишь обсудить с вами кое-какие формальности наследования имения, а познакомить вас с бумагами. После моей смерти вы, как следует из договора, останетесь моей единственной наследницей, а состояние у меня приличное.

Сара слушала графа с недоумением. Неужели он только для этого позвал её в библиотеку и обозначил этот час в договоре? Так ведь она и сама бы на это согласилась. Неужели это всё?

— То есть вы хотите обучить меня? И ради этого в договоре прописали этот час? —

Спросила она удивлённо.

— А что вас удивляет? — Граф устало откинулся на спинку кресла. — Я же не знал, что за характер будет у тали Бален, будущей моей жены. Может быть, она упала бы в обморок при виде меня. А так, приписка в договоре обезопасило моё имущество от расточения хотя бы в ближайшее время после моей смерти.

Сара внимательно посмотрела на графа. Но за маской ничего не было видно. Спросить или не спросить?

— Зачем вы женились на мне, граф Даррен? — Рискнула она, ожидая чего угодно — вспышки гнева, молчания, злости, но никак не того, что последовало за этим вопросом.

— Боюсь, графиня, вы мне не поверите. Видите ли, Проклятых не принято считать меценатами, людьми, способными на что-то из чистого альтруизма. Так что, чтобы я не сказал, вы всё равно будете считать только так, как вам удобнее, — Саре послышался грустный смешок под маской. Мысли её мешались. Граф сказал «из чистого альтруизма». Что это такое? Она сидела напротив него молча, пытаясь осознать только что услышанное. — Ну так что, приступим к обучению?

Сара молча кивнула. Как жалко, что она не видит лица графа, да и ему ведь, наверное, неудобно в маске.

— Граф Даррен, вы можете снять маску, если вам неудобно. Я не боюсь вас, а Язен теперь в пансионе и его вы не сможете напугать, — сказала она и сама испугалась своих слов.

— Вы удивляете меня, графиня, всё больше и больше, — в голосе её мужа действительно чувствовалось изумление. Но он подчинился её просьбе и снял маску. Сара даже не вздрогнула. Наоборот, живое, хотя и изуродованное лицо, по сравнению с маской, показалось ей приятнее. — Ну теперь вы довольны? Можете принести мне бумаги? Они лежат вон в том шкафу, на третьей полке.

Сара вздохнула, потом встала и принесла бумаги. Неужели граф будет действительно учить её? Но он, видимо, и не имел в виду ничего другого. Почти целый час он объяснял ей состав его состояния, и каких ещё возможных наследников, претендующих на его имение, следует иметь в виду. Сара слушала с удивлением и запомнила мало, хотя и старалась честно. Видимо, граф увидел, что она уже мало что понимает, поэтому сказал:

— Я вижу вы устали, графиня. Можете идти. На сегодня вы свободны. Завтра, если вам не трудно, в то же время.

Сара развернулась и хотела уже уйти, как её внимание привлекло выражение лица графа. Он скривился, как от боли. Почти не сознавая, что делает, она вернулась и спросила:

— Граф Даррен, если вам не трудно, посоветуйте мне что почитать. А то здесь немного скучно одной.

— С удовольствием, — если он и удивился, то вида не подал. Он встал, опираясь на трость, и направился между книжных рядов.

— Вы что любите? Любовные романы — вот здесь, история и политика — здесь, стихи — на тех шкафах. Вот там свежие газеты и журналы. Генрих забирает их с почты раз в неделю.

Сара выбрала себе томик стихов и любовный роман. Этого хватит на пару дней. А потом она возьмёт что-нибудь ещё.

— Благодарю вас, граф, — она улыбнулась ему и направилась к себе.

Следующие дни прошли спокойно, если не сказать беззаботно. Сара уже не так боялась этого часа в библиотеке, да и граф с каждым разговором казался ей всё менее и менее суровым. Он действительно обучал её бумажным премудростям и деловым тонкостям. Но всё чаще она задавалась таким вопросом — рано или поздно он ведь объяснит ей всё необходимое, и что тогда они будут делать этот час в библиотеке? Не то чтобы ей не нравилось так проводить это время, но ответ на вопрос её очень интересовал. Сара начала догадываться, что графу просто одиноко, и он будет приходить только чтобы поговорить с ней. Мысль эта была смутной и не оформившейся до конца, но она тем не менее всё же была.

А ещё... Ещё графа было чисто по человечески жалко. Сара смотрела каждый раз на его шрамы, на то, как он с трудом, опираясь на трость, садился в кресло, как кривилось при этом от боли его лицо и невольная жалость пробиралась в сердце. Может быть, он совершил в прошлом какое-то страшное преступление, но уже, должно быть, много и много раз искупил его. Раньше она всегда думала, что клеймо — самый правильный способ для таких Проклятых преступников, но вот сейчас сомнения закрадывались в сердце. И почему нет такого обычая — если преступник искренне раскаялся и изменился, снимать с него клеймо? Сара вздохнула. Надо обязательно что-нибудь прочитать на эту тему, чтобы разобраться...

Она шла по едва освещённому коридору к библиотеке — взять какой-нибудь роман вместо того, прочитанного. Помнится, она набралась смелости и спросила у мужа, почему в доме всегда темно и услышала в ответ, что ему больно смотреть на свет. Интересно, есть ли вещи, делать которые ему не больно? А ведь ему всего сорок три, в полном расцвете сил... Сара вдохнула ещё раз и остановилась у знакомой двери. В библиотеке было внезапно темно. Если бы не свеча, которую она принесла с собой, было бы вообще ничего не разглядеть. Она направилась к шкафам с книгами и едва не вскрикнула, услышав тихий вздох. Сжав зубы, Сара повернулась, заставив себя не попятиться, и разглядела в темноте графа. Он сидел в своём кресле, за столом.

— Я, верно, напугал вас, графиня, простите. Я размышлял, — на его лице не было маски. Огонь свечи выхватил и резко очертил упрямый лоб, печально опущенные уголки губ и тёмные, почти сливающиеся с окружающим мраком глаза.

— Ничего страшного. Я пришла за книгами, — почти прошептала Сара, словно заворожённая, глядя на него.

— Вы уже прочли то, что брали в прошлый раз?

— Роман. Стихи я не прочла. Их не проглатывают, как романы, а смакуют маленькими глотками, чтобы почувствовать вкус.

— Или только лишний раз ощутить одиночество, — угрюмо ответил граф. А потом внезапно продиктовал нараспев.

В пыль обратится камень,
Пеплом покроется лёд,
В прошлом огонь и пламень,
Сердце удара ждёт.

Звонкие птичьи трели
Белого зимнего дня,
Вьюжные сны метели.
Всё это — не для меня.

Горстка земли на могилу,
Да лунный полночный свет.
Сны только зря манили.
Был я, и вот меня нет.

Жизнь лишь игра теней,
Тонкий мираж, полубред.
Так размышлять верней
В истине слышен ответ.

Граф замолчал и отвернулся. Что это было? Может он выпил? Но нет. Сара не увидела рядом с ним вина. Но она и сама внезапно почувствовала, что приглушённый неясный свет свечи, бросающий блики на шкафы, уставленные книгами, располагает к внезапной откровенности. Она помолчала немного, собираясь с мыслями. Вспомнилась библиотека в доме, в их с отцом, матушкой и маленьким Язеном доме, тихие разговоры о стихах (отец очень любил читать стихи и даже иногда сочинял их сам) и поэтах, и губы сами сложили слова в строчки. Она читала их когда-то и где-то, давным-давно, вечность назад...

Вижу, желаешь смерти,
Вижу, желаешь забвенья,
Но силы небесной тверди,
Дали тебе рожденье,

Думать о смерти опасно...
Жизнь тебе свыше дана!
Свет твой не должен угаснуть,
Если вокруг будет тьма....

В сердце твоём столько боли,
Хватит тоской упиваться,
Счастьем в земной юдоли,
Тебе суждено наслаждаться.

Даже в безмолвном забвеньи
Есть хоть один светлый миг!
Жизнь — вот одно наслажденье,
Жаль, ты его не постиг!

Жизнь — это нежная сладость,
Это — не мрачный покой...

Есть ли намек на радость,
В сердце, снедаемом тьмой?*

Сара замолчала и посмотрела на графа. Он вызывал её, она ответила. Пусть не своими словами, но... какая разница. Она увидела, как удивление загорелось в его глазах.

— Это ваши стихи, графиня?

— Нет, — смутилась Сара. — Мы с отцом часто сидели в библиотеке и читали стихи друг другу. Эти я тоже слышала и вот почему-то вспомнила.

— Хорошие стихи. Только я с ними не согласен, — почти злобно сказал граф. В его глазах мелькнуло пламя, но тут же потухло. И он продолжил уже спокойнее. — Для меня жизнь, графиня, это лишь могила. Во всяком случае, я иду к ней всю жизнь. Какая может быть сладость при мысли об этом?

Сара потупилась. Не то чтобы ей стало стыдно. Нет. Скорее больно, а ещё жалко графа. Она не видела сейчас в нём Проклятого. Нет. Ни капли.

— Но ведь и в вашей жизни, наверное, было что-то хорошее.

— Было. Но вряд ли вы вспомните о нём, зная мою историю, — мрачно ответил граф.

— Так расскажите мне её! — Сара посмотрела на него почти с вызовом.

— Не сейчас. Потом, позже... — он ответил устало, а потом опустил глаза. — Вы нашли нужные книги, графиня?

— Нет ещё.

— Тогда не смею вас больше задерживать, — граф отвернулся, показывая, что разговор закончен. Сара уже успела узнать эту его особенность, поэтому молча кивнула и проскользнула к шкафу с романами. Что это было только что? Кто дёрнул её за язык говорить так дерзко с собственным мужем, с Проклятым преступником? Или что дёрнуло её? Может, жалость... Растерянная, она выбрала наугад один из романов и проскользнула мимо графа, который всем своим видом показывал, что хочет побыть в одиночестве.

*стихи автора и Кристины Юраш

Когда жена ушла из библиотеки, граф уронил голову на руки и остался сидеть в такой позе, глядя на искры в догоравшем камине. Он не хотел признаться себе в том, как этот разговор взволновал его. О, да, он выторговала этот час в библиотеке, чтобы убежать от одиночества, но после разговоров с женой ему становилось только ещё более одиноко. Он думал отвлечься от своих гнетущих мыслей, а выходило только хуже. После общения с графиней, мысли превращались в жалящих пчёл, постоянно напоминая ему о том, что его дни сочтены. Он уже почти смирился с тем, что умрёт, но именно что почти. Когда он смотрел на жену, когда разговаривал с ней, жить почему-то хотелось во много раз сильнее, чем обычно.

Граф вздохнул и попытался повернуть свои мысли в другое русло. Интересно, чем и кому не угодил тал Джеймс Бален, отец Сары? Он не знал его лично, но по нескольким оброненным женой фразам, мог понять, что она очень уважала и любила его. Нетрудно догадаться, что тал Бален был человеком достойным во всех смыслах, но вот кому-то перешёл дорогу. Интересно, есть ли возможность узнать, кому? Хотя, он давно уже понял, что такие люди умеют замечательно маскироваться, подставляя других и выказывая себя в

выгодном свете. Подлецы и мерзавцы! Мысли опять вернулись в прежнее русло. Граф встал. Захотелось уйти, сбежать, прочь от себя и от навязчивых мыслей. Так было всегда, когда он вспоминал. Но он прикован к этому дому и этому креслу! Даже в сад выйти не в силах! Старая развалина...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он поднялся и направился прочь из библиотеки, тяжело опираясь на трость. Может быть, сыграть в вист с Генрихом? Он то точно не будет задавать неудобных вопросов и беречь душу своими стихами.

Джозеф медленно спустился вниз по лестнице, в гостиную, надеясь застать там Генриха. Старый слуга часто отдыхал там от дневных забот. Может быть, граф был слишком радушным хозяином, но он не требовал от слуг ничего, сверх их обязанностей. Всё остальное время они были вольны проводить, как им нравится и где им нравится, кроме его личных покоев. Граф подошёл к гостиной. Дверь была приоткрыта, и оттуда яркой полосой по неосвещённому коридору, прорывался свет, и доносились голоса. Он прислушался и без труда узнал в одном из голосов — свою жену, а в другом — Генриха.

— Так вы. стало быть, графиня, говорите, что ваш отец родом из провинции? А откуда?

— Он с севера Кьярдена. Папа рассказывал мне о своей родине. Кажется, Эрдан. То ли это небольшой городок, то ли наоборот большая деревушка. А вот мама родилась в самом Гьердараунте.

— О, так и моя мать оттуда родом, — граф явственно расслышал в голосе Генриха радостные нотки. Входить в гостиную внезапно расхотелось, хотя он сам толком не отдавал себе отчёта, почему. — А что случилось с вашим отцом, графиня? Вы простите меня, но до нас, в Чендервилл, доходят только слухи.

— Отца оклеветали. Обвинили, что он украл ценные бумаги, хотя это был точно не он. В тот день, когда произошла кража, он отдыхал с нами дома. Но кому-то надо было подставить его, — в голосе графини слышалась печаль, а ещё негодование. Она не забыла и не смирилась. Конечно. С этим тяжело смириться. Уж он то понимал.

— А. Так вот теперь понятно, почему граф выбрал вас.

— Что вы этим хотите сказать, Генрих?

И Генрих, конечно, расскажет сейчас всё его жене. Джозеф вздохнул и распахнул дверь. Под его укоризненным взглядом, Генрих опустил глаза, а Сара отвернулась. И почему ему «везёт» всегда наткаться на жену, куда бы он ни шёл? Она ведь час всего назад была в библиотеке, выбрала книги и отправилась их читать. Почему же она здесь? Граф сам не понял, почему появление Сары здесь, в гостиной, раздражало его. Она заставляла его думать и сожалеть о том, с чем он давно смирился, ведь жизнь не оставила ему выбора.

— Генрих, сыграем партию в вист? — он подошёл к старому слуге, без маски, опираясь на трость, и увидел в его глазах жалость. Куда не повернись — одна жалость. Теперь она будет преследовать его, видно до самого конца.

— Вам хуже, граф?

— Ничуть. Моё состояние стабильно, — немного резче обычного ответил граф, и свистнул Ветра. Послушный пёс, до этого спокойно спавший у камина, подошёл и положил ему морду на колени, преданно заглядывая в глаза. Его хвост стучал по паркету гостиной.

— Принести стол для игры?

— Да, давай.

Генрих удалился за столом, а граф наблюдал, как Сара задумчиво следила взглядом за

всполохами огня в камине. Сейчас он смог полностью рассмотреть её лицо и подумал отстранённо, что она очень красива, красивее, чем даже была на свадебной церемонии. Графиня перехватила его взгляд, но истолковала по-своему.

— Вам не нравится моё присутствие здесь, граф?

Он вздохнул. Раздражение исчезло, уступив место печали. Его собственная жена называет его по титулу, тогда как даже слуги зовут по имени.

— Нет, графиня, ничего подобного.

— Тогда простите меня. Я, видно обидела вас сегодня в библиотеке. Мне просто показались несправедливыми ваши стихи и я... решилась возразить, — смущённо добавила она.

— Ничего страшного. Вы не обидели меня нисколько. Лишь напомнили ещё раз о моём месте.

Графиня, видимо, что-то ещё хотела спросить, но тут вернулся Генрих, и началась игра в вист. Увлечённый игрой, Джозеф не сразу заметил, что его жена ушла. А когда заметил, интерес к игре внезапно упал, да так, что он допустил довольно много мелких оплошностей, позволивших Генриху выиграть.

Утром Сара встала довольно поздно. На настенных часах, которые она на свой страх и риск, приобрела в Виллене, было уже без пятнадцати девять. Конечно, в спальне не принято было вешать часы. Но что делать, если горничной, которая могла бы её разбудить, здесь не было? Обычно эту роль выполняла Мэри, когда была свободна, но сегодня она почему-то не смогла подняться к ней вовремя. Наверное, слишком занята. Сара вскочила и начала лихорадочно одеваться. Девять часов — это время завтрака, нежеже, если она, как хозяйка, не будет соблюдать правил, заведённые её мужем.

Через пятнадцать минут она входила в столовую. На стол вместо Мэри и Анны накрывал почему-то Генрих. И получалось у него не сказать, чтобы ловко. Графа ещё не было. Сара подошла к слуге, который мучился, не зная, как правильно следует расположить десертную ложку

— Давайте я помогу вам, Генрих, — она улыбнулась. Старый слуга словно расцвёл от её улыбки и улыбнулся в ответ. — А что случилось? Почему вы здесь, вместо Мэри и Анны? — Спросила Сара, ловко раскладывая столовые приборы по своим местам. Этим премудростям её когда-то научила мать.

— Да Мэри на кухне. Она сегодня вместо Анны. У кухарки тяжело заболела сестра. Вчера мальчик посыльный прибежал с письмом. Так вот она вечером вчера ещё отпросилась у хозяина и в ночь ушла помогать сестре. Еды наготовила, должно хватить на пару дней. А там либо она вернётся, либо Мэри попробует приготовить что-нибудь, — Генрих поправил свои седые усы и ласково посмотрел на Сару. Но ей почему-то стало печально. Вроде бы она здесь тоже хозяйка, хоть и фиктивная, но всё же... А слуги обо всём докладывают графу, но никак не ей, хотя это не мужское дело — распорядиться слугами, и тем более кухней. Но Генрих словно понял её молчание, правда, истолковал немного по-своему. — Граф сказал, что не к чему тревожить вас. Для вас то уж всегда еда найдётся. Это вот ему придётся туго.

— Почему же? — Спросила Сара, удивлённо глядя на старого слугу.

— Ну так ведь ему из-за болезни нельзя есть ничего, кроме жидкой пищи — каши, супы, пюре, тушения всякие. Анна и так ему особо ничего не готовила. А сейчас так уж и не знаю.

На сегодня каша ему будет уже. А вот завтра, даже и не знаю, что делать. Мы то с Мэри и прочими слугами обойдёмся холодной солониной, да молоком. Вам Анна пудинг оставила и пирог, да ещё картофеля отварного немного. А вот графу каши хватит только до завтра, — Генрих повторил эту фразу ещё несколько раз и печально покачал головой.

Начинавшаяся, было, обида на графа тут же испарилась. Саре стало невыносимо жалко его. Она сама не могла толком объяснить, почему, но захотелось помочь ему, что-то сделать. Он был преступником, заклеимённым, Проклятым, но ни разу за всё то время, что она жила здесь, Сара ни разу не слышала от него даже грубого слова. Она знала, о чём попросит графа после завтрака.

Когда они с Генрихом в четыре руки накрыли на стол, а Мэри принесла скромные блюда, приготовленные ещё вчера кухаркой на завтрак, в столовой появился граф. Он сухо поздоровался со всеми, прохромал, тяжело опираясь на трость, на своё место и принялся за еду. Сара на этот раз не столько ела, сколько наблюдала за тем, что он ест. Граф был без маски. Она настояла на этом и он, усмехнувшись, согласился. А она не видела в его уродстве ничего страшного. Может быть, потому что боялась когда-то увидеть чудовище с рогами, клыками и Бог знает чем ещё, а увидела просто человека, хоть и изуродованного шрамами, но не урода. Конечно, попытайся она озвучить эти мысли, получилось бы глупо, но Сара так действительно думала. А ещё ловила себя на мысли о том, что не почти не замечает, не видит уродства графа.

Она наблюдала, как он ел нечто липкое и жидкое, наверное, овсянку, как он кривился и морщился, то ли от боли, то ли от отвращения. Сара помнила вкус такой противной липкой овсянки. Её до сих пор передёргивало. Это было в последние месяцы, когда они с Язеном голодали. Приходилось питаться иной раз даже очистками или корками хлеба, но вот чтобы по доброй воле есть ЭТО... Почему же граф не попросил кухарку приготовить ему что-нибудь повкуснее? Или, может быть, Анна просто не умеет готовить? А другую кухарку в дом Проклятого найти было наверное очень нелегко. Всё! Решено! Она поговорит с мужем об этом.

Когда завтрак закончился и Генрих исчез где-то в недрах кухни, помогая Мэри убирать грязную посуду, Сара решительно вздохнула и спросила:

— Граф Даррен, можно у вас кое-что попросить?

— Да, конечно, — муж посмотрел на неё с интересом, но даже не удивлённо. Видимо, ждал, что рано или поздно она начнёт что-то просить.

— Можно, пока нет Анны, я буду распоряжаться приготовлением блюд на кухне?

— Приготовлением блюд? — Брови графа взлетели вверх. — Вы шутите? Скажите, что вы ещё и готовить умеете.

— Что-то умею, пришлось научиться, что-то — знаю, как готовится, но ни разу не пробовала, — ответила Сара ничуть не разочарованная реакцией графа.

— Гм. Хорошо, попробуйте. Собственно, не понимаю, зачем вам нужно моё разрешение. Вы ведь не покидаете поместья, денег не просите. А в Чендервилле вы вольны распоряжаться, как хотите. Вы здесь хозяйка, а не служанка и не гувернантка, — при этих словах граф усмехнулся.

— Но если я здесь хозяйка, — Сара посмотрела на него в упор. — почему мне не доложили об уходе Анны, а доложили лишь вам?

Она увидела, как смешался её муж, но лишь на мгновение. Потом он устало откинулся на спинку стула и тихо ответил:

— Слуги не привыкли ещё к вам, но я скажу Генриху, чтобы обо всех таких случаях докладывали лично вам. Вижу, что наши уроки в библиотеке пошли вам на пользу.

Сара хотела возразить, но граф уже отодвинул стул, взял трость и, поклонившись ей, направился к выходу из столовой.

Глава 8

Всю следующую неделю Сара увлечённо занималась хозяйством. Анна так и не вернулась. Несколько раз от неё прибежал мальчик-посыльный с рассказом о том, что сестре кухарки никак не становится лучше, и она пока не может вернуться в Чендервилл. Сара искренне за неё переживала, но вынужденное бездействие после того, как она отправила Язена в пансион, утомляло её, и она рада была наконец-то найти применение своим способностям.

Каждое утро она спускалась в кухню. Там её ждала Мэри и они сначала в четыре руки, а потом и одна Мэри под командованием Сары, готовили завтрак и обед. Пища была простой и питательной. Прежде всего выяснилось, что граф не обращает никакого внимания на то, какие продукты имеются в доме. Кладовые он полностью доверил кухарке, требуя от неё только записывать свои расходы ежедневно в расчётную книгу. Хорошо, что Анна была простодушна от природы и даже и не думала обманывать его, но, поскольку, до недавнего времени кроме графа готовить ей приходилось только на слуг, то она не особо задумывалась над разнообразием этой пищи. Сара вздохнула, посетив кладовые, а потом, подумав, отправила служанку в город, за провизией.

Она попыталась выяснить у графа, какую еду принимает его желудок, но он лишь махнул рукой. Тогда Сара занялась экспериментами. Разумеется, в библиотеке Чендервилла имелась поваренная книга. Вот с неё то она и начала. Под её чутким руководством, Мэри приготовила для графа пюре из овощей. Сара не знала, почему она так старается для человека, который хоть и назывался её мужем, всё-таки по сути был ей чужим. Наверное, ей просто стало его жалко.

Внезапно, развернув бурную деятельность по закупке продуктов и приготовлению пищи, она с ужасом подумала о том, как жила до этого. Праздность и лень были несвойственны её натуре. А вскоре пришли и первые письма от тальи Терроны. Хозяйка пансиона писала о том, что Язен чувствует себя замечательно, хотя и очень скучает по сестре. Он хорошо поддаётся обучению и есть предположение, что скоро обойдёт тех мальчиков, что поступили на полгода раньше него. И это было замечательно! У Сары словно камень с души упал. Ведь пансион тальи Терроны был во многом экспериментальный. Мальчикам там давалась относительная свобода, правда смешанная с ответственностью, но куда же без этого.

И тем печальнее было смотреть на графа Даррена. Он мог часами сидеть в библиотеке или в гостиной и смотреть на огонь, поглаживая Ветра. И оживал он только в краткое время их беседы в библиотеке. Сара научилась уже читать эмоции на его лице. И видела то облегчение, то насмешку, то интерес, а иногда даже радость, но чаще всё же уныние. Она ломала голову, пытаясь представить, о чём он сейчас думает, и не могла. По всему выходило, что мысли у графа должны быть очень невесёлые. Всё чаще и чаще приходила ей в голову мысль спросить его о том, за что он Проклят, но Сара не могла. Словно что-то мешало задать ей этот вопрос.

А за окном, тем временем, зима шла на убыль. Появились первые признаки наступающей весны, потеплело. После разговора с графом и когда все дела, наконец-то были сделаны, Сара уходила в сад. Снег постепенно таял. Она любовалась на бегущие ручьи, слушала птички трели и думала о том, какая несправедливость заставила графа сидеть дома

безвылазно. Неужели у него нет возможности пойти хотя бы до лавочки на аллею? Но её муж молчал, а она не решалась предложить.

К началу второй недели, к ним в гости приехал виконт Армин. Он попал как раз к обеду.

— Добрый день Джо, добрый день графиня. Я вас не стесню надолго, — он поклонился и молча сел к столу. Генрих принёс ещё один прибор. — Просто захотелось увидеться. Кстати, графиня, я заходил в пансион и виделся с маленьким Язеном. Он передаёт вам привет.

— Это замечательно, — Сара улыбнулась.

— Я вижу, что у вас новая кухарка. Она замечательно готовит, — Армин улыбнулся. Сара почему-то покраснела. Ей нравился виконт, но... В своём «но» она не успела себе признаться, когда граф ответил:

— Анна, кухарка сейчас ухаживает за своей больной сестрой и готовит нам такие разнообразные блюда графиня, — и он показал глазами на неё. Сказано это было резко, но Сара увидела нечто вроде гордости, промелькнувшее в глазах графа. Он никогда не благодарил её за пищу и вообще не заговаривал об этом. Ей было даже неизвестно до этого момента — заметил ли он хотя бы её перемену, или нет. И вот... Надо же. Заметил...

— На самом деле готовит Мэри, а я лишь диктую ей рецепты из поваренной книги, — почему-то смутилась Мэри.

— Вот как! — виконт посмотрел на неё с неприкрытым восхищением. — Джо, тебе очень повезло с женой.

Сара посмотрела на мужа, ожидая от него ответа, но он нарочно опустил глаза. Обед прошёл в молчании. После него, не видя смысла задерживаться, Сара вернулась к себе в комнату. Ей хотелось написать письмо талье Терроне, а ещё она решила заказать Мэри, отправлявшейся в город за продуктами кисти, краски и альбом для рисования. Когда-то давно она занималась рисованием. Пора это возобновить.

— Что-то случилось, Джо? — Джозеф вздохнул. Обеспокоенный Армин смотрел на него, но ему почему-то не хотелось даже отвечать виконту. Да что с ним творится?

— Да нет, Армин. Просто устал немного.

— А твоя жена молодец! Взясась за хозяйство как следует!

— Ей просто скучно, — слишком резко ответил граф. Он не мог понять, что его больше разозлило — то, что виконт слишком часто говорил и думал о его жене или же то, с каким восхищением он о ней отзывался. Да, Сара замечательная девушка, но это его, его жена!

— Да что с тобой происходит, Джо? — Расстроенный взгляд виконта привёл его в чувство. Джозеф вздохнул и устало потёр виски.

— Ничего... ничего нового.

— Ну тогда ладно, — Армин широко улыбнулся. — Я очень надеюсь, что это питание точно пойдёт тебе на пользу.

— Я впервые за много дней начал чувствовать вкус пищи и аппетит, — признался он.

— Только зачем всё это? Всё равно мои дни сочтены. И это тяжелее всего.

Граф с силой ударил тростью по паркету, так что осталась вмятина. Пусть! В последние дни с ним творилось что-то странное. Никогда ещё не хотелось жить так, как сейчас. И никогда ещё он не чувствовал, что смерть так близко, как сегодня. Армин подошёл и молча хлопнул его по плечу. Сожаления здесь были бессильны. Да и не нужна ему ничья жалость.

— А что у тебя нового? — спросил он, желая отвлечься.

— Ничего хорошего, — в голосе виконта послышалось уныние. — Матушка хочет, чтобы я женился и уехал бы, наконец, на службу. Даже невесту мне уже нашла. Смотрины назначены на предстоящий бал. А мне ещё рано обзаводиться семьёй. Да и смотреть на этих напыщенных куриц сил моих нет!

— Ну может она вовсе не так плоха, как ты думаешь. Ты ведь не видел её ещё, правда? — Ну вот. Армин скоро женится и уедет отсюда, и он останется совершенно один, если не считать графини. Но почему-то Джозефу иногда этого даже хотелось.

— О, конечно, я её ещё не видел, но заранее говорю, что ничего хорошего там быть не может. Я вообще не люблю богатых модниц. Зато вот тебе повезло с женой, Джо!

Джозеф сжал зубы. Армин издевается?

— И что мне с того, Армин? Я скоро умру. Если тебе нравится Сара, ты вполне можешь жениться на ней после моей смерти.

Он встал, резко отодвинул стул и похромал к двери. Как он устал!

— Джо, Джо! Постой! Я вовсе не это хотел сказать. Джо!

Но он не хотел слушать. Жалко, что он не может напиться! Запереться в библиотеке и не видеть никого. Никого!

Покончив со всеми делами, Сара спустилась в сад. Сейчас, когда снег потихоньку начал стаивать, она смогла наконец-то разглядеть главную аллею, ведущую прочь из Чендервилла, и даже заглянуть на нерасчищенные тропинки. Этого хватило, чтобы понять, что за садом никто не ухаживает. Сад повторял своего хозяина — унылый, заросший, неухоженный, он производил тягостное впечатление. Летом здесь, наверное, была непроходимая чаща, которая предназначалась специально для того, чтобы скрывать хозяина имения от любопытных глаз.

Сара направилась по тропинке, ведущей к конюшне. Немного освоившись в имении и перестав бояться собственного мужа, она решила возобновить свои прогулки верхом, заброшенные давным-давно, ещё до смерти отца. Граф, разумеется, дал согласие и своим привычным уже равнодушным тоном, разрешил выбрать любую из лошадей. Честно говоря, Саре было не очень понятно, зачем ему содержать такую большую конюшню, больше, чем у их семьи когда-то, но... Её муж загадочный человек, который вряд ли позволит так просто разгадать свои загадки.

В конюшне было тепло и сухо. Конюх приветливо поздоровался с ней. Сара задала несколько вопросов, о том, какая лошадь ей больше подойдёт и привычная ли какая-нибудь из них к дамскому седлу.

— Давайте я расскажу вам, — из дальнего угла конюшни вышел, улыбаясь, виконт. — Вот эти жеребцы выросли на моих глазах, а вот тех граф купил совсем недавно, всего пару лет назад. Пройдёмте посмотрим наиболее подходящих для вас.

— Благодарю вас, — Сара направилась вслед за виконтом. Она рассеянно слушала его рассуждения о масти и стати лошадей. В голове вертелся вопрос

— Виконт де Грааз, а зачем моему мужу такая большая конюшня? Он раньше выезжал куда-то?

— Да нет, не то чтобы выезжал, — Армин внимательно посмотрел на неё, — но оставаться безвылазно в своём имении, как приписывается Проклятым, он тоже не

испытывал желанья. По-моему это слишком жестоко, по крайней мере, в отношении Джо, ведь он... — виконт осёкся и замолчал, как будто сказал то, что не должен был говорить. Сара сделала вид, что не заметила, хотя любопытство подмывало её попросить виконта закончить фразу. Но он уже говорил, что не может рассказать — граф запретил ему. Значит и нечего выспрашивать. — Он часто раньше ездил охотиться в своих угодьях, иногда даже выходил в город, разумеется, инкогнито. Лошадей он любит. Если бы мог — навещал бы их каждый день, но, увы.

— Но неужели никто не предлагал ему выйти на прогулку? — Сара удивлённо взглянула на виконта.

— Предлагали, а как же! Но он такой упрямец! — С необычной горячностью ответил Армин. — Джо не хочет быть никому обузой, как он считает. И не разрешает помогать себе. А в последнее время у него и характер меняется. Наверное, всему виной болезнь. Он стал каким-то излишне раздражительным.

Сара хотела спросить у виконта — действительно ли её мужу осталось недолго жить и нет никакого средства, которое могло бы помочь ему, но Армин уже говорил о лошадях, и ей было неловко прерывать его.

— Я думаю, в таком случае, эта кобыла — Меризз, вам точно подойдёт. Она спокойная, спокойней остальных. Да, к тому же, когда граф её покупал, она как раз была под дамским седлом. Да оно и должно где-то остаться. Хотите, я спрошу конюха?

— Нет, спасибо. Мне не к спеху, — Сара улыбнулась. — Я пойду, пожалуй. Хотела просто на днях съездить навестить Язена, а то он подумает, что я его совсем забыла.

Если честно, Саре было даже немного стыдно перед братом. Но как она не старалась думать о маленьком Язене, все мысли почему-то вертелись сейчас вокруг графа. Что это? Любопытство? Почему ей так хочется разгадать его загадку?

Она направилась к дому. Странно, но даже в мыслях последние несколько дней Сара называла Чендервилл домом.

— Графиня Даррен? — Она обернулась. Виконт де Грааз медленно подошёл к ней. — На следующей неделе в нашем имении будет бал. Позвольте пригласить вас. Я думаю, Джо не так жесток и понимает, что вы не можете круглосуточно сидеть здесь взаперти. Я бы, если честно, не выдержал, — он улыбнулся, а потом продолжил. — К тому же в пансионе тальи Терроны вас и Язена знают как моих дальних родственников.

Сара внимательно посмотрела на виконта. Никакой усмешки в глазах, ничего отталкивающего, как в тале Сворке. Он был искренен. Но почему тогда ей кажется, что он совсем неправ, в чём-то очень и очень важном?

— Простите, виконт, я не смогу приехать на бал.

— Может быть вы меня не так поняли? — Армин расстроено на неё. — Я не имел в виду ничего... такого. Просто я хотел доставить вам удовольствие.

— Верю, но давайте не будем больше говорить на эту тему.

Сара кивнула ему, надеясь, что кивок получился не слишком сухой и холодный, и вернулась домой. Виконт действительно не имел в виду ничего дурного. По крайней мере, она хотела в это верить. Но почему-то сама мысль о том, что пока она развлекается на балу, человек, который сделал для неё добро, ничем не обидел и не упрекнул её, будет сидеть в одиночестве и смотреть на огонь в камине, возмущала её до глубины души.

Она должна что-то для него сделать! Чем-то отблагодарить за то добро, которое он сделал и продолжает делать для неё. Ведь он не требует ничего взамен. Не просит ухода за

собой, или чтения книг, не требует долгих разговоров, он просто пожелал помочь ей. Неважно, что у него было за преступление и почему он Проклят, граф просто помог ей, а она... Она тоже должна помочь ему или по крайней мере попытаться. Завтра же она попросит у Генриха одеяло и попытается уговорить графа перенести их беседы из библиотеки на улицу. Свежий воздух должен пойти ему на пользу. А ещё сегодня же она отыщет в библиотеке книги, касающиеся клейма. Граф не похож на преступника. И хотя её иногда пугала мрачность, таившаяся в глубине его тёмных глаз, Сара всё меньше и меньше думала о том, что он — Проклят. Может быть, случилась ошибка? Может быть в книгах описаны такие прецеденты? Она должна выяснить это в любом случае. И не столько о муже думала сейчас Сара, сколько успокаивала себя. Для неё это почему-то вдруг стало очень важно.

На следующий день она осмелилась и спросила графа. Разговор как раз происходил в библиотеке:

— Граф Даррен, а нельзя ли перенести наши занятия на улицу? Хотя бы те полчаса, которые вы рассказываете мне об истории имения и ваших землях. Просто в библиотеке слишком душно, а на улице так свежо, — Сара сказала это с намёком. Вдруг графу самому захочется на улицу. Но он только равнодушно посмотрел на неё.

— Если вы хотите — можно попробовать. Но моим глазам вреден дневной свет.

— Но, наверное, в Виллене можно отыскать очки с тёмными стёклами, — Сара сказала это с участием и это, скорее всего, разозлило графа.

— Оставьте, — сказал он голосом, в котором можно было различить раздражение. — Доктор, которого приглашал Армин, тоже считает, что мне необходимо дышать свежим воздухом. И что такая жизнь, какую я веду, только сведёт меня в могилу прежде времени. Так что я совсем не против проводить больше времени в саду. Вот только не надо меня жалеть, — он словно пресёк все сожаления, готовые вырваться у Сары. — Я согласен заниматься с вами на улице, если вы не будете просить помочь мне Генриха. В крайнем случае я обойдусь вашей помощью, если вы, конечно, не против, — и горькая усмешка скользнула по его губам.

— Вовсе нет, — коротко ответила Сара. Ей было радостно, что муж согласился. И в то же время она отказывалась его понимать. Неужели общества Генриха было ему неприятно? Или граф не хотел, чтобы Генрих видел его беспомощным и жалел? А её жалость?

На завтра они назначили час для прогулки, если можно было так выразиться. А сегодня Сара хотела ещё попробовать прогуляться верхом. Пока недалеко. Надо было освоиться с лошастью. Дамское седло конюх отыскал и пришёл вчера вечером доложить ей об этом. Виконта она после того неприятного инцидента в саду больше не видела. Он уехал почти сразу же.

Перед конной прогулкой, Сара предупредила графа. Он сначала удивился, но, потом, видимо, вспомнил, что сам обозначил в договоре такой пункт и махнул рукой, разрешая. Тогда она осторожно выяснила у него границы имения. Сам Чендервилл с садом, собственно говоря, занимал не очень много земли и был строго ограждён забором, вдоль которого тянулась живая изгородь. А вот земли, принадлежавшие графу, в которых можно было даже охотиться без опасения, были достаточно велики. И, как она поняла, чёткой границы с соседними земельными угодьями не имели. Только примерные границы. Но это всё, наверное, мелочи. Она ведь не охотиться собирается, а так, прогуляться.

Меризз была послушной и спокойной кобылой, но Сара пока не рискнула выезжать

далеко за ворота имения. В конце концов, она не знала здесь даже соседей и, если что — обратиться за помощью будет не к кому. Но это не беда. Вот сейчас она освоится и через пару дней сможет, наконец, навестить Язена. Трястись два часа по пыльной и неровной дороге в экипаже не доставляло ей совсем никакого удовольствия. А верхом она любила ездить, когда-то давно, до беды...

Задумавшись, Сара не заметила, как выехала за границы Чендервилла и свернула с проезжей дороги в лес, на неприметную тропку. Опомнилась она, когда услышала неподалёку мужские голоса. Никакой радости в том, чтобы встречать соседей раньше времени, она не испытывала. Да и вряд ли, узнав кто она, и кем приходится графу, они примут её доброжелательно. Но выхода другого не было, да к тому же она теперь смутно представляла, в какой стороне находится имение. Поэтому Сара остановила Меризз, спокойно бредущую, куда глаза глядят. Из-за поворота на тропинке вскоре показалось двое мужчин. Они пустили лошадей шагом, почти бросив поводья, и мирно беседовали между собой. Увидев её, они остановились. Потом один из них, красивый юноша, чуть постарше её, приложил пальцы к шляпе и учтиво поклонился, насколько это ему позволяла лошадь, на которой он сидел.

— Добрый день, тали. Я — тал Гиллерт Террас, это мой друг — тал Эмиль Кардев, — спутник тала Терраса поклонился. Он показался Саре куда менее привлекательным, чем его юный друг. К тому же тал Кардев очень пристально рассматривал её, не отводя глаза. Сара была уже не рада, что познакомилась с ними, но спрятаться на лошади в заснеженном голом лесу не представлялось возможным. Поэтому она терпеливо ждала момента, когда сможет задать им вопрос, как выбраться отсюда на просёлочную дорогу. И желательно не открывать бы им своего положения. Впрочем, они, наверное, если местные и так скоро узнают. Поэтому Сара спокойно выслушала последовавший за приветствием учтивый вопрос. — Могу ли я спросить, тали, откуда вы здесь? Наши имения находятся довольно далеко отсюда, и на ближайšie мили тут нет никакого жилья. Может быть, случилась какое-то несчастье? И как вас называть?

Сара испытывала большое искушение назваться вымышленным именем, да хоть фамилией отца или той, под которой она значилась в пансионе тальи Терроны, но если эти молодые люди — соседи графа Даррена, рано или поздно они всё равно узнают о том, что она поселилась в его имении. Тогда пойдут слухи. А слухи, как она имела несчастье выяснить на примере мамы, увы, назад не вернёшь. Нет уж. Лучше пусть они знают с самого начала. Графу, может быть, всё равно. Ему скоро умирать (при этой мысли, ей почему-то стало больно), а вот ей жить потом здесь и с этими людьми. А она не сможет всю оставшуюся жизнь провести затворницей.

— Я из Чендервилла, жена графа Даррена, — тихо произнесла она, а потом строго посмотрела на друзей и добавила. — Не могли бы вы показать мне дорогу к имению, а то я заблудилась в лесу? Насколько, я понимаю, это ведь земли моего мужа.

В воздухе повисло молчание, прерываемое лишь пением птиц, да звуками капли. Сара видела, как переглядывались тал Террас и тал Кардев, как учтивая улыбка у тала Терраса постепенно сменялась чем-то похожим на презрение. Он не удосужился даже ей ответить, развернув свою лошадь в другую сторону, однако тал Кардев помедлил немного.

— Графиня Даррен, стало быть так? — Сара кивнула. — Ваше имение вон там, — он указал рукой вперёд, на просвет между деревьев. Езжайте по этой тропинке до конца, там будет Чендервилл, — он произнёс эти слова, словно выплюнул, а потом внезапно резко

добавил. — Мой вам совет, графиня, если вы не по своей воле вышли за графа (а такое едва ли возможно), как можно скорее разорвать брак с ним. Или, в крайнем случае, не говорить никому о своём положении и происхождении. Послушайте меня.

— Но почему, тал Кардев, я должна поскорее разорвать брак с графом? — Спросила Сара, усиленно делая вид, что ничего не знает и не понимает. Отчасти, конечно, так оно и было. Взгляд тала Кардева потеплел. Видимо, он поверил.

— Граф Даррен — Проклят. О нём ходят легенды и все они не из тех, что можно рассказывать дамам и особенно на ночь. Боюсь, графиня, что вы скоро очень сильно пожалеете о своём опрометчивом шаге. А брак с графом Дарреном не из тех, что позволит вам получить положение или статус в обществе, только презрение, — и тал Кардев холодно поклонился ей, пришпорил коня и скоро тоже исчез, как и его спутник.

Сара вздохнула, натянула поводья и пустила Меризз шагом. И зачем она только осталась дожидаться этих мужчин? Рано или поздно, но она всё равно бы выбралась к имению. И почему все так ненавидят её мужа? Что он такого сделал? Ведь вряд ли они знают его лично — он явно старше и тала Терраса и тала Кардева. Неужели его преступление так велико? Или его просто презирают за то, что он Проклят? Да, безрадостная жизнь ожидает её после смерти графа. Хотя, впрочем, что она хотела? Придётся, наверное, забрать Язена и уехать из этих мест туда, куда не доходят слухи. Вот только почему-то очень неприятно было осознавать, что граф скоро умрёт. Всё-таки из всех людей, с кем она общалась после беды, случившейся с отцом, только он, по иронии судьбы, был к ней добр. Он и Армин. Но виконт почему-то сейчас совсем не привлекал её. Де Грааз казался ей просто мальчишкой, одним из многих, таким же, как и тал Террас, ну или немногим лучше.

Так в раздумьях Сара доехала до Чендервилла. Уже совсем стемнело, когда она подъехала к имению. Дом был необычно ярко освещён. Она бросила конюху поводья от Меризз и кинулась туда. Может быть, что-то случилось с графом? Сердце почему-то застучало сильно-сильно, невпопад.

— Графиня, слава Богу, вы вернулись! — Встретил её на крыльце Генрих. Сара внимательно всмотрелась в него. Он был бледен и взволнован.

— Что-то случилось с графом? — спросила она.

— Нет. Что вы! — Казалось, он удивился. — С графом-то как раз всё в порядке. Он наоборот испугался за вас. Уже сколько времени прошло, а вы всего лишь отправились на прогулку. Он подумал, что, должно быть, что-то случилось, и приказал отправиться на ваши поиски. Я вот как раз собирался ехать за вами.

Граф волновался за неё? Саре показалось, что привычный мир перевернулся. Она попыталась успокоить своё мятущееся сердце.

— Простите, Генрих, что напугала. Я заблудилась. Давайте, я сейчас сама расскажу всё графу. Где он?

— В гостиной, графиня. Идите-идите. Он ждёт.

Сара скинула верхнюю одежду и направилась в гостиную. За дверью было тихо, но светло. Когда она вошла, граф даже не повернул головы. Волновался он!

— Ну что там, Генрих. Нашли её? — Голос звучал глухо.

— Граф Даррен, я вернулась. Я просто немного заблудилась.

Сара подошла к креслу, на котором сидел её муж в своей излюбленной позе, и встала рядом. Он медленно повернулся. Ей показалось, или на его лице она уловила радость и облегчение?

— Я рад, что с вами всё в порядке. Только надеюсь, вы больше не будете так долго блуждать. Всё-таки я сейчас ответственен за вашу жизнь, — в голосе графа звучала ирония, но Сара не обратила внимания на эти колкости.

— Я вряд ли буду блуждать нарочно, особенно теперь, — горько добавила она.

— Что случилось?

Сара вздохнула, а потом рассказала про встречу с талом Террасом и талом Кардевом. Ещё бы неделю назад, она держала бы всё это при себе, но сейчас почему-то не могла не поделиться с графом. Он выслушал её рассказ молча, всё больше и больше мрачней.

— Ну да, графиня, я — чудовище. Ну или, по крайней мере, таким меня считают. Боюсь и вам никуда не спрятаться от сплетен. Я думал по-другому, но я ошибся. Для них не важно, какой человек на самом деле, имеет значение только статус и глупое суеверие, связанное с Проклятьем. Впрочем, вы же ничего не знаете.

— Ну так расскажите мне! — Попросила Сара, в который уже раз. Граф опустил глаза.

— Не могу. Не сейчас. Мне тяжело вспоминать. Простите, графиня. Лучше будет, если вы уйдёте к себе. Я что-то забылся и позволил себе подумать о том, о чём думать не имею права. Покойной вам ночи.

— И вам, — Сара поклонилась и ушла, недоумевая, что имел в виду граф.

За завтраком муж показался ей чуть более грустным и усталым, чем обычно. Под глазами резче нарисовались тени, а уголки губ были печально опущены. Сара научилась понимать настроение графа, лишь мимолётно взглянув на него. И почему-то ещё ей стало это необычно важно. Они позавтракали. Генрих убрал со стола. Молчание затягивалось.

— Граф Даррен, — решила вдруг нарушить его Сара, — так как насчёт сегодняшних занятий на свежем воздухе?

— Если вы ещё не передумали, то давайте через час встретимся в библиотеке. Я буду готов.

— Хорошо, — Сара улыбнулась и почти не поверила своим глазам, увидев мимолётную улыбку, словно тень, промелькнувшую на губах графа. Она преобразила его, сделав красивым, даже не смотря на шрамы и нарывы, которых становилось с каждым днём всё больше и больше.

Она поклонилась ему и направилась в свою комнату, подготовиться к прогулке. После беседы с графом (которая последние дни, по совести говоря, продолжалась много больше часа) Сара намеревалась заняться рисованием. Ей как раз доставили альбом и краски. Самое время для эскизов. Поэтому через час она, захватив с собой принадлежности для рисования, направилась к библиотеке. Граф был там.

— Пойдёмте, графиня. Я не горю желанием спускаться по парадной лестнице, поэтому было бы замечательно незаметно выскользнуть через чёрный ход.

Сара с готовностью кивнула. Она ещё не очень хорошо ориентировалась во всех коридорах Чендервилла, поэтому доверила графу роль проводника. Да он прекрасно справлялся и без неё. Хотя каждый раз, как ему приходилось преодолевать лестницу или сложный участок коридора и его пальцы с большей силой сжимали трость, так, что белели костяшки, Сара чувствовала острую жалость. Хотелось подойти и помочь, но она сдерживала себя. Её гордый муж ни за что бы не принял помощь. Наконец, они спустились до чёрного хода. Послышались голоса. Кажется, это была Мэри и Генрих. Голоса приближались.

— Быстрей! Спрячемся! — и граф с каким-то новым оттенком в голосе втолкнул Сару в комнату. Кажется, это была кладовка, склад старых вёдер, тряпок и разной ненужной мелочи. А посреди всего этого они — хозяева имения. Сара сначала недоумённо посмотрела на графа, а потом разглядела озорство в его глазах. Да ему же смешно! А он ещё приложил палец к губам, указывая на дверь. Шаги и голоса слышались совсем рядом, а полутьма кладовки и это уединение создавало какую-то невообразимо чарующую атмосферу. Сара смотрела на графа во все глаза. Он словно помолодел, выпрямился и стал выше ростом. В глазах, уже не скрываясь, плясали озорные огоньки. Она никогда не видела мужа таким.

— Когда мне было лет семь, мы играли с отцом в прятки, и я прятался от него именно здесь, в этой кладовке, — граф даже на мгновение прикрыл глаза, словно вспоминая. Слуги удалились. Наверное, пора было продолжить их прогулку, но Сара не могла прервать то странное и таинственное, что сейчас витало между ними. Наверное, Джозеф (в первый раз она осмелилась мысленно назвать его по имени) становился счастливым, только вспоминая.

Наконец, через несколько минут он очнулся. Огоньки в глазах потухли. Граф вздохнул.

— Пора идти. Вы, наверное, считаете меня сумасшедшим, графиня? — В голосе

слышалась печаль.

— Ни в коем случае, — живо ответила Сара. — Если бы я могла хоть когда-нибудь вернуться в наш с Язеном родительский дом, я бы тоже стояла вот так, закрыв глаза. Там всё дышит воспоминаниями, — она едва слышно вздохнула и увидела, что граф подошёл и встал рядом с ней.

— Вы очень скучаете по дому, Сара? — Он впервые назвал её по имени. Сара почувствовала, как забилося сердце. Внезапно и не в такт.

— Скучаю, но не по дому, а по родителям, — тихо ответила она. — Но их уже не вернуть.

— А вы хотели бы добиться для своих родителей оправдания?

— Конечно! Мой отец невиновен. Он просто не мог взять этих бумаг, так как был в момент кражи дома.

— А матушка?

— Сплетни слишком быстро расходятся. Не подобает дочери слышать то, что я слышала про свою мать, — Сара бессильно сжала кулаки.

Граф, видимо, хотел что-то сказать, но быстро отвернулся и отошёл. Когда он заговорил, его голос был прежним — хриплым и чуть-чуть насмешливым.

— Я верю, графиня, что вы обязательно отыщете истину. А теперь нам пора идти.

Сара вздохнула. Почему-то вдруг стало печально. Она направилась вслед за мужем. Они вышли в сад. Граф остановился через несколько ярдов, жадно вдыхая воздух.

— Здесь удивительно красиво. А я ведь уже забыл, как выглядит сад весной. Ну, куда мы направимся?

— Вон там, возле тех деревьев есть скамья. Я взяла с собой тёплое одеяло. Мы постелим его на скамью и можно будет сидеть, не опасаясь намочить одежду, — Сара говорила нарочито бодро. Она не знала, как себя сейчас держать с мужем. Ей всё ещё чудился его голос, произносящий её имя. И было волнительно и вместе с тем печально.

— Скамья, так скамья, — ворчливо отозвался граф и похромал к скамье.

Видимо, прогулка отняла у него больше сил, чем он думал, потому что едва не упал возле скамьи, не подхвати его Сара.

— Благодарю, — он прикоснулся к её руке, всё ещё поддерживающей его за плечи и задержал её дольше, чем нужно. Сара покраснела, но руку не отняла.

— О чём мы будем сегодня беседовать?

— Думаю, ни о чём. Весна, капель, птичьи трели — всё это совсем не настраивает меня на мой обычный лад. Давайте помолчим или поговорим о том, о чём вам хочется поговорить, — граф, наконец, отпустил её руку и задумчиво устремил взгляд вдаль, туда, где видно было край изгороди и яркое, синее, всё в барашках облаков, небо.

— Я хотела бы узнать про ваших родителей, — тихо спросила Сара. — Что с ними случилось?

— Это слишком тяжёлая история для меня, — немного помолчав, отозвался граф, но потом всё же нехотя продолжил. — Моя мать умерла, рожая меня, я её совсем не помню. Знаю, что только она была очень красива и без памяти любила отца. У меня есть её портрет. В полный рост. Отец заказал его незадолго до её смерти. Если хотите, я покажу вам его как-нибудь. Отец умер, когда мне было восемь лет. Я очень любил его. Но, увы, со временем воспоминания о нём стёрлись, да, к тому же, память моя сейчас не в лучшем состоянии. Поэтому когда вдруг ко мне приходят какие-то воспоминания из прошлого, я просто стою и

наслаждаюсь ими. Это бывает так редко и так ярко. И я словно оживаю в эти дни. Простите мои слова, графиня. Вам это, наверное, всё не очень интересно. Но мне всё равно приятно, что я могу рассказать об этом хотя бы кому-то. Только не жалейте меня! — Он поморщился, увидев выражение лица Сары. А ей действительно стало жалко его, очень жалко.

— Не буду, — тихо ответила она. — Я потеряла отца и мать в зрелом возрасте и не скажу, что от этого легче. Зато я хотя бы могу спокойно предаваться воспоминаниям о них. Правда, чаще всего они приносят боль.

— Ничего. Боль скоро пройдёт. Время лечит. А знаете, когда вы ехали сюда, я ведь не думал встретить именно вас. Я думал, что увижу обычную девушку, которая будет падать в обморок при виде меня и закатывать истерики, но вы даже, кажется, не боитесь меня.

— Не боюсь, — чистосердечно призналась Сара. — Вы не кажетесь мне страшным. После письма тала Сворка я представляла вас уродливым и страшным убийцей, пугающем детей и превращающимся по ночам в волка, чтобы выть на луну. И Бог знает, что ещё. Но...

— Но вы увидели, что я не чудовище, даже вопреки стараниям тала Сворка, — горько усмехнулся граф. — Странно, я никогда не думал, что он видит меня в таком свете. Мы ведь давно знакомы. Хотя... Даже друзья предают, — по лицу графа словно прошла гримаса, исказив черты лица до неузнаваемости. — А что до чудовища и страшного убийства — откуда вам знать, кто я на самом деле и за что меня клеймили? А, графиня?

— Я не знаю точно, но просто не могу поверить в это, — Сара не испытывала страха. А потом ей вдруг открылась страшная истина и сорвалась с языка, прежде, чем она смогла её даже осознать. — Но я не буду вас бояться, даже если... если узнаю о вас что-то такое, нелицеприятное.

— Даже если я убийца и насильник? — граф вдруг наклонился к ней и взглянул в глаза. Сара увидела там немую мольбу. О Боже! Что ей ответить? Но она ведь (вот глупая девочка!) действительно его сейчас не боялась, даже если...

— Да, даже так, — твёрдо ответила она.

Утром следующего дня Сара была на ногах ещё до того, как в комнату вошла Мэри, чтобы помочь ей одеться. Она же и сообщила новость.

— Графиня Даррен, Анна, кухарка, вернулась-таки. Она очень расстроена. Сестра её умерла, но зато она говорит, что больше её там ничто не держит.

— Мне очень жалко её сестру, но я всё-таки рада, что Анна вернулась, — Сара вздохнула с облегчением. Значит, она с чистой совестью может объяснить кухарке, какие блюда требуется готовить для графа, а потом, наконец, заняться своими делами. Сара планировала сегодня съездить повидаться с Язеном, если, конечно, муж её отпустит. При мысли о нём, сердце почему-то начинало биться быстрее. Она краснела и ничего не могла с собой поделать.

Одевшись, она спустилась прямо в кухню. Там уже вовсю шипело и булькало. Анна сразу принялась за дело. Это была пожилая, маленькая и полная женщина, бойкого вида.

— Доброе утро! Вы, должно быть, графиня. Мэри сказала мне, что вы готовили для графа, пока меня не было, — Сара не знала, чего было больше в голосе кухарки — изумления или осуждения. Ну да, насколько она понимала, Анна была ещё старой закалки. В её время господам не положено было уметь что-то кроме чтения, вышивания, да игры на фортепьяно.

— Вы, кажется, считаете, что это неправильно? — Сара улыбнулась Анне, стараясь, чтобы улыбка вышла искренней.

— Ну да. Негоже хозяйке самой у плиты стоять. А кашу могла и Мэри сварить. Она- то всё умеет.

— Это, конечно, так. Но граф не может есть кашу, да и мне, честно говоря, она не очень нравится. Я попробовала потушить ему овощи. И его желудок их принял. Не будете ли вы так добры, чтобы готовить ему их каждый день? — Сара умоляюще посмотрела на кухарку. Та нахмурилась.

— Графиня, овощи это конечно хорошо. Но не пристало хозяину имения есть какие- то тушёные овощи. Я до графа-то ещё в двух семьях служила. Так там хозяева всегда на завтрак требовали кашу. Да и энтот, как его, этикет, навроде, тоже требует кашу по утрам подавать.

Сара вздохнула. Господи дай ей сил!

— Анна, в нашем случае этикет можно нарушить. Ведь граф Даррен болеет и его желудок требует иной пищи, кроме каши. Но если вам трудно приготовить ему овощи, я сама буду каждое утро спускаться в кухню и готовить ему, — и Сара лукаво посмотрела на кухарку.

— Да нет. Ну что вы! Хозяйка и готовить! Господи помилуй! Давайте уж лучше я буду подавать хозяину эти ваши тушёные овощи. Только чтобы никто об этом не знал.

— Конечно, Анна. Никто и не узнает, — кухарка внимательно на неё посмотрела, а потом вдруг улыбнулась. Улыбка преобразила её морщинистое лицо. Сара улыбнулась в ответ и вышла, а потом у себя в комнате от души рассмеялась.

Завтрак прошёл в молчании. Графу были поданы эти заветные тушёные овощи. Так, теперь надо выяснить, чем ему ещё можно питаться. После завтрака, Сара спросила, можно ли ей отправиться повидать брата. Граф дал разрешение, но, как ей показалось — довольно неохотно. Да она и сама не горела желанием уезжать от Чендервилла. Как она ни корила себя за это, как ей не было стыдно, но желание увидеть маленького Язена было не таким большим, как желание почему-то не оставлять мужа. Ей хотелось видеть графа как можно чаще, а их час в библиотеке превратился в часы.

Сара вздохнула, переделалась для верховой езды и отправилась на конюшню. Предупреждённый конюх вывел ей уже осёдланную Меризз. Она забралась в седло и пустила кобылу рысью. Дорога до Виллена не показалась ей долгой. Она думала о брате, как он там, хорошо ли себя чувствует, всего ли ему хватает. Но всё чаще и чаще мысли сами собой сбивались на воспоминания о вчерашней прогулке с графом по саду. Сара вспоминала руку мужа на своей руке, его голос, его глаза рядом со своими и отчаянно краснела. Вчера и сегодня утром как-то не было времени думать об этом, да она к тому же изо всех сил пыталась отогнать от себя эти мысли. Но вот сейчас они вернулись и... Она ведь ещё вчера поняла, что не боится его, да и по большому счёту теперь уже не имеет значения, какое преступление он совершил. Она просто не сможет жить, не видя его каждый день. Если бы всё было по другому... Вдруг Сара с ошеломляющей чёткостью поняла, что граф Даррен из того типа мужчин, что могли бы ей понравиться, обязательно. Но вот только она не имеет права о нём думать. Хоть он и муж, но всё же годится ей в отцы.

Когда она въехала в Виллен, мысли в голове у неё путались, а сердце билось неровно. Она не хотела думать о графе и всё же не могла не думать. В растерянности, она спешила и постучала в дверь пансиона тальи Терроны. Тот же самый мужчина, что встретил их с Язеном в первый раз, открыл дверь. Увидев её, он улыбнулся, словно вспомнив.

— Я сейчас скажу талье Терроне, что вы приехали. А лошадь вашу отведут на конюшню. Сара кивнула, подождала конюха, а потом, передав ему поводья от Меризз, вошла

внутри. Талья Террона уже ждала её в гостиной.

— Здравствуйте, дорогая моя. Пока вас не было, ваш родственник, виконт, уже несколько раз заезжал к вашему брату, повидаться, — вот как, значит! Сару ошеломило то, что Армин заезжал к Язену, ничего не рассказывая об этом ей. Зачем ему это надо? Неужели хочет за чем-то расположить брата к себе? Но она постаралась ничем не выдать удивление и просто кивала, когда талья Террона рассказывала про успехи Язена.

— Могу ли я увидеть брата, — прервала Сара, наконец, её излишняя.

— Конечно-конечно. Он сейчас в саду вместе с другими мальчиками. У них время прогулки. Давайте я провожу вас в сад.

В саду было очень шумно. Видимо, весь пансион сейчас отдыхал здесь. Совсем маленькие мальчики, вроде Язена бегали, прыгали и лазили. Воспитатели почти ни в чём не ограничивали их. Мальчики постарше играли в мяч, а совсем взрослые — читали или тихо переговаривались. Ну и где же ей найти Язена среди этого беспорядка? Сара немного растерялась, но талья Террона уже увлекла её за собой и привела к беседке, возле которой часть младших мальчиков играли в прятки. Она громко позвала Язена несколько раз, и тот с недовольным видом вылез из кустов, росших у самой беседки. Брат повзрослел и выглядел вполне счастливым и довольным настолько, что Сара почувствовала даже боль. Она скоро будет ему не нужна. Но боль тут же прошла, когда Язен увидел её и кинулся к ней со всех ног. Талья Террона ушла, оставив их одних, а Язен повлёк её к беседке.

— Сара, ты приехала. Наконец-то! Я поколотил мальчишек, которые не верили тому, что ты — вдова и начали сочинять про тебя всякие гнусные истории. Они целый день пролежали в лазарете. Будут знать, как обзывать тебя!

— Защитник ты мой, — улыбнулась Сара, прижав его к себе. — Ну рассказывай, что у тебя тут интересного случилось.

Они проговорили, наверное, час, когда послышался гонг, созывавший воспитанников к обеду. За Язеном должна была прийти воспитательница. Сара печально вздохнула. Конечно, брату здесь лучше, но...

Вдруг она вздрогнула и подняла голову. Сад пансиона был огорожен глухим забором и беседка, в которой они сейчас сидели, вплотную примыкала к нему. Но сбоку несколько досок были раздвинуты. Наверное, мальчишки лазили в город через этот ход. И вот оттуда Сара сначала услышала знакомый голос, а потом и увидела краем глаза тала Сворка. Она тихо, стараясь не шуметь, подкралась к лазу, сделав знак Язену. С недавних пор её почему-то очень интересовали какие-то слишком подозрительные дела этого тала. Сара села рядом с лазом и прислушалась.

— ... А я вам говорю, уважаемый, что тем, что все будут считать графиню словно зачумлённой, а то и презирать её, мы ничего не добьёмся. Её надо представить несчастной жертвой обстоятельств, а вас — невероятным спасителем и тогда она сама упадёт к вам в объятия.

— Полагаю, вы правы, — Сара узнала голос тала Сворка. О ком они говорят? Неужто с ней? Не может быть!

— Впрочем, Артур, я до сих пор не могу понять, зачем вам именно эта девушка. Всех богатых и знатных, готовых выйти за вас замуж, вы не пересчитаете даже на пальцах обеих рук.

— Тут дело не в этом. Она может догадаться о том, о чём ей знать совершенно необязательно, поэтому хотелось бы иметь её всегда при себе.

— Так за чем же дело стало? Или вы боитесь каких-то препятствий? Её муж умирает. Ему осталось не больше года. Как доктор я говорю вам об этом с полной определённости. От Проклятия нет спасения. Подождите год и...

— Я опасюсь, мой дорогой друг, её характера. Упрямством она пошла в отца. Я предлагал ему... Но, впрочем, неважно. Главное, что этот дурак отказался. Так что теперь надо сделать так, чтобы после смерти мужа, она сама бросилась ко мне в объятия как к единственному спасителю, как вы и говорите.

— А Джозеф? Как по мне — он даже сейчас всё ещё способен влюбить в себя молоденькую и глупенькую девочку. Тем более, что романтические героини всех дамских романов любят спасать отверженных и обездоленных.

— Да брось! У графини в её хорошенькой головке нет ни капли романтичности — жизнь её слишком потрепала. А про графа я старался говорить только плохое. Не думаю, что за время, оставшееся ему, они сумеют настолько сблизиться. Да, в конце концов, мёртвых рано или поздно забывают. В таком возрасте долго тосковать невозможно.

— Ну если Артур, вы так думаете...

Голоса начали удаляться, а шаги затихать. Сара отпрянула от лаза. Сердце её билось быстро-быстро. Что всё это значит? Что задумал тал Сворк? Что он предлагал её отцу? Она просто обязана это выяснить!

Она вяло попрощалась с братом и тальей Терроной, забрала Меризз из пансионской конюшни и направилась домой. После подслушанного разговора ни о чём другом думать она уже не могла. Тал Сворк хочет жениться на ней после смерти мужа? И он почему-то уверен, что она упадёт к нему в объятия после... После того, как узнает о прошлом мужа, или что? Сара вдруг отчётливо вспомнила тала Сворка с его сальной улыбкой, нескромными взглядами и намёками и содрогнулась, представив его на месте графа. Никогда! Но Джозефа ведь нельзя вылечить. Сам доктор об этом свидетельствует. Значит не стоит привязываться к графу и думать о нём, но... Но она не могла, уже не могла. И это пугало Сару больше возможного преступления мужа. Она действительно не верила, что Джозеф совершил что-то ужасное, но даже если это так... Она ответит и самой себе, как ему в саду, вчера — это уже не важно для неё. Зачем притворяться? Эти мысли были мучительны и в то же время необыкновенно сладки. И Сара невольно вздрогнула, услышав за спиной чей-то голос.

— Графиня, графиня Даррен! Подождите!

Она придержала лошадь и повернулась, чтобы увидеть обладателя этого слишком знакомого голоса. По дороге, ведущей от Виллена к Чендервиллу, её догонял виконт Армин.

— Здравствуйте, виконт, — она довольно прохладно поздоровалась с ним. После того, что она узнала в пансионе о его свиданиях с Язеном, разговаривать с Армином не было желания, вообще.

— Вы ездите навещать брата? — Он, наконец, догнал её и пустил свою лошадь рядом с её. Саре не очень нравилось такое соседство. Какое-то неприятное предчувствие мешало разговаривать с виконтом как прежде.

— Да, виконт.

— Графиня, к чему такие тонкости? Мы с Джозефом лучшие друзья. Неужели вы не можете звать меня просто по имени, Армин, как он?

— А зачем вам это, виконт? Я не настолько хорошо знаю вас, чтобы называть по имени, — чем больше горячности было в словах де Грааза, тем холоднее становилась Сара.

Ей словно что-то помогало сохранять спокойствие. Она чувствовала, что только спокойствие спасёт её от надвигающейся... Что? Беды? Она не знала, лишь предчувствовала.

— Простите, графиня. Я забылся. Но мне, право, так тяжело, обращаться к вам по титулам и слышать от вас такое обращение. Намного проще было бы называть вас Сарой, — при этих словах, он наклонился так, что его лицо оказалось возле лица Сары. Глаза виконта горели.

— Я — жена вашего друга, виконт де Грааз, не забывайте, — она резко отстранилась от него. Какое-то время они ехали в молчании. Сара видела, как он смугился и потупил глаза. Было уже бессмысленно говорить какие-то слова. Она догадалась обо всём без слов. И почему-то ей было неприятно. Если бы... Если бы муж... Джозеф был сейчас на месте Армина, она бы чувствовала себя совсем по другому. В этом она почему-то не сомневалась.

— Я знаю, — наконец, глухо ответил виконт. Сара догадывалась, что он страдает. И даже почувствовала жалость к нему. — Но, Боже, как жалко, что я не встретил вас раньше!

— Боюсь, что раньше я выглядела не так, чтобы вам понравиться, — Сара усмехнулась. Ну да. Когда-то, в прошлой жизни, до той страшной трагедии, она вполне могла бы увлечься виконтом де Граазом. Но сейчас... Таинственная, мрачная и такая одинокая фигура мужа привлекала её куда больше. Почему — она не знала. Может быть, потому что она просто переросла виконта. Армин с его порывистостью иногда казался ей даже смешным. Она смотрела на него, как на младшего брата. Но полюбить... Нет. Она бы никогда не смогла его полюбить.

— Неправда, — пылко ответил он. — Я бы и раньше узнал вас и тогда бы... тогда бы заставил полюбить, — виконт замолчал и отвернулся. Какое-то время они ехали молча.

— Но надеюсь, теперь вы понимаете всю тщетность ваших попыток, — Сара старалась говорить как можно мягче. — Я жена вашего друга и буду ему верна. И я очень бы хотела, чтобы мы больше никогда не возвращались к этому разговору. Хотя бы ради вашей дружбы с графом.

— Я не буду. Просто сегодня я увидел вас и не смог сдержаться. Но и он и вы, наверное, думаете, какая я скотина, — Армин грустно усмехнулся. — Я, правда, ничего не могу поделать со своими чувствами. Но я больше не буду досаждать вам. Надеюсь, Джо поймёт, из-за чего я уехал. Он был всегда так добр ко мне, а я... Я плачу ему чёрной неблагодарностью. Но я больше не потревожу вас. Счастья вам, графиня.

Виконт резко развернул свою лошадь, махнул на прощанье рукой и ускакал. Сара вздохнула. Зачем он звал её? Чтобы сказать, что любит? Или, может, надеялся на ответное чувство? Ну да, все ведь считают, что её мужу осталось недолго. Вряд ли, конечно, Армин отдавал себе в этом отчёт или питал какие-то мечты. Он слишком порывистый и идёт на поводу у своих эмоций, но графа он похоже действительно любит и благодарен ему. Будь на месте виконта хотя бы тал Сворк, никакое бы благородство не удержало его от требования ответного чувства, хотя бы и силой.

Сара вздохнула. Мысли о тале Сворке были неприятны. Она не знала, может ли она рассказать мужу разговор, который подслушала. Всё-таки это ей нравился собственный муж и с каждым днём всё больше и больше. Нравилось в нём как раз то, что другую девушку, наверное, оттолкнуло бы. Сара это сознавала, но ничего поделать не могла. Но ведь он, скорее всего относится к ней только как к способу скрасить одиночество, ну или как к приятной собеседнице, не больше. Но разве ей нужно больше? Она запуталась.

Когда Меризз въехала в ворота Чендервилла, Сара вздохнула с облегчением. Завтра

будет новый день и она увидит мужа и, может быть, спросит его, наконец-то, о его прошлом и поговорит с ним, и... А ещё надо взять книгу о Проклятьях, наконец-то, взять и прочитать, чтобы разобраться в этом. Не может же быть, чтобы графа нельзя было избавить от клейма. Должен же быть какой-то выход.

Следующие несколько дней прошли довольно скучно и однообразно. Граф словно замкнулся в себе, а, может, стыдился того приступа искренности, случившегося в саду. Наедине с Сарой он был теперь холоден и насмешлив, а кроме дел, касающихся наследования и земель, прилегавших к Чендервиллу, он больше ни о чём не говорил. Может быть, он на что-то обиделся? Сара не знала, что и думать. Только сейчас она поняла, как привыкла к разговорам с мужем. Он оказался неординарным, всесторонне развитым человеком, а знал так много, что Сара была бы только рада у него учиться, но...

Сейчас её, правда, больше интересовало не поведение графа, а его клеймо. Может быть, есть в его библиотеке какие-то родовые книги, история рода Дарренов? Но она ничего не нашла на эту тему, а спрашивать у графа было неловко. Зато Сару ждал приятный сюрприз — целый стеллаж книг, посвящённых Проклятию. Наверное, граф когда-то думал о том же, что и она сейчас. Но ту лазейку, которую он проглядел, она обязательно найдёт. И Сара приступила к поискам. Она унесла книги к себе в спальню и там методично пролистывала их одну за другой. Но её ожидало большое разочарование — в книгах было подробно изложено, как и за что накладывают клеймо (иногда перечень преступлений был настолько подробным, что Сара, с трудом преодолевая тошноту, быстрее перелистывала страницы), каким образом и при каких свидетелях, но ни единого слова о том, возможно ли вообще, даже теоретически, снять это клеймо. Говорят, таких случаев не было. Ну да. Она никогда об этом не слышала. Трудно сказать, на что она надеялась, открывая раз за разом новую книгу, касавшуюся Проклятья. Может быть, облегчить участь мужа? Но больше всего её мучило то, что не было никаких лазеек даже для тех преступников, что раскаялись в своём преступлении. Ведь природа клейма не была до конца выяснена даже самими создателями. И это было смешно, если бы не было так грустно.

Даром обладали только учёные и доктора. Да и что такое сам Дар было толком неизвестно. Ясно одно — занимаясь изучением природы и свойств окружающего мира, исследуя новые лекарства и открывая новые горизонты развития науки, каждый учёный рано или поздно понимал, что обладает определённым Даром, который помогал создавать и разрушать, лечить и казнить. Таким образом с помощью этого Дара и некоей жидкости из смеси трав и было разработано клеймо. К преступнику приезжал один из учёных, обладавших Даром, и заставлял его выпить специальную жидкость, а потом клал одну свою руку ему на шею (где и появлялось потом клеймо), а другую на грудь, над сердцем. И всё. Что случалось дальше, никто не мог, или не хотел объяснить. Каким-то невероятным образом происходило то, что происходило. В книгах не было ответов на многие вопросы (да, наверное, и не могло их там быть). Например, что делать, если преступник не захочет выпить отвар из трав, или как учёные узнают, что их Дар подействовал на этого человека именно так, а не иначе? Вопросов было очень много, а кто мог дать на них ответы? Только один из тех, что обладал Даром, один из тех, кто занимался клеймением преступников (Сара с трудом удержалась от того, чтобы не назвать его в мыслях палачом). Но где его искать? Может быть, в столице? Она пока не знала, но собиралась это выяснить, хотя бы у мужа.

Но оказалось, что спросить что-то у графа было сложнее, намного сложнее, чем у любого другого человека. Сара несколько раз подходила к гостиной, где, должно быть, сидел её муж, и возвращалась обратно, объятая непонятной робостью. Он может неправильно

понять причину её интереса, он может не поверить ей, он может обидеться, он... Но больше всего, как ни странно, сейчас она боялась причинить ему боль. Увидеть печаль в его насмешливых глазах. В последнее время, когда он смотрел на неё, в его глазах было что угодно, кроме печали. Иногда Сара ловила на себе его взгляд, или даже замечала мимолётную улыбку, проскальзывавшую на губах. Но если муж видел, что она смотрит на него, он тут же становился холодным и насмешливым, словно корил себя за минутную слабость, и она не знала, как это понимать. Он — её муж, хоть брак и фиктивный, ему важно её мнение, важно, что она не боится его, и в то же время он так холоден и вообще он годится ей в отцы.

Сара вздохнула и в очередной раз вышла из комнаты, чтобы поговорить с графом. И тут вдруг услышала печальную мелодию. В Чендервилле есть фортепьяно? Но почему же она никогда об этом не знала? Она, как зачарованная, пошла на звуки музыки. Когда-то давно, почти в прошлой жизни, ей нравилось играть для отца и маленького Язена, который радостно улыбался чарующим звукам. Но то, что она слышала сейчас, не было одной из известных мелодий. Инструмент стонал и плакал под чьими-то умелыми руками. Сара догадывалась, кто это играет и чувствовала, что этот плач души не предназначен для чужих ушей, но в то же время упрямо шла на звук.

Наконец, она оказалась у дверей большого зала. За ними неумолчно рыдало фортепьяно. Сара приоткрыла дверь, надеясь, что она не скрипнет, и заглянула в щёлку. Это действительно был зал. Когда-то в нём, верно, устраивали балы и прелестные дамы и важные кавалеры носились по паркету, не ведая усталости, но сейчас этот зал был пуст. По углам в чехлах пылилась редкая мебель, окна были закрыты ставнями, а посередине стояло одинокое фортепьяно, за которым самозабвенно играл граф. Сара посмотрела на него, и у неё захватило дыхание. Он играл так, словно проживал жизнь — закрыв глаза, крепко сжав губы. Она не могла бы поручиться, что точно разглядела слёзы на его глазах в полумраке зала, но поняла, что мешать мужу не имеет права. Сара тихо прикрыла дверь и отошла. Он никогда не простит ей, если узнает, что она видела его в минуты слабости. Он ещё не доверяет ей так сильно, как... как она.

Последнее время он намеренно старался избегать жены. Почему? Джозеф не смог бы это внятно объяснить. Он не мог понять, что в нём поменялось, что случилось. Просто в то ясное, весеннее утро, когда он впервые, наверное, за год, а может и больше, вышел из дома, в нём проснулось что-то. И это что-то заставляло его сердце биться быстрее, когда Сара заходила в комнату. Ну не глупо ли это? Он — преступник в её глазах, заклеивший себя своим преступлением навеки, старик, больше чем на двадцать лет старше её, ему, в конце концов осталось жить всего год, может чуть больше. И то, что она тогда сказала, что она ответила на его глупый вопрос... Нет! Её нужно защитить от себя самой. Лучше будет, если после его смерти эта отважная, но такая глупая и доверчивая девочка окажется замужем. Пусть она влюбится сейчас, да хоть в виконта.

Джозеф усмехнулся, вспомнив лицо Армина при их последнем разговоре. Как же это было больно! Виконт, кажется, уже влюбился в графиню. Осталось дело за малым — пусть и она тоже обратит на него внимание. Но он никак не мог отнестись к этому спокойно. Злился, кусал губы, повторял, что должен спасти её от самой себя...

Джозеф вздохнул. Устав от борьбы, он вчера отправился в бальный зал и в первый раз за много лет, открыл фортепьяно. А потом едва добрался до постели. Сил не осталось, совсем.

Но после сна и завтрака (который казался почему-то необыкновенно вкусным его измученному желудку), он почувствовал, что в состоянии даже совершить небольшую прогулку. Его как магнитом тянуло к Саре. Увидеть её, снова поговорить, насмотреться... Наверное, это весна... Джозеф сжал губы и направился к двери. Надо было найти в библиотеке пару книг. Рассказать бы жене свою историю. Но он боялся... Боялся увидеть страх в её глазах, а может ненависть, или непонимание.

Проходя мимо окна, которое сегодня по странной случайности оказалось распахнуто, он бросил взгляд в сад, и замер. Прямо под окнами о чём-то громко беседовали Сара и Армин. Вот он взял её за руку. Жалко, что ветерок и капель не давали расслышать голосов. Боже, почему так больно? Он же мечтал об этом, мечтал, чтобы она после его смерти была пристроена в надёжные руки. Вот его мечты сбываются, но...

Джозеф опёрся о подоконник. Силы внезапно оставили его. Он почувствовал себя стариком, больным, разбитым и никому ненужным. В саду весело распевали птицы, молодые беседовали, наверное, о любви, а он... Ему остался только Ветер и год жизни. Через год его не станет. Глупо так привязываться к той, которая переживёт его на много лет. Глупо, слышите!

Вот Армин попрощался с Сарой, вскочил на лошадь, которую держал под уздцы, вот Сара медленно направилась к дому. Она кажется даже улыбалась. Боже! Джозеф отошёл от окна и присел на кровать. Сил едва хватило, чтобы сесть, а не упасть. Он слышал, как по коридору прошёл сначала Генрих (его шаркающую походку нельзя было не узнать), а потом раздались лёгкие и быстрые шаги. Его жена после разговора с виконтом возвращалась к себе в комнату, как ни в чём не бывало! Ну а что он хотел?

Так. Нельзя сидеть и отчаиваться. Он пока ещё жив. И он с детства знал, что должен умереть. Почему же сейчас ему так больно? Он встал и направился к библиотеке, тяжело опираясь на трость.

В библиотеке было темно и сыро. Камин ещё не топили. Генрих, наверное, забыл, а он сам и не вспомнил. Джозеф зажёт свечу, взял подсвечник и направился между рядов. Где-то здесь должна была быть история рода Дарренов. Он сам, честно говоря, забыл, куда положил её. Когда-то давно он развлекался тем, что изучал их генеалогическое дерево и вспоминал... Это было давно...

Дверь тихо скрипнула. Он обернулся. На пороге стояла его жена. Она только что разговаривала с Армином и вот пришла сюда. Зачем?

— Граф Даррен, — как ужасно и официально звучало это из её уст! — Я пришла спросить, когда мы будем заниматься — сейчас или позже. Если что, в саду теперь стало немного суше и мы можем...

— Мы не будем сегодня заниматься, — он постарался, чтобы голос не задрожал.

— Что случилось? — Она подошла ближе. Неужели она издевается?

— Ничего. Просто я сегодня не в настроении, — Джозеф ответил насмешливо, но голос задрожал. Сара подошла и встала прямо напротив него. Дрожащий огонёк свечи освещал её лицо. Он сглотнул и отвернулся. — Оставь меня.

— Нет, — она покачала головой. Пытка продолжалась.

— Оставь меня, слышишь! Я не хочу тебя видеть сегодня!

Он думал, он надеялся, что она уйдёт, ведь тогда он смог бы ещё устоять, смог бы простить и отдать её Армину...

— Джозеф, — жена взглянула ему в глаза и в первый раз назвала по имени. А потом

робко, легко дотронулась до его руки. Он вздрогнул, но не отдернул руку. Что за наваждение? — Расскажи мне, за что тебя Прокляли. Я не испугаюсь, слышишь!

Её голос звучал так убедительно и чарующе. А может он всё лишь придумал себе? Может, вот здесь и сейчас всё вовсе не обман, а там на улице между ней и Армином ничего не было... Может такое быть? Или это опять самообман? Он вздохнул и на минуту закрыл глаза, а потом глухо ответил, не в силах сопротивляться:

— Слушай...

Сара смотрела в его лицо, освещённое зыбким пламенем свечи. Муж казался ей красивым сейчас, красивее, чем когда-либо. Как она могла когда-то думать, что испугается его уродств? Несколько минут он молчал, не отводя от неё глаз, а потом начал рассказ, глухим голосом, стараясь говорить насмешливо, снова перейдя на «вы», и лишь глаза выдавали его волнение:

— Вы уже знаете, графиня, что мои родители умерли рано, оставив меня сиротой, но я никогда не говорил вам почему. Вы просили ответа, и вы его услышите, — он сделал паузу и облокотился рукой на книжный шкаф, поставив подсвечник на полку. Сара терпеливо ждала продолжения. — Мои родители были богаты и счастливы вместе, на зависть многим знакомым. Редкое сочетание, правда? Отец работал судьёй и, говорят, не было ни одного преступления, которого бы он не раскрыл, кроме самого последнего. По правде говоря, ему не было особой нужды работать. Чендервилл, фамильное имение, и ещё пара имений — летний домик и матушкина усадьба, доставшаяся ей в приданное, могли бы обеспечить безбедную старость и ему и даже его внукам. Но отец был таким — жёстким, правдивым, твёрдым как камень. Он искал везде правду ради правды и никогда не шёл на сделку со своей совестью. Судейство было для него способом служения людям и он отдавал всего себя этому. Матушка была не такая... Она любила создавать дома уют и встречать отца с работы. Но больше о ней я ничего не знаю... Только лишь со слов отца, но и их я запомнил плохо. Последнее дело отца было мрачным, запутанным и связанным с колдовством. По всей округе начали пропадать дети, младенцы до двух лет. Он пытался найти колдуна и всё больше и больше запутывался в расставленных тем сетях. Наконец, пришло время кукловоду выйти из тени и потянуть за ниточки, когда мой отец слишком близко подобрался к разгадке этого дела. Утром в выходной они с матерью решили прогуляться по своим угольям, послушать птиц, порадоваться солнцу, свежему ветерку и первым цветам. Матушка была на последнем месяце беременности. Она ждала меня. Когда они с отцом вошли в лес и забрели довольно далеко от Чендервилла, разразилась трагедия. Тропинка, причудливо петляя, внезапно вывела их на поляну к поистине страшным и жутким останкам недавнего колдовства. Отец хотел сбегать за стражами правопорядка, но не мог оставить матушку. Пока он раздумывал, что делать, на поляну выбежала обезумевшая от горя крестьянка со стражами. И как ни объяснял отец, что к свершившемуся колдовству он не имеет никакого значения, никто ему не поверил, ведь поймали то его с поличным, можно сказать. Оказалось вдруг и что тропинка эта была заколдована и пройти по ней мог только колдун и его слуги, и что видели моего отца и матушку в деревне, незадолго до трагедии, а до этого ещё несколько раз в лесу. Моих родителей забрали в город, в тюрьму, чтобы передать палачам и клеймить. Матушку не спасло даже её положение. Наоборот, стражам правопорядка приходилось сдерживать толпу, которая норовила убить моих родителей, растерзать на месте. Бывший неподкупный

судья с молодой женой превратились в колдуна с ведьмой, проклятых, которым плевали в спину. В городе через несколько дней их заклеямили, а потом отпустили на все четыре стороны, оставив один Чендервилл из всего имущества, и настрого приказав не покидать границы имения. Да отец и сам к этому не стремился. Имения от поджога и разорения спас лишь суеверный страх к Проклятым. Через неделю после возвращения в имение, моя матушка родила меня и умерла. Отец надеялся, что я то верно буду рождён здоровым. Но на моей шее сразу после рождения проступило клеймо. Так я стал Проклятым, сыном колдуна. В деревне каждый вам может рассказать самые гнусные и мерзкие истории о моём отце и матушке. Так что, как видите, развитию дружеских отношений, такая слава о моих родителях вовсе не способствует. А теперь, когда вы выслушали всё, можете сами составить суждение обо мне — кому вы больше поверите — сыну колдуна, навеки заклеимённого в истории Кьярдена или всему остальному свету и высшему обществу.

Договорив, граф отвернулся. Сара знала, что он ждёт ответа. Он боится услышать из её уст, что она презирает его или что ещё хуже — ненавидит. Но она стояла молча, потрясённая до глубины души услышанным. Их истории были так похожи, что ей на секунду стало не по себе даже. И... Неужели он думает, что она сейчас может ему не поверить, может отвернуться от него? Волной накатила нежность. Она его жена. К чему условности?

— Джозеф, — Сара робко дотронулась до его плеча. Он вздрогнул и обернулся.

— Что, я не противен вам сейчас, графиня? — насмешливый голос дрожал.

— Нет. Ни капли. Почему мне должен быть противен человек, который не сделал в своей жизни ничего дурного, которого оболгали и предали, так же, как меня и моих родителей?!

— Но вы слышали лишь мою историю, Сара, — это «Сара» прозвучало так нежно, что ей на мгновение стало даже больно. — Это лишь мой взгляд. Откуда вы знаете, что то, что я сказал вам сейчас — правда?

— Я верю, что вы не лжёте. Зачем это вам?

— Ну, я мог бы например, как истинный злодей влюбить вас в себя и воспользоваться вами, вашей юностью и доверчивостью, — Граф положил ей руки на плечи, почти грубо и заглянул в глаза, а потом, наверное, увидел в них что-то такое, что даже отшатнулся.

— Нет, видит Бог, я не мерзавец. Мне скоро умирать и я не хочу, слышите, графиня, не хочу, чтобы вы привязывались ко мне! Это было бы глупо и бесчеловечно! — Он отстранился от неё и поднёс руку ко лбу. Сара смотрела на него с тревогой. Не привязываться? Но она не могла не думать о нём. И днём и ночью и даже сегодня, выслушивая в саду сбивчивые извинения виконта за своё неприличное поведение, она думала только о муже. — Я добавлю новый пункт в договор, графиня Даррен, — голос графа окреп и зазвучал жёстко и отстранено. — Моя жена после моей смерти обязана будет выйти замуж в течение двух месяцев, иначе она лишится всего моего состояния.

Сара пошатнулась. Замуж? После его смерти? Но Джозеф не может умереть! Никогда! Она спасёт его, если он позволит ей. Если бы только он позволил ей, если бы рассказал... Но его глаза... Он считает, что так будет лучше для неё, для них обоих.

— А что? Я добавлю сегодня же этот пункт в брачный договор и вызову нотариуса, заверить его. А за кого замуж — это ваш выбор, графиня, хотя бы за моего друга, виконта, с которым вы так долго сегодня разговаривали в саду.

Саре вдруг по мгновенному наитию стало всё понятно. Она видела, как сдерживал муж безумную ревность, полыхавшую в глазах, и почему так резок он был сегодня. Ей бы

успокоить, сказать, развеять все его сомнения. Неужели он думает, что она равнодушна к виконту? Но сердцем она чувствовала, что одно неловкое движение навстречу и Джозеф снова замкнётся, уйдёт в себя и никогда больше он не позволит ей приблизиться, пока не станет слишком поздно. И всё же она попыталась, с трудом разжав немеющие губы:

— Граф Даррен, виконт де Грааз всего лишь извинялся сегодня передо мной за своё неподобающее поведение.

— Извинялся? За что? *Уж* не за то, что он вас любит? Если это так, тогда всё замечательно. Вы обязательно полюбите его. А пока наберитесь терпения — мне не так уж и долго осталось жить.

— Но...

— Никаких «но». Вы узнали, что хотели, теперь идите, Сара. И не беспокойте меня сегодня больше. Не думайте ни о каких глупостях. Я слишком многое себе позволял, но я исправлюсь. И не стройте себе иллюзий. Ваша жизнь должна быть навеки связана с жизнью того, кто сможет стать вам достойным мужем. А это не я, — добавил он шёпотом, но потом, взглянув на Сару, продолжил уже громко и опять словно чужим голосом. — И запомните — я отношусь к вам по-дружески, или даже, скорее по-отцовски. Вам лучше поскорее оставить все глупости, которые вы там себе вообразили. Я вовсе не тот таинственный и мрачный герой из романов, что вы читали по приезду сюда. До вечера.

Джозеф отвернулся, показывая, что разговор закончен и Сара может идти, а она... Она чувствовала себя опустошённой и разбитой. Было плохо, тяжело и тоскливо. Едва передвигая ноги, она направилась к своей комнате. Упасть там на кровать и забыться, если уж нельзя ничего поменять.

Пусть лучше она возненавидит его за его слова, пусть будет проклинать его, только лишь бы остановить это безумие! Джозеф застонал, потом с трудом дохромал до двери библиотеки, захлопнул её и упал в кресло. Этот разговор отнял последние силы. Но так надо. Пусть лучше она думает, что он не любит её, что относится к ней, как к другу... Но чем больше он убеждал себя в этом, тем больше понимал, что если бы не оставшийся ему год, если бы он встретил Сару раньше, тогда когда впереди было ещё десять-двадцать лет, не омрачённых болезнью, он не смог бы удержаться от того, чтобы предложить ей не только свою руку, но и сердце, которым и так безраздельно владела она. Но сейчас... Зачем обрекать её на мучения — ухаживать за ним умирающим, зачем заставлять быть сиделкой рядом с прикованным к постели мужем? А она будет терпеливой сиделкой и даже будет любить его, так как только она сможет. Но потом... Потом будет слишком поздно.

Джозеф вспомнил её взгляд сегодня. Сара ответила бы ему на любовь любовью. Но имеет ли он право принимать такую жертву или он просто боится? Может ли он обрекать любимую на такие жертвы или же он просто трус и боится взять то, что и так принадлежит ему? Откуда он знает, что будет лучше для Сары? Джозеф сжал губы и застонал. Правильно ли он поступает? Где искать ответ? Сейчас его жена, наверное, ненавидит его, но потом, может быть, потом она забудет и ещё будет счастлива с виконтом. Они ведь подходят друг другу даже по возрасту. Зачем хранить в сердце любовь к тому, кто всё равно скоро умрёт. О, если бы не это Проклятье, он не отдал бы её никому! Но сейчас он должен думать лишь о том, как будет лучше для неё. Джозеф должен защитить её даже от неё самой и от себя... Но как же тяжело отдавать её кому-то, тяжело отвечать на её робкое доверие насмешкой! Он

потянулся за книгой и взял наугад первую попавшуюся. Но не смог прочесть даже пары строк.

Он встал, опираясь на трость, и двинулся к выходу из библиотеки. Джозефу не сиделось сейчас на месте. Мог бы он свободно передвигаться, оседлал бы своего Вольного и пустил бы галопом. Но он теперь до конца жизни заперт в этом доме. Никогда Чендервилл не был ему противен, никогда он не тяготился этими стенами, но вот сейчас они словно давили. Ему нужно поговорить с кем-то или вспомнить... Ноги сами несли его к кабинету отца. Он не заходил внутрь уже несколько лет — ни к чему ворошить прошлое. Но сейчас ему нужен был совет, собраться с мыслями, успокоиться, вспомнить, что он — мужчина и джентльмен, в конце концов!

Стол, комод красного дерева, тёмные, строгие панели на стенах, жёсткий стул. Всё, как любил отец. Ничто не должно было отрывать его от работы. Даже последние годы, перед смертью, пока Проклятье не добралось до сердца, он работал, хотя слабел на глазах. Кроме Генриха, слуг в доме тогда не было, все разбежались, помогать было некому. Даже доктора не осмеливались приезжать к такому больному, чтобы облегчить его страдания. Джозеф вырос слишком рано, видя столько всего, что не должно видеть и знать ребёнку в его возрасте. И с детства он чётко знал, ЧТО его ждёт. Он не должен был жениться. Он знал, на что будет обречена его жена. А если уж женился, то должен был устоять. Но он не устоял, дал волю чувствам.

— Отец, прости меня. Я совсем запутался, — Джозеф вздохнул и поднял со стола небольшой портрет отца, в серебряной раме. Он принёс этот портрет в кабинет почти сразу после его смерти. На портрете отец смотрел серьёзно, но слишком уж жёстко — он не любил позировать и тратить на это своё драгоценное время.

А со стены на Джозефа смотрела мать, полная противоположность отцу — красивая, смешливая и радостная. Они были как фея и неповоротливый великан из старых сказок. Отец читал ему сказки, пока ещё мог...

Он обещал когда-то найти того колдуна, что подставил отца, найти его и воздать ему по заслугам. И двадцать лет изо дня в день он занимался поисками. Он мечтал обелить память отца и тайно выезжал на поиски. Он побывал везде и через поверенных встречался почти со всеми обвинителями отца. Они разводили руками

— нет никаких доказательств того, что граф Даррен был обычным человеком, а не колдуном. А графиня... Она попала под горячую руку. Джозеф попытался найти палача, того, кто клеймил отца и мать. Глухо. Он словно под землю провалился. Главный обвинитель, тот что выносил приговор — умер, вскоре после отца, а все свидетели внезапно пропали, один за другим. Концов было не отыскать. Но он не сдавался, выискивая всевозможные способы снять Проклятие. Он видел оригиналы документов, хранившихся в библиотеке в столице, о изобретении клейма, читал инструкции, которым было несколько веков о том, как его накладывать, но ровным счётом ничего не нашёл. Он даже отыскал учёного, обладавшего Даром, и за круглую сумму попросил его рассказать о том, что он чувствует, налагая клеймо. Учёный помялся, но всё же рассказал, что чтобы наложить клеймо, он иногда целый день изучает дело преступников, ужасается им и ненавидит, испытывает сильные эмоции, желает убить их, и только тогда клеймо получается наложить. Иногда приходится даже не спать ночами, возвращая в себе ненависть к конкретному убийце, колдуну или насильнику. Но этот разговор Джозефу ничего не дал. Ни малейшей зацепки...

Были дни, когда он почти сходил с ума от безнадёжности. У него не было никакого будущего, ему нельзя было любить, все сторонились его... В один из таких беспросветных дней он и познакомился с Армином. Совсем ещё мальчуган, но искренний и порывистый, тот заблудился в лесу и вежливо спросил у него дорогу домой. Они подружились потом, и Армин тайком сбегал к нему — сначала зачарованный таинственным домом, о котором ходили мрачные и загадочные легенды, потом ради общества Ветра и Чарда (второй собаки, которая умерла недавно от благородной старости), а потом уже и ради него самого. Если бы не Армин, он бы не выдержал...

Джозеф вспомнил и улыбнулся. Уголки губ болезненно защипало. Новая язва. Он вздохнул и посмотрел сначала на портрет матери, а потом — на отца.

— Что мне сейчас делать? Должен ли я изменить брачный договор и, наконец, положить всему этому конец, или...

А что «или» он и сам не знал. Если бы ему осталось жить не так мало, он бы сам не выдержал — видеть Сару и не говорить с ней, не поцеловать случайно руку, не дотронуться мимоходом, это была бы мука. Но через полгода, он сляжет в кровать и не будет узнавать никого и ничего вокруг. Так было с отцом, так будет и с ним. Только зачем это терпеть Саре? Нет. Он выдержит. Она не должна заподозрить, как сильно он её любит. Пусть считает это мелким увлечением, пусть думает, что он подлец и мерзавец, пусть будет что угодно, только бы не видеть больше этого огня в её глазах, иначе он не выдержит...

Он и так прожил слишком много. Наверное, это объяснялось способом наложения Проклятья и то, что ненависть палача была обращена не на него, а на его отца. Но действовало оно так же и убивало медленно и мучительно.

Джозеф вздохнул. Спасибо, отец, он получил ответ. Завтра он всё-таки внесёт изменения в брачный договор, а потом попросит нотариуса подтвердить их. Пусть Сара скорее обретёт защитника и заступника, пусть обратит свою любовь на другого. Он не достоин её.

Сара плохо спала эту ночь. В каком-то туманном забытьи ей виделся Джозеф. Он отворачивался от неё и уходил. И как она ни кричала, как ни звала его — ничего не помогало. Утром она чувствовала себя неважно. Ещё вчера, после разговора с мужем, Сара выплакала все глаза. Как случилось, что за эти пару месяцев чужой человек стал невероятно дорог ей, да так дорог, что она не представляла теперь своей жизни без него? И самое главное, она видела, что тоже дорога Джозефу, она знала это, но это его пресловутое благородство (за которое она, однако, любила его ещё больше) заставляло его отречься от неё. Этот упрямец не хотел её любить, боясь сделать ей ещё хуже. Она видела это, но разве что-то могла изменить? А ведь у них осталось так мало времени... И если он вызовет нотариуса, чтобы добавить в брачный договор и завещание новый пункт... Что ей тогда делать?

Сара вспомнила вчерашний разговор с мужем и едва не застонала. Где ей теперь найти того палача, что клеймил его отца и мать и жив ли он вообще? И от кого ей узнать подробности Проклятья? Может быть, Армин поможет ей? Но пока она будет общаться с Армином и искать встречи с палачом, не будет ли слишком поздно? Она содрогнулась, представив, как этот лживый нотариус опять приедет в Чендервилл и будет сидеть за одним столом с Джозефом, потирая руки от радости, а потом обо всём доложит талу Сворку. Нет! Она никогда не подпишет этот договор! Пусть лучше лишится имения и всего с ним связанного. Она пойдёт работать гувернанткой, она пробьётся, начнёт новую жизнь, ради Язена, когда... Она не смогла даже мысленно добавить «когда Джозеф умрёт». Он не умрёт никогда! Она всё для этого сделает!

Сара оделась и вышла из комнаты, не дожидаясь Мэри. Сначала она напишет записку виконту и попросит его приехать, ради графа. Ведь её муж дорог ему, а потом она пойдёт и поговорит с Джозефом, обязательно. Но когда записка была написана и отправлена с конюхом, которому надо было сегодня отлучиться в город, на Сару напала внезапная робость. Она дошла до кабинета графа и застыла, дверь была приоткрыта. Сара тихо заглянула в неё и грустно улыбнулась. Раньше она никогда не стала бы подглядывать за кем-то. Отец с матушкой не так её воспитывали, но сейчас всё изменилось...

Джозеф сидел за столом, подложив руку под голову, и задумчиво смотрел на бумаги перед собой. Рядом стояла чернильница с пером. Сара прижала руку к груди. Неужели граф собирается добавить в договор новый пункт прямо сейчас? Может быть, и нотариус уже на пути в Чендервилл? Она неудачно дотронулась до двери. Та скрипнула. Джозеф поднял голову.

— Кто здесь? Вы, графиня? — Сара вышла из тени, краснея и упрямо пряча глаза. Так неудобно вышло! — Зачем вы пришли?

Голос графа звучал устало. Сара присмотрелась повнимательнее и увидела, как резко очерчены глаза на похудевшем лице. У Джозефа тоже была бессонная ночь.

— Простите, граф Даррен, я... Не добавляйте, пожалуйста, в договор новый пункт, — наконец, набравшись смелости выговорила она.

— Что же вас не устраивает? Я пекусь, конечно, о вашем благе, но и не только о нём. Мне ведь важно, чтобы моё имение осталось в надёжных руках, а не было всё растрачено в течение нескольких лет. — Джозеф говорил холодно. Ничего не напоминало теперь об их

вчерашнем разговоре, словно он Саре почудился. Неужели он думает, что ей сейчас нужно лишь его имя? Она покраснела, вспомнив, как ей пришлось продаться именно из-за него. Что-ж его упрёки были бы обоснованы, но не сейчас!

— По-моему, я никогда не давала вам права судить обо мне так, как вы судите сейчас, — гордо ответила она. — Разве я много потратила ваших денег, чтобы вы нашли новый пункт к договору обязательным даже с этой стороны?

— Хорошо, — помедлив немного, таким же чужим голосом продолжал Джозеф, — Я могу изменить этот пункт и добавить, что вы должны выйти замуж не в течение двух месяцев, а в течение года.

— Какое замечательное поле для деятельности вы оставляете талу Сворку, — не выдержав, горько усмехнулась Сара. Да. Муж её любит и толкает в объятия другого, ненавистного ей человека.

— При чём здесь тал Сворк? — Нахмурился Джозеф. Маска отчуждения на его лице сменилась болью. И на миг, всего лишь на миг на нём промелькнула страсть.

Сара вздохнула. А почему она должна молчать, собственно говоря? Пусть муж знает, на что обрекает её. И она заговорила медленно, подбирая слова, стараясь в своём рассказе ничего не упустить, а под конец добавила:

— Я думаю, что он как-то замешан в том, что случилось с моим отцом.

— И он хочет жениться на тебе, как на свидетельнице, которая слишком много знает, — задумчиво добавил Джозеф опять перейдя на «ты».

— И, мне кажется, — Сара вздрогнула, вспомнив вкрадчивый голос тала Сворка, — он не остановится ни перед чем.

— Кто такой этот тал Сворк на самом деле? — задумчиво произнёс граф. — Я думал когда-то, что знаю его. Мы познакомились, когда я был чуть моложе Армина. Он представился старым знакомым отца и был прекрасно осведомлён в его делах. Сначала я доверял ему, но потом он показался мне как-то слишком алчным и подозрительным. Я постепенно стал отдаляться от него, но никогда бы не подумал... — Джозеф замолчал. Молчала и Сара. Свеча в подсвечнике догорала, оставляя их в приятном полумраке.

Наконец, граф поднялся, взял бумаги со стола и убрал их в секретер, а потом запер его на ключ. Сара вздохнула с облегчением. Он не будет дописывать брачный договор? Джозеф, прочитал её мысли, наверное, по лицу:

— Я не буду добавлять этот пункт в договор, — глухо ответил он. — Но обещайте мне, Сара, что бы ни случилось, вы не будете ко мне привязываться, умоляю вас.

— Я... я попробую, — в глазах мужа была такая мука, что она солгала, лишь бы не сделать ему ещё больнее.

— И пожалуйста, если... если тал Сворк посмеет как-то приставать к вам, скажите мне, скажите сразу.

— Хорошо, — Сара подняла на мужа глаза и тут же опустила, вспыхнув. Совсем не обязательно мужу знать, что она хочет выяснить любыми способами, как тал Сворк связан с её отцом. А раз Джозеф не может помочь ей в расследовании, она справится и сама. Это её дочерний долг. Может быть, глупо, может самоуверенно, но она должна попытаться найти ответ на этот вопрос. А ещё она отыщет способ, как снять клеймо. Обязательно. И Джозеф проживёт ещё много лет. Она никогда не сдавалась, не сдастся и сейчас!

К обеду приехал Армин. Сара, вспомнив вчерашний разговор, постаралась больше не давать повода для ревности мужу и встретила с виконтом у беседки.

— Что случилось, графиня? Вы меня звали? — видно было, что виконт сел на лошадь сразу же, как получил записку и скакал так быстро, как только возможно. Сара нахмурилась. Она никогда не хотела толпы поклонников у своих ног и не мечтала разбивать сердца. Поэтому виконт её нервировал. Она не знала, как относиться к нему — с одной стороны — жалела, с другой стороны её раздражала его чуть ли ни собачья преданность и она мечтала, чтобы он поскорее нашёл себе жену.

— Я звала вас, виконт, ради помощи вашему другу и моему мужу. Я знаю, что он очень дорог вам. И я, наконец, услышала от него самого его историю. Меня теперь интересуют только одно (и от этого зависит жизнь Джозефа) — подробности Проклятья его родителей. Все подробности, которые он вам передал, — Сара замолчала, внезапно смутившись. Армин смотрел на неё удивлённо и печально.

— Значит, Джо всё-таки повезло найти свою судьбу. Какой я был слепец и дурак! Простите меня, Сара, ещё раз, если сможете. Конечно, я всё расскажу.

Армин рассказал то, что когда-то поведал ему граф о себе, а ещё немного об их встрече. Сара вздохнула разочарованно — никаких подробностей, почти ничего нового. Джозеф сам всю жизнь искал палачей, клеймивших отца и тех, кто за этим стоял — и не нашёл ничего и никого, никакой зацепки. Виконт ездил с ним в последние несколько раз. Они пытались отыскать и способ снять Проклятье — ничего. После этого, Джозеф совсем отчаялся.

— Я — друг Джо и был бы счастлив, графиня, действительно счастлив, если бы ему стало лучше, или же удалось совсем избавиться от этого позорного клейма, но, увы... Надежды почти нет. Джо искал зацепку на протяжении двадцати лет. Если бы была какая-нибудь лазейка, хоть малейший шанс, он бы им обязательно воспользовался, не ради себя, а ради памяти родителей, — виконт действительно был печален, но Сара не собиралась сдаваться. Она будет верить до самого, конца, пока надежды уже не останется, несмотря ни на что.

— Но я не собираюсь отчаиваться, виконт де Грааз. Я хотела бы поговорить с одним из тех, кто клеймит преступников. Я думаю, в Гьердараунте, я скорее найду такого человека или хотя бы попробую отыскать. Если ничего не случится, я собираюсь выезжать послезавтра. Может быть, и об отце что-нибудь узнаю.

— Я думаю, вам нужно будет сопровождение. Если что — я к вашим услугам, графиня, — Сара поморщилась. Она ожидала от Армина содействия и помощи немного в другом плане. Если виконт будет сопровождать её, то... Словом, как ей потом успокоить Джозефа? А посвятить его в свои планы она не могла — он запретил бы ей ехать. Ладно, завтра она что-нибудь придумает.

— Хорошо, виконт де Грааз, завтра я сообщу вам. Но если вам действительно дорог мой муж, постарайтесь выяснить, где в Гьердараунте может жить человек, занимающийся клеймением преступников.

— Я спрошу, Сара, обязательно спрошу. И мне очень бы хотелось, чтобы вы помогли Джозефу, но...

— Лучше делать хоть что-то, чем просто сидеть, — жёстко ответила Сара. Потом попрощалась с виконтом. Армин ушёл. Кажется, отправился поздороваться с графом, а она... Сара осталась стоять у беседки, задумчиво облокотясь рукой на резную колонну. Шансов действительно не было, но была надежда. Она не оставит графа, ни за что, будет искать до последнего. Может быть, есть какие-то лекарства, способные облегчить болезнь или замедлить старение, какие-нибудь травы, пилюли, мази, да что угодно! Если она ничего не

узнает от палачей, то отправится по докторам, а потом — в Главную Столичную Библиотеку. Не может же быть такого, чтобы Проклятье нельзя было снять. Не может!

Сара, подождав некоторое время, медленно направилась домой, обдумывая отъезд. Ей противно было лгать, но она вспомнила, как испугался Джозеф, когда она заблудилась в лесу. Он никогда не отпустит её одну в Гьердараунт, если узнает, зачем она едет, но и сам поехать с ней не сможет. Наверное, его больше всего мучает собственное бессилие. Сара вспомнила его поджатые губы, его трость, гримасу упрямства на лице, когда он поднимался по лестнице, и сердце защемило от боли и нежности.

Полумрак, царивший в Чендервилле, после яркого солнечного весеннего дня, показался ей чёрной ночью. Она медленно, на ощупь пробиралась по коридору, к лестнице, чтобы подняться к себе в комнату. Из приоткрытой двери гостиной доносились голоса. Сара хотела быстро проскочить мимо, но застыла, услышав, о чём говорили Джозеф с Армином.

— ... Боюсь только я не рад за себя, Армин. Был бы я не двадцать лет моложе, было бы у меня впереди ещё время, я не раздумывая, признался бы Саре в любви. Она единственная, кого я полюбил, и кого я смог полюбить. Из всех возможных девушек, по прихоти судьбы или по воле Бога, я встретился именно с той, на кого отозвалось моё усталое сердце. Но сейчас времени нет. Я не имею права любить, не имею права привязывать её к себе.

— Но. Джозеф, — голос Армина звучал как-то тускло и устало. Наверное, для него такой разговор был очень тяжёл. — Предоставь ей выбирать самой. Если бы у меня был такой выбор, я не сомневался бы ни минуты.

— Ну так и женись на ней после моей смерти!

— Нет, — медленно заговорил Армин. — Я начинаю прозревать. Это пройдёт, Джо. Должно пройти. Я не хочу жить с той, которая вечно будет видеть во мне тусклый отголосок тебя, увы. Я слишком уважаю тебя, себя и её, — последние слова виконт сказал уже совсем шёпотом. Они замолчали. Сара прижала руку к груди, пытаясь унять сумасшедшее сердце, и собралась уже идти дальше, снова обретя способность двигаться, как виконт, чуть помолчав, добавил. — Ты знаешь, родители познакомили меня на балу с будущей невестой. Милая и скромная девушка, самородок среди всех этих гордых спесивиц. Возможно, когда-нибудь, я действительно смогу обратить на неё внимание.

— Удачи тебе, Армин! — Голос Джозефа звучал устало и глухо. Он волновался. Саре захотелось войти, утешить, увидеть улыбку на его губах, но она запретила себе. Не сейчас. Она ещё будет лгать мужу и скрывать от него свои поступки. Вот когда она сможет быть с ним полностью откровенной, тогда у неё будет право на его улыбку. Она вздохнула и тихо проскользнула к своей спальне, стараясь не упасть в темноте.

В гостиной как всегда было темно. Джозеф вздохнул и отложил книгу, которую вот уже несколько часов тщетно пытался прочесть дальше первой страницы. Сара уехала вчера в Гьердараунт. Она сказала, что выяснилось что-то новое по делу отца. Армин отправился вместе с ней, сопровождающим. А он... Он не думал никогда, что день может тянуться так долго. Он отвык от одиночества. За эти несколько месяцев прошедших с того дня, как Сара появилась в Чендервилле, Джозеф каждый день видел её, слышал её голос, мог позвать, расспросить, поговорить. А теперь... До Гьердараунта двое суток пути. Раньше чем через неделю Сару бессмысленно ждать, а выдержать столько дней без неё...

Джозеф наконец осознал, как она дорога ему. Как бы он ни обманывал себя, что бы ни

говорил, жена владела всеми его мыслями и чувствами. Он пытался представить, где она сейчас и чем занята. При мысли о том, что она сейчас в карете беседует с Армином, тогда как он сидит здесь в одиночестве, руки его сжимались в кулаки, хотя Джозеф понимал — между ними ничего не может быть. И всё же что-то глодало и мучило его. А вдруг с Сарой что-то случится? Вдруг поездка будет неудачной, вдруг...

Наверное, надо проветриться. Прогулка поможет ему сейчас. И он не будет никого звать. Даже Генрих не должен видеть его слабость. Граф с трудом спустился в сад и устроился на скамейке. Весенний воздух пьянил его и вызывал странные мысли и эмоции. То, о чём он не хотел думать, то, что запрещал себе, при тёплом солнечном свете начинало становиться возможным. Вдруг ещё можно вылечить его? Найти какое-то лекарство, какую-то микстуру? Продлить годы жизни? Может ли быть, что им с Сарой ещё суждено счастье? Он задумался, рассматривая маленькую птичку, бесстрашно распевавшую свою песню всего в дюйме от его руки.

Внезапно послышались шаги и голоса. Кто это может быть? Джозеф выпрямился, положив трость рядом с собой, и чуть наклонил голову, внимательно рассматривая аллею. Голоса приближались, и скоро из-за угла вышли тал Сворк и тал Хайли, доктор, лечивший его.

— Добрый день, господа! — Он приветствовал их первым, не отказав себе в удовольствии увидеть гримасу изумления на их лицах. Джозеф помнил рассказ Сары о подслушанном разговоре и не ждал от визита ничего хорошего.

— О, добрый день, граф Даррен. Я вижу, вам значительно лучше, — доктор подошёл к нему и надел пенсне, надеясь, видимо, произвести осмотр.

— Не скажу, что значительно, — Джозеф улыбнулся, стараясь, чтобы голос не дрожал. Он мужчина, в конце концов, а не старик, в инвалидном кресле. — Но немного лучше. Видимо, весна действует, а ещё свежий воздух. А что вас привело сюда?

— Ну, собственно говоря, с талом Сворком просто прогуливались в окрестностях Чендервилла, а заодно решили заглянуть к вам. Всё-таки вы — мой подопечный. Ну а у тала Сворка есть небольшое дело к графине.

— Что за дело? — Спросил Джозеф небрежно, стараясь, чтобы голос не выдал его. Ни в коем случае нельзя показать свою слабость. Ни за что.

— Граф Даррен, я хотел бы пригласить вашу жену на небольшой званый вечер. Сами понимаете — вся знать Виллена, кое-кто из Гьердараунта. Такая возможность...

— Но, позвольте, с чего вдруг такое внимание к моей жене? — Джозеф подчеркнул слово «жене» и внимательно взглянул на тала Сворка. Тот едва приметно кивнул доктору, который отошёл на небольшое расстояние, чтобы не мешать им, видимо, поговорить наедине.

— Дорогой Джозеф, вы же наверное понимаете, что после вашей смерти, молодой и красивой вдове очень трудно будет в одиночестве сохранить такое состояние и устоять перед давлением общества. Она ведь не будет вечно жить в Чендервилле, как отверженная. Я лично сделаю для графини всё, что в моих силах, лишь бы её не считали таковой в этих краях. В память об её отце, которому я был лучшим другом. Вы же не можете не допустить её на этот вечер из своих эгоистических соображений. В конце концов, рано или поздно, но вы оставите графиню вдовой. И она должна быть готова к этому, — последние слова прозвучали зловеще и едва ли не угрозой. Раньше Джозеф не придавал бы им особого значения, но сейчас — лишь уверился в правильности наблюдений Сары. Но ответил он

спокойно и даже равнодушно.

— Конечно, тал Сворк, я всё понимаю. Разумеется, когда графиня вернётся, я передам ей приглашение и она сама решит, принять его или нет.

— А она отсутствует? — Видно было, что тал Сворк растерялся. Отсутствие Сары не входило в его планы, судя по всему.

— Ну да. Графиня уехала вчера. Она не докладывает мне, куда и по каким вопросам отлучается. Сказала, что будет примерно через неделю, — Джозеф солгал, даже не моргнув. Не надо, чтобы они знали, куда уехала Сара.

— Ах. Ну в таком случае, просим прощения и передайте ей наше приглашение. Как раз через неделю в шесть часов вечера по кьярденскому времени. Мой слуга заедет за ней, — Джозефу показалось или тал Сворк действительно улыбнулся, услышав, что Сара не докладывает своему мужу, куда уезжает. Она не должна достаться этому скользкому типу после его, Джозефа, смерти! Голова раскальвалась от злости, мысли путались, но он спокойно ответил.

— Разумеется, господа, — а потом одна сумасшедшая идея пришла ему в голову. А почему бы и нет? — Тал Хайли, вы не могли бы мне помочь?

— Что такое? — Доктор тут же был рядом и даже сделал вид, что обеспокоен состоянием Джозефа.

— Тал Хайли, вы давали мне микстуру, я стал намного лучше себя чувствовать от неё. Мне кажется, даже что у меня прибавились силы, но она закончилась, а я хотел бы чувствовать себя ещё лучше. Может быть, ещё есть шанс... Ну вы понимаете, — И Джозеф сжал руку доктора. Ту микстуру он случайно разбил и теперь думал, что это было, наверное, промыслительно.

— О, разумеется, я принесу вам микстуру. Она восстанавливает силы и должна помочь вам.

— Я буду вам очень признателен.

Тал Сворк и тал Хайли поклонились ему и направились прочь от имения. Джозеф дождался, пока они уйдут и тоже направился к себе. Разговор измотал его. Но если всё получится, если они действительно желают поскорее избавиться от него, чтобы заполучить Сару и её наследство, то вряд ли микстура тала Хайли будет обладать целебным свойством. Как только он её получит, надо будет проверить эту мысль. Но вот Сара... Что же ему делать? Он не может оставить её одну, такую сильную и в то же время такую хрупкую сражаться против всего высшего света. Конечно, не все к ней относятся враждебно, но и тала Сворка с талом Хайли хватит с лихвой. Может быть, поручить её охрану Армину? Но тогда и за его жизнь и здоровье он не отвечает. Ну почему всё так плохо?! Если бы ему ещё была дана хотя бы пара-тройка лет жизни, здоровой, полной силы, чтобы он мог укрыть Сару, защитить её от целого мира. Но... Джозеф вздохнул и сжал кулаки. Даже в самые лучшие свои годы, он никогда не забывал, что он опасен для друзей и любимой, буде она появится у него. Ведь клеймо не даст ему причинить зло другому человеку, даже ради самозащиты или защиты другого человека. Да Саре надо бежать от него! Если тал Сворк захочет прийти и заставить его жену сделать что-то силой, он не сможет защитить её. Его руки не смогут нажать курок пистолета, а при попытке ударить кого-то, они и вовсе откажутся служить ему. Джозеф вздохнул. Его жизнь — его Проклятье. Но и его смерть равным счётом ничего не изменит.

Два дня пути для Сары прошли очень тягостно. Она не знала, как себя вести с виконтом, чтобы он ничего не подумал, а Армин, видимо, тоже смущался. Они ехали в молчании, изредка прерывая его общими фразами. Только в самом начале пути виконт сказал, что знает примерно, где может жить один из палачей. Сара обрадовалась. Вся она горела желанием найти способ помочь Джозефу. Но к концу второго дня усталость взяла своё. А ещё одиночество. Ей не хватало мужа. Она скучала без его разговоров и улыбки. Она даже подумать не могла, что можно так сильно привязаться к некогда чужому для себя человеку.

Когда они, наконец-то приехали в Гьердараунт и остановились в гостинице, где Сара назвалась тем же вымышленным именем, что и в пансионе Язена, она вздохнула свободно. Армин вёл себя учтиво, не переступая грани дозволенного. Он представился её братом и занял соседнюю комнату. На новом месте, несмотря на усталость, Сара заснула не сразу. Ей было удивительно и странно снова видеть такие родные улицы города, в котором она родилась, жила и страдала, с которым связано столько воспоминаний. Завтра она отправится вместе с виконтом на поиски того, кто может пролить истину на тайну Проклятия. А ещё... Ещё ей очень хотелось поглядеть хоть одним глазком на имение, родной дом, в котором прошло всё её детство, так быстро и безвозвратно закончившееся. Но теперь, как ни странно, Сара не могла сказать, что она жалела о том, что произошло. Ей было безумно жалко отца и мать, она ненавидела тех, кто подставил её родителей, но... Если бы не это... Она почему-то содрогнулась, словно от холода, представив свою дальнейшую жизнь — богатую, полную радостного смеха, может быть даже жизнь замужней матроны, главы большого семейства, но... Её жизнь не была бы полной, в ней бы недоставало чего-то, если бы она никогда не встретила Джозефа, Проклятого графа, от которого отец умолял её держаться подальше. Она, глупая, думала, что продаётся, а на самом деле получила взамен нечто несоизмеримо большее, чем имение, деньги и титул.

Интересно, поверил бы ей отец, расскажи она всё это ему сейчас? А мать? Поверили бы они, что можно любить, беззаветно, страстно, забывая себя, Проклятого, пусть не преступника, пусть оболганного и преданного, но ведь заклеймённого в глазах света? И она сама покачала головой, зная ответ. Они очень любили её, но никогда бы не допустили такого позора. Потому что то, что было позором в глазах знати — то являлось позором и для них. Род Баленов был очень гордым. Возможно поэтому, он так страшно и прервался.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сара вздохнула и повернулась на другой бок. Не сразу, но всё же удалось заснуть. Но даже во сне она видела Джозефа, который то уходил от неё, то снова возвращался.

Утро было пасмурным и ветреным, словно зима на какое-то время решила вернуться обратно и посмотреть — не слишком ли много прав она дала весне. Сара с Армином, не сговариваясь, встали рано. В восемь они уже были на ногах, наспех позавтракали в своих номерах, не спускаясь в общий зал, и отправились на поиски того, за чем приехали. Кучеру наказали ждать в гостинице.

— Я плохо ориентируюсь в Гьердараунте. Был здесь от силы пару раз. Кажется, надо пройти несколько кварталов, — обеспокоенно сказал Армин.

— На какой улице примерно живёт этот человек? — Спросила Сара. Виконт назвал улицу. Это было совсем рядом — всего один квартал и недалеко от её бывшего дома, имения рода Бален. Сара грустно улыбнулась. Может быть, много лет назад, проезжая мимо в отцовской карете, она даже видела этот дом и спрашивала себя, кто живёт в нём. Да, судьба

преподносит странные сюрпризы.

Они скоро пришли. Ничем непримечательный дом, один из многих таких же, на этой улице. Аккуратный коттедж, с островерхой крышей, впереди небольшой палисадник. Да, этот человек явно небогат. Армин решительно постучал в дверь.

— Вы что-то хотели, господа? — Дворецкий, открывший дверь был безукоризненно вежлив.

— Мы хотели бы поговорить с хозяином дома, — ответила Сара, опередив Армина.

Когда их пригласили войти, она оттеснила виконта и вошла первой. Всё-таки это её дело и не сказать, что она была очень довольна тем, что он всё время ходил за ней по пятам. Но девушка без сопровождения вызывала бы ненужные подозрения, а ходить повсюду с кучером ей вовсе не улыбалось.

— Я слушаю вас, тали и тал, простите, не знаю ваших имён, — к ним вышел хозяин, некто тал Карест и учтиво поклонился. Сара представилась, а потом, выдохнула и начала:

— Я знаю, тал Карест, что вы занимаетесь клеймением преступников. Работа, наверное, у вас нелёгкая. Я хотела бы спросить у вас подробности этой процедуры

— как вы наносите клеймо, что делаете в это время, о чём думаете.

— А с чего вдруг такой интерес? — нахмурился тал Карест. Сара наконец-то рассмотрела его. Человек как человек, ничего особенного, разве что взгляд усталый, совсем как у Джозефа. Открыться или не открыться?

Осторожно, боясь сказать лишнее слово, она ответила полуправду:

— У нас с братом есть родственник, которого подставили и за большие деньги клеймили без вины, я хочу узнать, есть ли возможность как-то вывести клеймо?

— Ах. Вот оно что, — тал Карест погрузился. — Нет. Такой возможности нет. Если человека клеймили, пусть даже безвинно, это навсегда. Думаете, мне приятно работать и чувствовать, что на мне может быть жизнь невинных людей? Я понимаю, о чём вы. Но нет. Это невозможно. Да и очень редки такие случаи. Обычно преступления и вина доказана, а преступников по несколько раз перепроверяют. Сколько я клеймил людей, видел разные истории, но в основном все они ведут себя так, что доказывают своим поведением правильность своих обвинений. Это маньяки и убийцы, которые не знают никакой жалости. Некоторые пытались даже шутить со мной перед процессом. Некоторых приходилось держать или даже усыплять, — тал Карест почему-то вздохнул. — Сколько лет работаю — никак не привыкну. Лучше бы во мне не просыпался Дар.

— А как вы клеймите человека. Что происходит? — Спросила Сара, с жадностью вслушиваясь в слова тала Кареста.

— Я готовлюсь несколько дней. Читаю о его преступлениях, самые зверства, самую мерзость и когда наконец чувствую, как в груди закипает ненависть, понимаю, что я готов. Ну а дальше я заставляю его выпить микстуру и накладываю руки ему на шею. Моя ненависть преобразуется в клеймо. Так работает мой Дар. Что именно в этот момент происходит — я и сам толком не знаю.

— А вы пробовали с помощью своего Дара например снять клеймо?

— Были-были такие эксперименты. Я читал о них. Правда, их проводил не я. Давным-давно по приказу одного Проклятого, захватили такого же как я человека с Даром и заставили его снять клеймо. У него ничего не вышло. Потом уже Его Величество не так давно проводил такой эксперимент, по доброй воле среди тех преступников, кто якобы честно раскаялся — тоже ничего. Наш Дар работает только в одну сторону.

— А можно ли как-то уменьшить последствия от клейма? Ну там язвы, медленная смерть... — Сара смешалась. Ей было больно и тяжело слышать, что надежды нет. Ну или если она есть, то о ней пока никто не знает.

— Сходите к лекарям. Я не знаю, — равнодушно ответил тал Карест. Видно было, что он устал от разговора.

— Простите, что задерживаем...

— У меня просто вчера был тяжёлый день.

— Я хотела ещё спросить, — продолжила Сара. — Были ли такие случаи, чтобы ребёнок получал клеймо в утробе матери.

— Если и были, то я о них ничего не знаю, — тал Карест всем своим видом показывал, что им пора бы уже уйти.

— Благодарю Вас, — Сара поклонилась, Армин кивнул хозяину дома, и они молча вышли на улицу.

Сара чувствовала себя растерянной и расстроенной. Ничего нового, ничего, что она не прочитала бы в книгах. И снова одно и то же — сами палачи не знают, как работает их Дар. Да где же ей искать ответ, ну хоть малейшую подсказку? Она вздохнула, стараясь не смотреть на виконта, боясь увидеть на его лице говорящее выражение «я так и знал».

Они медленно шли по улице, и Сара вдруг заметила, что машинально направляется в сторону своего бывшего дома. Армин, наверное, тоже это заметил, но молчал. Что-ж, если он не против, то можно сделать круг, чтобы посмотреть на то, чем является сейчас их некогда гордое имение. Она, конечно, предпочла бы прогуляться до него без свидетелей, но что делать. Когда за следующим поворотом из-за угла вынырнул шпили и башенки бывшего имения Баленов, у Сары вдруг захватило дыхания, а на глаза навернулись слёзы. Раньше она всегда выглядывала из экипажа, наслаждаясь замечательным видом. Потом экипаж огибал ограду и подъезжал к главным воротам, а там, за аллеей, уже не было видно громады дома.

Сара медленно подошла к кованой ограде и прижалась к ней лбом. Картины из прошлого вдруг нагрянули к ней и невольно заявили о своих правах. Всё, о чём она старалась забыть, вспомнилось с невероятной чёткостью. И тут же вдруг пришла мысль, что Джозефу, должно быть, в такие минуты ещё тяжелее. Она глубоко вздохнула и заправила за ухо выбившийся из причёски локон. Надо успокоиться. Виконт стоял где-то позади молчаливой статуей, видимо, не желая беспокоить её. Конечно, у него были свои дела, а она и так слишком долго задерживала его здесь, беззастенчиво пользуясь его согласием, но лучше бы он всё же поскорее женился. Армин раздражал её, может быть потому что она представляла как было бы прекрасно, окажись на его месте сейчас Джозеф. Хватит ныть! Она вытерла слёзы, строго сжала губы и отвернулась, намереваясь вернуться к виконту, как вдруг её внимание привлёк шелест гравия на аллее. Кто-то подъезжал к дому. Сара снова прильнула к ограде и успела заметить экипаж. Что-то в нём было знакомое, вот только что, она никак не могла вспомнить. Дверца открылась, из экипажа вылез безупречно одетый слуга. Знакомые черты лица просматривались даже издали. Сара наморщила лоб и вдруг вздрогнула — перед глазами встало воспоминание — слуга тала Сворка, который приехал за ней с Язеном тогда, в бедный квартал. Конечно. Как же она могла забыть! А стало быть и экипаж тала Сворка. Но где же он сам? И что он делал в Виллене, если его имение (и не одно теперь) находится в Гьердараунте?

Так. Это всё ей определённо придётся выяснить. Сара привыкла полагаться только на себя, поэтому первая мысль у неё была о том, что она сама может сделать. Явно, что тал

Сворк хочет смерти Джозефа, а так же просто мечтает зачем-то заполучить её в жёны. Ещё он каким-то образом связан с её отцом. И этого для Сары было уже достаточно. Ей надо узнать, что он задумал и что знает, любым способом.

Она шагнула к Армину и они вдвоём молча направились к гостинице. Больше её тут, в принципе, ничего не держало. Можно было уезжать уже сегодня. Сара всей душой тянулась к Джозефу, упорно старалась не думать о нём и всё-таки не могла. Но после вчерашней тряски в карете она чувствовала себя такой усталой, что с ужасом представляла ещё одну поездку сегодня. Нет. Лучше сегодня отдохнуть. Можно пройтись по магазинам и закупиться кое-какими вещами, которые она намеревалась купить в Виллене.

В гостинице они с Армином попрощались, договорившись выехать завтра. У виконта были в городе свои дела, и Сара вздохнула с облегчением, когда он ушёл. Она сама отдохнула, перекусила, привела себя в порядок и направилась к ближайшим лавкам. Джозеф разрешал ей тратить определённую (и достаточно большую даже по её меркам) сумму на свои нужды, у неё не было однако никакого желания побаловать себя драгоценностями, или новыми нарядами. Сара покупала только то, без чего не могла обойтись. Но вот сейчас, стоя перед витриной, на которой красовались серьги, кольцо, кольца и диадемы самой искусной работы, она вдруг поймала себя на мысли, о том, что думает, какое бы украшение на ней понравилось бы Джозефу, что заставило бы заблестеть его глаза. Погружённая в свои мысли, она не сразу заметила, как в лавку вошла женщина, которую ей хотелось сейчас видеть меньше всего. Талья Беррина, и не одна, а под руку с лекарем, некогда распустившим самые грязные слухи про её, Сары, матушку. Сара почувствовала, как руки невольно сжались в кулаки. Спокойно. Кроме прошлого, у неё нет ничего общего с этими людьми. Сейчас нет.

— Посмотри-ка, уважаемый тал Ратис, кто там стоит? Не тали ли Бален?

Сара вздрогнула. Началось. Прошрое не имело над ней власти, но воспоминания хлестнули, как бичом и обожгли болью. Лекарь приставил к глазам лорнет. Сара стояла боком, делая вид, что не замечает этих двоих и рассматривает драгоценности. По правде говоря, она уже присмотрела себе простенькое и относительно недорогое сапфировое ожерелье. Оно замечательно подойдёт к её новому синему платью. Ожерелье смотрелось просто и казалось воздушным на фоне более тяжёлых и массивных коле. Почему-то Сара была уверена, что Джозефу оно понравится.

— Вполне возможно, что эта новая важная дама как раз и есть тали Бален, новая тали Бален, — лекарь рассмеялся каркающим смехом, видимо думал, что сказал отменную шутку. Сара по-прежнему делала вид, что не замечает их.

— Тогда, если это тали Бален, то почему она не спешит поздороваться со своими старыми знакомыми? — И талья Беррина подошла к Саре и дёрнула за рукав, зашипев:

— Ну-ка хватит из себя важную даму строить. Ты чего не здороваешься, говорю? Нашла себе нового богатенького покровителя, паренька своего пристроила и теперь нос задираешь? Мы с талом Ратисом быстро выведем тебя на чистую воду.

Сара покраснела от гнева. Был бы здесь Джозеф или хотя бы Армин... Но она одна, а значит ей опять придётся самой защищать себя.

— Простите, талья Беррина, но ваше поведение выходит за рамки приличий, — Сара вырвала свой рукав из рук квартирной хозяйки. Если надо, она позовёт стражей правопорядка. Кучер и хозяин гостиницы смогут подтвердить, что она теперь вовсе не тали Бален, а уважаемая дама. И не обращая больше внимания на талью Беррину, Сара открыла свою сумочку, достала кошелёк, отсчитала деньги и протянула их хозяйину магазина. — Мне,

пожалуйста, сапфировое ожерелье.

Хозяин быстро понял свою выгоду и едва не рассыпался в комплиментах перед ней.

— Конечно, как пожелаете, тали...

— Графиня Даррен, — зачем-то Сара сказала своё настоящее имя. Но она была так зла и так хотелось проучить талью Беррину вместе с лекарем... Всё равно Джозефа здесь никто не знал. Она попросила хозяина лавки застегнуть ожерелье у себя на шею, потом самым вежливым образом попрощалась с ним и неестественно прямая, гордо держа голову, прошла мимо застывших в изумлении тальи Беррины и лекаря.

Через пару шагов на неё навалилась невероятная усталость. Сара сняла ожерелье, спрятала его в сумочку и быстрым шагом направилась к гостинице. Встреча со старыми знакомыми, казалось, отобрала все силы. Быстрее бы домой, в Чендервилл, к Джозефу, прочь из негостеприимного родного города, пока ещё на каждом углу не шепчутся о ней! Она знала острый язычок тальи Беррины и бессильно сжимала кулаки, представляя, как та поквитается с ней за своё унижение.

Через двое суток Сара усталая и расстроенная въезжала в Чендервилл. Армин покинул её на развилке, недалеко от Виллена. Всю обратную дорогу они молчали. Виконт пару раз попытался утешить её, сказав, что они обязательно найдут способ помочь Джозефу, но Сара не обратила внимания на его слова. Она очень устала, была расстроена встречей со своей бывшей квартирной хозяйкой, и больше всего на свете ей хотелось спать. Поэтому когда экипаж въехал в Чендервилл, она наконец-то вздохнула с облегчением, а войдя в холл, и правда почувствовала себя дома.

— Граф в гостиной, — предупредил её мысли Генрих и слегка улыбнулся. Сара поблагодарила его. Она медленно направилась к гостиной. Усталость постепенно отступала, словно стены этого дома действительно обладали возможностью излечивать от неё.

Когда Сара, тихо ступая, вошла в комнату, то первым её встретил Ветер. Несмотря на свой почтенный возраст, он кинулся к ней, как вихрь, заливисто лая и пытаясь облизать лицо.

— Успокойся, Ветер, — смеясь, она отстранила собаку от себя. А потом подняла голову и увидела Джозефа. Он сидел в кресле, правда, спиной к камину. Голова свесилась на грудь. Он спал? У Сары перехватило дыхание от странного и нелепого предчувствия. Она направилась к мужу, слишком, пожалуй, поспешно и зацепилась рукавом за столик, на котором стоял графин с водой. Графин упал и разбился. Джозеф вздрогнул и открыл глаза.

— Сара, наконец-то ты приехала! — Глухой голос был нежным, настолько нежным, что Сара почувствовала, как сердце в груди забилось сильнее. Что он говорил? Чтобы она не привязывалась к нему? Разве это возможно? И разве его голос сейчас не полное опровержение этой чепухи? Но, впрочем, граф уже взял себя в руки и начал расспрашивать о поездке и о том, что удалось узнать. Сара не умела лгать, но и открыть настоящую цель поездки не могла. Тогда Джозеф точно бы запретил ей впредь такие поездки, ведь он-то сам уже ни во что не верил. Поэтому она краснела и смущалась, отчаянно пытаясь выдумать хоть какие-то новости. Но муж, кажется, не замечал её смущения. Он неотрывно смотрел на неё, жадно, словно они не виделись несколько лет.

— Что-нибудь новое произошло, пока меня не было?

Джозеф опомнился, опустил голову и задумчиво ответил:

— Приходили тал Сворк и тал Хайли, доктор.

— Что они хотели? — Сара вздрогнула. В голове мелькнули мысли одна страшнее другой.

— Тал Сворк приглашал тебя на свой частный вечер, на который ты обязательно, по его словам должна явиться, — Джозеф усмехнулся. Видимо, рассуждения о тале Сворке вернули его в обычное невозмутимое состояние. Сара вздохнула. Конечно, когда они говорили о деле и об этом ужасном Сворке, муж отбрасывал условности и разговаривал с ней доверительно. Но... Ей было мало этого компаньонского доверия.

Она выслушала пересказ разговора Джозефа с талом Сворком и задумалась. Конечно, этот вечер — шанс узнать что-то новое об её отце и о связях тала Сворка с ним, но... При мысли о том, что она будет в лапах этого злодея одна, без всякой защиты... Джозеф словно угадал её мысли:

— Конечно же ты не пойдёшь туда.

— Почему же? Это единственный шанс узнать что-то новое о моём отце. Вдруг тал Сворк забудет об осторожности и проболтается?

— Вряд ли. Скорее это шанс для него — представить тебя в качестве своей будущей невесты и жены и изобразить из тебя несчастную жертву обстоятельств, покорную воле Проклятого тирана и колдуна, — усмехнулся Джозеф.

— Ну может быть тем самым я усыплю его бдительность, — нерешительно ответила Сара.

— Или скорее разбудишь что-то другое, — в глазах Джозеф полыхнуло пламя. Он взял Сару за руку, а она не отняла её. — Пожалуйста, Сара, не едь на этот вечер. Я боюсь за тебя. Тал Сворк очень опасный человек. Я убедился в этом сам. Он угрожал мне в разговоре тогда, в саду и намекал, что рано или поздно и ты и моё имение достанется ему. Ты будешь там в опасности, а я не смогу защитить тебя.

Сара мужественно выдержала просительный взгляд Джозефа, а потом всё же тихо возразила:

— Но тал Сворк, каким бы злодеем он ни был, всё же блюдёт приличия. А раз вечер я проведу не наедине с ним, нет такой уж сильной нужды беспокоиться, — этими словами Сара скорее успокаивала себя, чем мужа. — К тому же это может быть мой единственный шанс узнать что-то новое об отце.

— Может быть. Но если что, я не смогу защитить тебя, и это хуже всего, — глухо ответил Джозеф, и Сара увидела, как он сжал руки, обтянутые перчатками, в кулаки. Он сегодня впервые с того дня, как заговорил с ней о своём прошлом, был так откровенен.

— Я уверена, что ничего плохого не случится, — тихо ответила Сара, умоляюще глядя на мужа. Он смутился и отвернулся, а потом глухо продолжил:

— В любом случае я не смогу помешать тебе поехать. Я могу лишь просить... И вот ещё что, Сара, умоляю, если всё-таки поедешь, возьми с собой в экипаж Генриха и если что — зови его на помощь.

Сара серьёзно кивнула, а потом зевнула. Усталость снова напомнила о себе.

— Ты устала и, наверное, ничего не ела, — спохватился граф. — Генрих, принеси пожалуйста графине Даррен её ужин, сюда в гостиную.

— Но, Джозеф, я могу поесть и в столовой.

— А я хочу, чтобы ты поужинала сейчас со мной, — он улыбнулся, просто и ласково. Сара улыбнулась в ответ. Забыть обо всём, и пусть завтрашний день встретит её новыми раздумьями о вине тала Сворка и о том, как исцелить Джозефа, но завтрашний день будет только завтра, а сегодня она почти счастлива.

Утром Сара встала поздно. Усталость давала о себе знать. После вчерашней поездки начинала болеть голова, поэтому завтрак, хоть и наедине с мужем, прошёл в молчании. А после завтрака явился доктор, тот, который был с талом Сворком и навещал Джозефа в её отсутствие.

Она на несколько минут зашла к Джозефу в гостиную, кажется, чтобы спросить о чём-то, когда Генрих объявил о приходе тала Хайли. Доктор вошёл в гостиную и приветливо поздоровался сначала с Джозефом, потом с ней. Да, если бы она не слышала его разговора со Сворком, никогда бы не подумала, что тал Хайли на самом деле вовсе не тот, за кого себя выдаёт. Он весь прямо светился радушием и добротой.

— Граф Даррен, кажется, несколько дней назад, вы просили у меня настойку, помогающую от боли ну и прочих симптомов вашей, кхе... — он замялся. Наверное,

раздумывал, многое ли из обстоятельств болезни мужа ей известно, но потом продолжил, — ...болезни. Я принёс вам её. Новейшее средство. Смеею очень вам советовать. Замечательно обезболивающее, ну и от других симптомов должно помочь.

— Благодарю вас, тал Хайли, — ровным голосом ответил Джозеф.

— Я бы сейчас же откланялся, но у меня осталось ещё одно дело к графине. Милая графиня, — тала Хайли обернулся к Саре с обворожительной улыбкой на губах. Сара едва сдержала гримасу отвращения. Так противно было сознавать, что за этой привлекательной и добродушной внешностью скрывается змеиная сущность. А доктор, между тем, продолжал. — Не знаю, передал ли вам дражайший супруг приглашение тала Сворка на его чинный домашний вечер. Артур, знаете, очень любит такие вечера, но до недавнего времени у него было очень много дел. И вот как только выдался свободный вечер... В общем завтра в пять часов вечера, тал Сворк ждёт вас в своём имении — Синий Дол. Всего-то пару миль от Виллена по дороге на Трамверс. Знаете, тёплая такая компания, только друзья тала Сворка. Карточные игры, танцы, холодная закуска — всё будет совсем по-домашнему. Одним словом, Артур очень ждёт вас. Да и по правде говоря, что вы сидите, здесь, в одиночестве, такая молодая и красивая, — Сара украдкой взглянула на мужа и увидела, как сверкнули глаза Джозефа при этих словах тала Хайли. — Всё высшее общество давно уже жаждет с вами познакомиться.

Доктор, наконец, закончил свою длинную тираду, и Сара вздохнула с облегчением. Это всё тал Сворк. Он ведёт свою игру и хочет видеть её пешкой в этой игре. Но она не желает быть пешкой! Её задача — разгадать, почему этот проклятый Сворк так желает познакомиться всю высшую знать с ней и обязательно убедить всех, что она — несчастная жертва, а он... Ему доводилась роль её спасителя. Но ей категорически не нравилось такое положение вещей!

Тал Хайли откланялся. Джозеф задумчиво повертел в руках стеклянную бутылку с микстурой и небрежно поставил на стол. Они помолчали.

— Что это за лекарство принёс вам доктор? — Спросила Сара, не выдержав затянувшегося молчания.

— Микстура, которая якобы поможет мне от моей болезни и ослабит симптомы. Я попросил её специально, в надежде проверить свои соображения. Только вот ума не приложу, как мне её проверить.

— Ради Бога, Джозеф, только не на себе!

— Да нет, графиня, конечно, я не буду испытывать её на себе, — Джозеф усмехнулся насмешливо и немного грустно, а потом, вздохнув, добавил. — Иначе кто защитит вас от тала Сворка? — А потом уже тише. — Сара, ты всё же решила ехать?

— Да, я думаю, что должна, должна сыграть роль, или, по крайней мере, попытаться. Может быть, я выясню что-то новое.

— Или, тал Сворк посчитает, что ты уже в его руках, — мрачно добавил Джозеф. Сара уловила муку, мелькнувшую в его глазах. Он хотел помочь ей, но не мог. Ничего. Она делает это и ради него. Возможно, знакомство с местной знатью и длительное общение с талом Сворком помогут ей, прольют хоть какой-то свет на то, как снять это постыдное клеймо с мужа. Она чувствовала, что тал Сворк как-то связан с этим Проклятьем, он знает больше, чем говорит. Вопрос в том, чем она рискует, отправляясь на это вечер. Но об этом Сара старалась не думать. Ей надо сейчас помочь Джозефу и узнать, кто подставил отца. Обо всём остальном она подумает потом.

Сара развернулась, чтобы уйти из гостиной. Через пару часов она вернётся, чтобы поговорить, провести час наедине с Джозефом. Тот самый час, который прописан в договоре и который иной раз растягивается на полдня. Они никак не могли наговориться...

А дальше... Дальше всё произошло так быстро, что она не успела этого даже осознать. Сара случайно зацепила столик, на котором стоял пузырёк с микстурой. Пузырёк упал на пол и разбился, вдребезги, а по полу потекла густая беловатая жидкость с резким, но приятным запахом. Тут же к этой луже на полу подбежал Ветер и начал слизывать микстуру, растекавшуюся по паркету.

— Ветер, брось! Нельзя! — Джозеф встал и попытался тростью отогнать собаку. Сара попыталась помочь ему, оттаскивая Ветра. Но пёс проявил животное упрямство. Он вырвался из рук, увернулся от трости и снова принялся с наслаждением слизывать микстуру с пола. Наконец, он отошёл от осколков пузырька сам, пошатываясь, как пьяный, сделал пару шагов к Джозефу, звавшему его. Потом попытался сесть, глядя осоловелыми глазами на хозяина, но не смог и как-то совсем уж нелепо завалился на бок. Лапы у него задрожали, пасть приоткрылась, язык, почерневший и распухший, вывалился между зубов. Пёс задрожал, заскулил и затих.

Джозеф давно уже позвал Генриха, а Сара всё ещё стояла в оцепенении, не в силах осознать произошедшего. Это было так странно и нелепо, и в то же время так страшно. Она представила на месте Ветра, мужа и вздрогнула.

А Джозеф подошёл и тяжело, с трудом опустился на колени возле своего любимца, потрогал шею, стараясь не прикасаться к языку и пасти.

— Он мёртв. И это я виноват. Если бы только не моя беспомощность, я оттащил бы Ветра от этой проклятой настойки. Ведь я предполагал такой исход! Может, тогда бы не было слишком поздно! Прости дружище. Ты спас мне жизнь, но без тебя теперь будет так одиноко, — последние слова граф произнёс так тихо, что их едва было слышно. — Да, кажется тал Хайли и тал Сворк теперь не особо разборчивы в своих средствах. Они видят цель и хотят добиться её любой ценой. А я на этом пути для них лишний.

Остаток дня они провели в молчании. Сара чувствовала лёгкое волнение. Она и хотела и не хотела ехать к талу Сворку. Каким бы простым выходом было остаться дома, но... Если есть хоть малейший шанс узнать что-то об отце и о Проклятье, наложенном на её мужа, она должна этот шанс использовать. Она с ужасом представляла, что рано или поздно попытки отравить или как-то убрать Джозефа станут более настойчивыми, а если даже и не станут — что для тала Сворка значит подождать год-другой? Как выяснилось, они с доктором, не остановятся ни перед чем. И что самое страшное, как и тогда, когда она, Сара Бален, была бесправной нищенкой, снимавшей квартиру в одном из самых грязных районов города, так и сейчас, когда она — жена Проклятого, изгоя общества, ей не приходится рассчитывать на стражей правопорядка. Они явно будут не на их с мужем стороне. Им с Джозефом придётся как-то справляться самим.

А ведь по сути, ничего и не изменилось, только тогда она боролась ради Язена, чтобы брат вырос и получил образование, а сейчас — ради мужа, человека, который внезапно стал ей дороже брата и даже самой жизни. И она будет бороться, чего бы ей это не стоило!

С этой мыслью Сара и заснула. А утро принесло много хлопот — предстояло собраться на вечер и подготовить экипаж, а ещё каким-то образом придумать, как обезопасить себя от возможных посягательств тала Сворка. После завтрака, Джозеф с хмурым выражением лица, приказал Генриху пойти к нему в кабинет. Сара догадывалась, о чём у них пойдёт разговор.

Конечно, муж охотнее отпустил бы её с молодым и горячим виконтом, который точно не дал бы её в обиду. Но в свете последних событий, никто бы не поручился за жизнь Армина. Так что наверное это к лучшему, что она едет лишь с Генрихом. Меньше будет сплетен и никто, кроме, возможно, её самой не пострадает.

До обеда Сара примеряла платье, раздумывая, какое было бы приличней надеть на вечер, чтобы не выглядеть слишком уж вызывающе. Пару минут она решалась — не надеть ли своё синее платье, а потом всё же застегнула на шею сапфировое ожерелье и направилась в гостиную. Джозеф был там, сидел, не мигая, глядя в огонь. За последние дни он как-то совсем осунулся и постарел. То ли слишком сильно волновался и переживал за неё, то ли болезнь действительно неумолимо вступала в свои права и начиналась последняя стадия. И... Неужели её муж скоро уйдёт туда, откуда не возвращаются? Сара вздрогнула, подумав об этом, а потом одёрнула себя. Надо жить сегодняшним днём. Нарочито весёлым голосом она спросила:

— Как я выгляжу, граф Даррен? Готова ли ехать на вечер?

Джозеф обернулся на её голос. В глазах полыхнуло пламя. Он протянул руку, словно желая дотронуться до неё, а потом отдёрнул и глухо ответил:

— В таком платье я бы не отпустил свою жену на вечер. Графиня Даррен слишком красива, чтобы на её красоту любовались всякие проходимцы! Но, впрочем, ты вольна сама решать, как тебе одеваться.

Сара улыбнулась. Конечно, другого ответа она и не желала. Пожалуй, на вечер она оденет своё самое закрытое и простое платье с ниткой жемчуга. Больше ничего и не нужно.

— Я не надену это платье к талу Сворку, но если желаешь, каждый день буду приходить в библиотеку в нём.

— Не надо, — так же глухо ответил Джозеф. — Прибереги это платье для своего следующего мужа.

Сара опустила голову. Обида кольнула в сердце, хотя обижаться было глупо. Она лучше, чем когда-либо понимала Джозефа. Он считает, что скоро умрёт и не хочет, чтобы она его любила, но разве любят только за силу, здоровье или власть? Разве вообще любят за что-то? Разве это не желание отдать свою жизнь, всю себя, ради любимого человека?

— Простите, графиня. Я сегодня неважно себя чувствую. Думаю, вам лучше поскорее собраться. Время поджимает, — Джозеф сжал губы и отвернулся. Он всегда так делал, не желая продолжать разговор. Сара вздохнула и вышла.

Оставшийся час она провела, одеваясь и сооружая с помощью Мэри нехитрую причёску. В прихожей её ждал муж.

— Сара, умоляю, береги себя. Я дал Генриху два револьвера и задание стрелять на поражение по твоей команде. Если что — сразу зови его на помощь, и... возвращайся побыстрее, — Джозеф отвернулся, пытаясь скрыть волнение.

Сара улыбнулась и кивнула в ответ. Ей хотелось обнять мужа и никогда-никогда не отпускать. Кто знает, будет ли у них ещё время... Но она сдержалась. Всё будет хорошо. В корсете, под платьем был спрятан столовый нож, на всякий случай. Она не даст себя в обиду. Она больше не тали Сара Бален. Кончилось то время. Теперь она в ответе не только за Язена, но и за своего мужа. И от неё (почему-то она была в этом чётко уверена) зависела его жизнь.

Генрих открыл перед ней дверцу экипажа. Она села. Кучер дёрнул вожжи, и экипаж тронулся. Пару часов пути до Виллена по тряской брусчатой дороге она провела в волнении, раздумывая, как себя вести и что сказать талу Сворку. И когда они наконец-то подъехали к

Синему Долу, Сара чувствовала себя абсолютно растерянной и подавленной. Но она должна хорошо сыграть свою роль. Тал Сворк не должен ни на секунду усомниться в ней или заподозрить то, что она действительно думает и чувствует, иначе будет беда. Лакей услужливо распахнул перед ними ворота, и они въехали в имение тала Сворка, Синий Дол. Всё. Назад дороги нет.

Генрих первым вышел из экипажа и подал ей руку. Он выглядел немного смешным и неуклюжим в тесной лакейской одежде. Но старый слуга затеял этот маскарад лишь из-за неё, подчинившись приказу своего хозяина. Если с ним что-то случится — в этом тоже будет виновата она. Сара вздохнула, сжала губы и вылезла из экипажа. У парадной двери освещённого особняка тала Сворка её ждал лакей, поэтому она лишь сдержанно, в рамках приличий попрощалась с Генрихом, приказав ему ждать её тут. А сама, с замиранием сердца, подала руку лакею и вошла в имение Сворка.

Гомон голосов, яркий свет, звон бокалов и шелест платьев на мгновение ошеломили её. После полумрака Чендервилла, Сара чувствовала себя совсем неудобно. Но она подавила первое желание спрятаться, вернуться, убежать и с вежливой улыбкой подала лакею плащ. Он повесил плащ и проводил её в малую залу Синего Дола, а потом с поклоном удалился. Сара вошла внутрь, медленно, стараясь, чтобы не закружилась голова от разнообразия красок. Она предполагала, конечно, что тал Сворк не ограничит своё тщеславие, как говорил тал Хайли, несколькими друзьями, но здесь сегодня была почти вся знать Виллена. И среди этой знати она абсолютно терялась. Никто не обращал на неё внимания. Может быть, это, конечно, и к лучшему, но... Сара медленно пробиралась сквозь толпу к противоположной стене. Окна на ней были завешаны тяжёлыми бордовыми шторами. Можно было укрыться за одной из них и дождаться появления тала Сворка, но её отвлекли.

— Графиня Даррен, вот где вы! Я безумно рад вас видеть, — она узнала бы этот голос даже среди ночи. Конечно, вот и тал Сворк, собственной персоной. — Добро пожаловать на мой скромный вечер.

Сара в ответ просто молча склонила голову. Лгать, не краснея, она ещё не научилась.

— Пойдёмте, я представлю вас, — Сара на миг замешкалась, а тал Сворк неправильно, видимо, истолковал её замешательство. — Не бойтесь. Здесь никто не обидит вас. К тому же поступки вашего мужа не в коей мере не бросают тень лично на вас. В конце концов и я и доктор Хайли, знаем, почему вы действительно вышли замуж за Проклятого, заклеянного преступника, — и тал Сворк подчеркнул слово «действительно». Как хорошо, что он не знает, как на самом деле обстоят дела. Теперь бы не выдать себя ненароком! Сара чувствовала всем своим существом опасность, исходившую от тала Сворка, и понимала, что любое её неосторожное слово может закончиться слишком печально для Джозефа. Но в любом случае самим Сворком или кем-то из его дружков приговор её мужу уже подписан, вопрос только во времени, и её дело — успеть раньше них.

Сара медленно пошла за Сворком. Перед хозяином дома все расступались. Она слышала шепотки за спиной, но такие тихие, что разобрать, о чём шептались говорившие, не было возможности.

— Дорогие друзья, позвольте вам представить прекрасную девушку, дочь моего самого лучшего друга, с которым, к сожалению, случилось большое несчастье. И эта милая девушка была вынуждена совершить поступок, которому в глазах высшего общества, наверное, трудно найти оправдание, но лично в моих глазах она уже оправдана. — И после этой долгой и пафосной речи, произнесённой серьёзным и торжественным голосом, когда глаза всех присутствующих в зале устремились на неё, тал Сворк, выдержав паузу, произнёс. — Позвольте вам представить — графиня Сара Даррен.

Гости зашептались, ещё громче. А тал Сворк, сжал руку Сары и одновременно другой рукой подал знак музыкантам. Заиграли вальс. Сворк почти насильно увлек Сару за собой и закружил по залу. Весь танец он говорил ей какие-то комплименты или подшучивал, рассказывая смешные истории о ком-либо из гостей. Сара почти не слушала его. От его представления, шепотков за спиной и всей этой комедии, ей внезапно стало дурно. Она с трудом заставляла себя улыбаться и вести так, как будто ничего не произошло, но как только вальс закончился, Сара извинилась, сославшись на духоту, и отошла к одному из окон. Окно было приоткрыто, и она с наслаждением вдыхала прохладный воздух. Но долго так простоять в молчании ей не дали. Появился следующий кавалер, который, представившись, учтиво пригласил её на танец.

Весь час, отбоя от кавалеров у неё не было. Видимо, слова тала Сворка являлись здесь законом и к ней теперь относились с жалостью и сочувствием, вместо прежнего презрения. И раньше бы она была ему благодарна за это, но только не теперь, когда она знала, какую истинную цель преследует Сворк. Наконец, всё-таки объявили перерыв. Разгорячённые дамы, обмахиваясь веером, присели на кресла, а мужчины придвинулись к столу для карточной игры. Лакеи сновали с подносами, на которых была расставлена лёгкая закуска и прохладительные напитки.

— Простите, графиня, я хотел бы извиниться перед вами, — услышала Сара и едва не вздрогнула. Задумавшись, она не заметила мужчину, который подошёл к ней, абсолютно бесшумно ступая. — Я вёл себя с вами в лесу тогда совсем по-свински. Но, право, я не знал всех ваших обстоятельств. — Сара внимательно посмотрела на него. В лесу? В лесу... Внезапно, она вспомнила. Это был тот самый молодой человек, который на её просьбу указать ей дорогу к Чендервиллу, презрительно отвернулся и ускакал. Только теперь он выглядел как прилизанный молодой франт. Примерно одних лет с виконтом де Граазом, однако в Армине была какая-то обезоруживающая честность и доверчивость. Этот же её собеседник глядел хитрым лисом. Наверное, он сразу понял, как относиться к той, которую так недвусмысленно представил тал Сворк и какие из этого можно извлечь выгоды. — Так вы простите меня? — Уже настойчиво спросил он.

— Да, конечно, — просто ответила Сара. Мужчину, видимо, удовлетворил её ответ.

— В таком случае, я всегда к вашим услугам, тал Гиллерт Террас, — представился её собеседник, потом поклонился и ушёл.

Сара ещё немного поскучала у окна, а потом решила немного пройтись. Она бы с удовольствием вышла в сад, но ей было боязно гулять в темноте по чужой усадьбе. Всё-таки не стоило забывать, что тал Сворк вовсе не так равнодушен, как ей кажется. Он сейчас стоял возле карточного стола, и она несколько раз ловила его взгляды на себе. Поэтому Сара просто прошлась по зале. Дамы ей не были представлены, знакомых мужчин она так же видела здесь мало. Видимо, тал Сворк представив её всем, вовсе не задумывался о том, чего на самом деле желает она. Все его заботы были лишь фикцией, не больше. Она отошла к окну, оказавшись в этот раз надёжно скрытой от чужих глаз тяжёлыми шторами. Несколько раз она улавливала обрывки разговоров. Конечно, это неприлично, но она здесь прежде всего для того, чтобы подслушивать и узнавать что-то новое для себя.

— ...Выскачка какая-то.

— И не говори! Тал Сворк раньше был более разборчив.

— Ещё бы! — Мимо проплыли, судя по голосам, две солидные уже матроны.

Правильно. Она смешала им все планы, которые они, видимо, строили в отношении

тала Сворка и своих дочерей.

— Как тебе эта графиня Даррен?

— Не понимаю я этого Сворка. Жена Проклятого, всё-таки. Какая-никакая, но жена.

— Ну Проклятье не заразно, насколько мне известно, а какая она жена, чувствую, дружище Сворк скоро узнает, — это было уже двое мужчин, причём, кажется в состоянии сильного подпития.

Сара передёрнулась. Боже, как все эти сплетни омерзительны и противны!

— Бедняга эта графиня! Видимо, несладко ей пришлось.

— А ты думаешь по своей воле можно выйти замуж за Проклятого. Я когда узнал об этом браке от нотариуса, (он случайно обмолвился) то сразу подумал, что дела там нечисты. Да я этому и рад. Тал Сворк новоиспечённую графиню в обиду точно не даст.

— Да я и сам бы не дал. И куда только Проклятый граф смотрит? Позволяет ей разъезжать по званым вечерам.

— Да ему, говорят, недолго осталось. К тому же брак у них фиктивный. Если бы не Сворк, поухаживал бы и я за этой без пяти минут вдовушкой.

До Сары донёсся хохот, потом шаги и всё стихло. Слушать эти сплетни о себе было невыносимо. Снова заиграла музыка, послышался скрип отодвигаемых стульев. Сейчас, наверное, самое лучшее время, чтобы выбраться из своего укрытия. Она выскользнула из-за шторы, никем кажется незамеченная и встала на своё прежнее место. Тут же её снова пригласили на танец, и она закружилась с очередным кавалером, стараясь улыбаться, направо и налево и выглядеть весёлой и беспечной.

— Бы сегодня просто удивительно прекрасны, графиня, — склонился перед ней в поклоне тал Сворк и увёл на следующий танец.

Все последующие танцы он не отпускал её от себя. Сара боялась взгляда его пристальных глаз и старалась отвернуться, не смотреть ему в лицо. Что-то страшное и завораживающее было в его глазах. А ещё она за весь вечер ни взяла в рот ни крошки. Если на неё смотрели, делала вид, что пригубляет вино или откусывает кусочек пирожного, а перед глазами всё время стояла агония Ветра и разбитая микстура тала Хайли...

Но всё рано или поздно заканчивается. Тал Сворк отпустил её и сделал знак музыкантам. Они доиграли последний танец, а потом медленно стали упаковывать инструменты. Это послужило своеобразным сигналом и для гостей. Они потихоньку начали откланиваться и разъезжаться. Интересно, сколько сейчас времени? Судя по всему — глубокая ночь. Наверное, ей тоже пора. Но что-то держало её, не давало распрощаться. Сара незаметно следила за Сворком глазами. Он радушно провожал гостей, а потом медленно вместе с ними направился к экипажам. Сара тихо последовала за ним.

На крыльце, тал Сворк попрощался с гостями ещё раз. Сара сделала вид, что тоже уезжает. Задержалась в передней. Поправила плащ и шляпку, а потом медленно вышла.

— О, графиня, вот и вы. Ну как, вам понравилось у нас?

— Да, очень. Замечательный был вечер, — улыбнувшись, ответила Сара, надеясь, что улыбка не вышла натянутой.

— Я рад, — улыбнулся в ответ тал Сворк. — Я надеюсь, мы ещё увидимся. Я закончил свою работу и ближайšie пару недель могу себе позволить несколько развлечься. А то, знаете, от работы я всё-таки немного устаю. Ну теперь, я надеюсь, мы встретимся на охоте?

— Охота? — Сара растерялась, — но я совершенно в этом ничего не смыслю.

— Вам и не надо смыслить. Для дам охота — всего лишь одно из развлечений. Если вы

умеете ездить верхом, то для вас это будет очень интересное и завлекательное зрелище. К тому же мои охотничья угодья напрямую примыкают к угодьям Чендервилла, так что, можно сказать, что это охотиться мы будем неподалёку от вашего дома. — И тал Сворк подчеркнул слово «вашего», как будто она там полноправная хозяйка. Он явно что-то задумал. Вот только что? — Так вы будете на охоте?

— А... Когда?

— Ну я думаю через пару дней. Но я пришлю слугу сообщить вам. В любом случае, я жду вас, графиня, — и тал Сворк поднёс её руку к губам и поцеловал. Сара едва сдержалась, чтобы не вытереть руку. Спокойно. Сейчас она уже уедет и вернётся домой, к Джозефу.

Она направилась к экипажам. Её экипаж стоял дальше всех и свет фонарей не добирался сюда. Все гости уже уехали и только пара экипажей таких же задержавшихся, как она, напоминали о вечере. Сара уже собиралась окликнуть Генриха, как увидела, что тал Сворк встретился с кем-то на крыльце и вместо того, чтобы вернуться в дом, они направились в сад. Наверное, это доктор Хайли. Но о чём они говорят? Несомненно о чём-то важном. Она должна это выяснить! Вот же её шанс! Сара колебалась недолго. Потом, нащупав столовый нож за корсетом, медленно направилась за талом Сворком. Они отошли уже на приличное расстояние, и долгое время она ничего не слышала, но потом, всё же до неё начали доноситься обрывки разговора.

— ...Так что кажется рыбка клюнула.

— Я только одного не могу понять, Артур, зачем тебе эта графиня? Гостей созвал, такую комедию устроил...

— Моё дело подготовить общество к следующему моему шагу. Чтобы когда я женился на вдове Проклятого графа, никто не упрекнул бы меня в этом. А зачем мне она? Я тебе уже говорил об этом. Она может о многом догадаться. Сара девушка неглупая. Ей не составит труда выяснить, кто подтолкнул её отца к пропасти. А в моём случае свидетельницу лучше держать при себе. Ну и конечно мне нужен Чендервилл. Есть там одни бумаги, которые могут наделать шума, если их правильно употребить. Они ещё от папаши этого Джозефа остались. Ну а вообще лучше, чтобы никто не знал моих истинных мотивов будущего вступления в брак с обиженной сироткой, а ныне женой Проклятого графа. Я ясно выразился, — в голосе тала Сворка вдруг явственно почувствовалась угроза.

— Да-да, конечно, мой друг конечно, — затараторил тал Хайли. — Я нем, как рыба.

— Вот и замечательно. Я надеюсь только, что графиню не придётся уговаривать. Всё-таки она намучилась и будет самым естественным для неё влюбиться в человека, который дарит ей столько внимания, то бишь в меня.

— О да, да. Я тоже так думаю. К тому же я уверен, сегодняшней вечер впечатлил графиню. Она давно не чувствовала такого внимания к себе...

Голоса стали постепенно приближаться. Они возвращаются! Сара недолго думая юркнула в колючие розовые кусты и, проваливаясь в нерастаявший местами снег, бросилась бежать к экипажу. Если они увидят, что она ещё не уехала, если они узнают... Слава Богу, вместе с их экипажем собирался трогаться и другой, какого-то подвыпившего аристократа, не иначе. Сара вскочила в карету, где в сильном волнении, с револьверами в руках ждал её Генрих, и крикнула кучеру, чтобы он трогал.

Всю дорогу до дома она не могла сомкнуть глаз. Стоило их закрыть, и она словно воочию начинала видеть дам и кавалеров, кружащихся по паркету Синего Дола и слышать их голоса. Чендервилл встретил её яркими окнами. Освещена была прихожая и гостиная.

Значит муж ждёт. Сара почувствовала, как сердце затрепетало в груди при мысли о Джозефе. Как она устала от этого вечера! Её исцелит только беседа наедине с мужем в полутёмной гостиной, лёгкий ужин и его ласковая улыбка.

Дверь открыл сам Джозеф. Он показался Саре бледнее обычного. Под глазами нарисовались мешки, щёки впали. От боли перехватило дыхание. Это было началом конца.

— Ты приехала. Наконец-то, — отрывисто бросил граф. — Я боялся за тебя.

Никаких «вы» и «графиня». Сара улыбнулась в ответ открыто и радостно и просто ответила:

— Я здесь. Всё хорошо. Пойдём в гостиную.

В гостиной она рассказала, стараясь ничего не забыть, подслушанный разговор и поведение тала Сворка на вечере, всё до мельчайших деталей. Для неё стало вдруг обычным делом делиться с мужем всеми своими мыслями и соображениями.

— Так значит он говорил про какие-то бумаги? — Джозеф задумчиво посмотрел куда-то, словно сквозь неё, будто погружаясь мыслями в прошлое. — Но отец никогда ничего мне не рассказывал об их существовании, хотя я уверен, что он сделал бы всё, что угодно, лишь бы найти того, кто подставил его. Да и насколько мне известно, последнее преступление он так и не раскрыл. Был близок к разгадке, но... К тому же я сам много раз просматривал его бумаги в надежде найти что-то, какую-то зацепку, но ничего не обнаружил. Там только судебные ведомости, газеты того времени, его записки и ещё всякие разные бумаги, касающиеся этого последнего дела.

— А в Чендервилле не может быть какого-то потайного хода или тайника?

— Есть и тайники и тайные ходы, но я знаю их все. За сорок лет вынужденного заточения, я изучил свой дом вдоль и поперёк, — печально улыбнулся Джозеф. — Но я посмотрю ещё раз, теперь уже другим взглядом. Может быть, тала Сворка действительно что-то может скомпрометировать, но мы об этом не догадываемся.

— А ты предполагаешь, в чём он может быть виновен? — Тихо спросила Сара. В голову лезли всякие мысли, одна страшнее другой.

— Я боюсь даже подумать об этом, — нахмурился Джозеф. — Сейчас у меня нет уже ни сил, ни времени, чтобы доказывать его виновность.

— Я догадываюсь, что он подставил моего отца. Вот только никак не могу понять, зачем.

— Как говорил мой отец: «Мотивы преступлений очень часто остаются нам неизвестными. Мы можем лишь догадываться о том, что двигало преступником».

Договорив, граф внезапно побледнел и схватился за грудь, улыбка сошла с его губ, глаза закатились.

— Джозеф, Джозеф, что с тобой?

Муж не отвечал. В глазах потемнело, дыхание перехватило. Неужели всё-таки тал Хайли как-то сумел отравить его? Боже, Джозеф! Только не умирай! Только не сейчас! Сара дотронулась до шеи. Пульс был, хоть и слабый. Что случилось?

— Генрих! Генрих!

Слуга прибежал через несколько минут. Видно было, что он уже собирался ложиться спать. Это и неудивительно. День выдался для него тяжёлый. Он увидел Джозефа и тут же, не теряя времени, кинулся за графином с водой.

— Что с ним?

— Думаю, обморок, графиня.

Сара стояла, прижав руки к груди, ни жива ни мертва. Она не знала, что сделать, чем помочь. А Генрих взял графин с водой. Немного воды поплескал в лицо графу, потом намочил салфетку и положил ему на лоб, затем расстегнул воротник рубашки и обтёр влажной салфеткой шею.

— Если не очнётся, надо будет сходить за нюхательной солью.

— Но что это может быть?

— Думаю, его болезнь, графиня.

Сара взглянула на печальное лицо Генриха и задавать ещё вопросы расхотелось. Ну да. Она же сама знала ответ. Рано или поздно, но у Джозефа должно было начаться ухудшение. Ведь она понимала с самого начала, когда приехала сюда, что ему остался год, не больше. Всего лишь год. И теперь это время, отпущенное её мужу начало постепенно утекать сквозь пальцы, медленно, но верно. Клеймо не щадит никого. И скоро, скоро уже настанет то время, когда он будет лежать в постели, немощный и обессиленный, не в состоянии узнать её, а потом придёт тал Сворк. Саре захотелось сжаться в комочек, спрятаться, заплакать. Она устала быть сильной. Но хуже всего, просто невыносимой была мысль о том, что Джозефа ожидает неотвратимый конец и ничего, ничего нельзя изменить!

Она взглянула на мужа. Генрих стоял рядом, готовый пойти за нюхательными солями. Бледность ушла с щёк, они порозовели, дыхание выровнялось. Наконец, Джозеф открыл глаза.

— Что случилось? — тихо произнёс он. Сара молчала. Сил говорить не было.

— Вы потеряли сознание, граф. Графиня перепугалась, — ответил за неё Генрих.

— Потерял сознание? Обморок? Что-ж, рано или поздно, это должно было случиться. Финишная прямая, — Джозеф усмехнулся и пристально посмотрел на Сару. — Спасибо Генрих, я думаю ты с чистой совестью можешь идти спать. Думаю, сегодня приступов больше не будет.

Когда старый слуга ушёл, тихо прикрыв за собой дверь, Сара поняла, что не может больше притворяться. Она уткнулась лицом в мягкую обивку кресла, чувствуя, как предательские слёзы прочерчивают дорожки на её щеках, одна за другой. Она услышала скрип отодвигаемого кресла и стук трости по паркету, но даже не обернулась. Если Джозеф хочет — пусть уходит. Напряжение сегодняшнего дня вымотало её. Волосы выбились из причёски и рассыпались по плечам. Она мотнула головой и вдруг вздрогнула, почувствовав нежное, почти невесомое прикосновение к волосам. Слёзы высохли сами собой. Джозеф... Он медленно гладил её по голове, ласково и едва ощутимо. Сара вздохнула и подняла к нему своё красное, распухшее от слёз лицо.

— Ну чего ты, глупышка, плачешь? — Муж стоял, опираясь на спинку её кресла, а в глазах было столько печали и нежности, что она едва узнавала его. — Зачем, ну зачем ты привязываешься ко мне? Моя болезнь вышла на финишную прямую, и лечения нет. Мы оба знаем это. Что теперь переживать? Это ведь ничего не изменит.

Сара сидела, затаив дыхание, чувствуя себя почему-то необыкновенно защищённой сейчас, когда Джозеф стоял так близко, а его рука лежала на её волосах. Он жив пока, и стоит рядом с ней, всё остальное не имеет значения.

— Молчишь? А ведь я когда женился, просто хотел помочь, найти достойную девушку, оставить ей своё состояние. Если бы только я знал, чем это всё закончится...

— Ты бы не женился на мне? — Спросила Сара, украдкой вытирая слёзы.

— Женился бы всё равно. Но старался бы меньше видеть тебя, хотя это наверное было

бы невозможно, — в голосе Джозефа слышалась мука.

— В этом нет твоей вины, — тихо ответила Сара, а потом ещё тише добавила. — Что бы ни случилось, я не смогла бы не полюбить тебя.

Сказала и замолчала в испуге. Что скажет ей Джозеф? Он тяжело вздохнул, прикоснулся губами к её волосам и тут же отвернулся.

— Если ты хочешь, знай, что я тоже не смог бы не полюбить, — глухо ответил он. — Но нам отпущено слишком мало времени. Меньше чем через год меня не станет. Ты будешь тосковать, и я ничем не смогу помочь. Я буду мучиться перед смертью вдвойне, зная, что каждое моё мучение находит отражение в тебе. Но если тебя устроит такая любовь, я дарю тебе её.

Сара никогда бы не подумала, что признание в любви может быть таким мучительным и сладким одновременно. Она тяжело вздохнула, бросаясь в омут с головой. Да. Она бы тоже ничего не смогла изменить, да даже если бы и смогла — не стала. Поэтому она молча встала, обогнула кресло и прижалась лицом к спине мужа, вдыхая его запах. Слёзы вдруг сами собой потекли вновь. Это признание было похоже на прощание. Кто знает, много ли у них ещё времени впереди...

Следующие несколько дней пробежали как один. Сара чувствовала себя счастливой, мучительно счастливой. Между ними с Джозефом как-будто исчезли все преграды. Разговаривать было необыкновенно легко. Наверное, это из-за того, что он наконец-то перестал называть её на «вы». Он словно смирился с тем, что есть то, что есть, выдержав долгую борьбу с собой и честно проиграв. Но муж не выглядел при этом несчастным. Только иногда между бровями залегала редкая складка.

Сара, честно говоря, совсем забыла про тала Сворка с его приглашением на охоту. Ей было совсем не до него. Она понимала, что должна точно узнать — он ли подставил отца и зачем ему Чендервилл с его бумагами. Но это всё отодвинулось на второй план, после приступа Джозефа. Она отдавала себе отчёт, что теперь даже знания, обладай ими тал Сворк и узнай она их случайно, вряд ли помогут Джозефу. Болезнь необратима. И даже если каким-то образом снять Проклятье, то кто остановит начавшийся распад? Им осталось совсем мало времени вдвоём и надо провести его так, чтобы запомнить на всю жизнь.

Сара не могла наговориться с мужем. Она жадно, украдкой рассматривала каждую его чёрточку, чтобы не забыть, воспроизвести в памяти, когда... Она содрогалась, но эти мысли всё чаще и чаще вторгались в сознание, не оставляя надежды. А потом выходила в сад (иногда они с Джозефом гуляли вместе, но ему уже тяжело было без посторонней помощи добираться до лавочки), садилась в укромном уголке и самозабвенно рисовала, воспроизводя в альбоме с маниакальным постоянством одно и то же лицо, а потом и фигуру. Ей казалось до этого, что она умела рисовать, но именно тот, кого она хотела нарисовать, никак не получался. То она не могла уловить его насмешливую улыбку, то глаза, смотревшие иногда так нежно, получались слишком колючими и суровыми, то излишне крючковатым выходил нос...

Когда уже начинало казаться, что ей грозит сойти с ума от однообразных занятий, она закрывала альбом и шла к Джозефу, чтобы отдохнуть рядом с ним и даже сейчас почувствовать молчаливую силу, исходившую от него.

За эти несколько дней он снова обыскал кабинет отца вместе с Генрихом, но не нашёл ничего нового, никаких бумаг и тайников. Тогда он принёс старые записи отца, разложил их в гостиной и они вместе начали внимательно их изучать. Может быть, хоть что-нибудь

имело отношение к талу Сворку. Но не было ничего, ни малейшей зацепки. Вечером, усталая и обессиленная, Сара уже хотела подняться в свою комнату, когда Генрих вошёл, сказав, что ей письмо. Письмо? Сердце подскочило, когда она узнала на конверте ровный почерк тала Сворка. Явился таки. А она уже успела о нём забыть. И снова кольнул страх. Когда-нибудь, он заставит её выйти за него замуж и от него никуда не скрыться. Сара помотала головой, отгоняя наваждение.

— Что там? — Спросил Джозеф, повернув голову. В неровном свете камина его лицо казалось лицом мумии. После первого приступа щёки впали ещё сильнее, чётко вырисовались скулы. Сара вздохнула и отвела от любимого взгляд. Смотреть на него, видеть его таким и знать всё, что она знала, было невыносимо.

— Записка от тала Сворка. Он всё-таки вспомнил обо мне и приглашает на охоту. Я так надеялась, что он забыл... — Сара вздохнула.

— Не хочешь — не езд.

— Я должна сыграть роль. Может быть, выясню что-то новое, — ответила Сара без прежнего энтузиазма, правда. Всё казалось неважным...

— Я боюсь, твоя роль только уверит его в том, что ты уже почти его.

— А если я не буду играть эту роль, он скорее найдёт способ избавиться от тебя, — вздохнула Сара.

Они помолчали. А потом она села писать письмо с благодарностями талу Сворку и ответом, что непременно будет. Охота была назначена на завтра, на час пополудни.

Вечером перед сном, когда она искала свою амазонку и собиралась на завтрашнюю охоту, в дверь постучали. Вошёл Генрих.

— Граф просит вас к себе. Он в кабинете покойного графа Даррена.

Сара удивилась, но покорно пошла за старым слугой. В кабинете было неожиданно светло. В кресле за столом, заваленным бумагами сидел Джозеф. Он морщился. Видно было, что яркий свет неприятен ему, но продолжал что-то рассматривать. Увидев Сару, он произнёс:

— Я кое-что нашёл. Мы искали сегодня не то и не там. Думаю это те самые бумаги, что ищет тал Сворк.

— И что в них?

— Прикрой дверь, — попросил Джозеф вместо ответа. Она прикрыла, подошла и села рядом с мужем на стул, терпеливо ожидая его объяснений. — Вот тут, в последнем деле отца, о колдовстве которое, есть несколько заметок и одна вырезка из газеты. Можно составить картину, если подумать. Видимо, этим отец перед смертью и занимался. В газетной статье высказано предположение о том, что колдун — человек состоятельный, среднего роста и возраста, ничем особо не выделяющийся ну и несколько ещё других примет. Далее там же сказано, что в ночь с пятого на шестое мая из нескольких селений пропали дети. Селения находятся вот здесь, на карте.

— Недалеко от Виллена, — ахнула Сара, рассматривая карту, по которой водил пальцем Джозеф.

— Да. Круг сужается. В глухомани колдуна труднее поймать. А потом вот ещё заметка, вроде бы не имеющая никакого отношения к этому делу, но именно в этой тетради отца я её нашёл. Он вёл тетради с записями по каждому делу. Так вот там написано, — Джозеф пролистал несколько страниц, нашёл нужное место и прочёл. — «Третьего мая тал С. Выехал из Гьердараунта в неизвестном направлении. Последний раз его экипаж видели

пятого мая возле Виллена». Есть ещё несколько вырезок из газеты с похожими сводками и каждый раз в тетради у отца появлялась запись о некоем тале С. Это может быть просто совпадение или же значит, что...

— Боже мой! — Сара прижала руку к груди. Догадка была столь ужасной, что она боялась даже подумать о ней.

— Да. Если это то, что я думаю и тал Сворк охотится именно за этой тетрадью и газетными вырезками, то это — именно тот самый компромат, которого он боится.

— Но это ведь только предположения. Кроме них разве нет никаких доказательств?

— Как бы Сара ни ненавидела тала Сворка правда, если это действительно правда, была настолько ужасной, что она просто не могла в неё поверить.

— Если бы у моего отца были доказательства, этот колдун уже давно бы сидел за решёткой с таким же клеймом как у меня.

— Но, подожди, как такое возможно? Тал Сворк выглядит примерно лет на сорок — сорок пять, то есть он твоих лет. Если бы он был тот самый колдун, который подставил твоего отца и которого так и не нашли, сейчас бы он уже был дряхлым стариком.

— Ты, верно, не читала ничего о колдунах, — усмехнулся Джозеф. — Я когда-то нашёл о них информацию, в основном благодаря тому, что отец занимался в своё время этим делом. Так вот колдуны могут почти всё — и выглядеть в сто лет на сорок и даже на двадцать — как уж кому захочется.

— Но неужели... — Сара вздохнула. — Неужели твой отец никогда об этом не думал? — Думал, но, видимо, улики были не на его стороне.

— Тогда почему же тал Сворк если он действительно... — она не могла выговорить слово «колдун» — действительно тот преступник, до сих пор никак не проявил себя.

— Ну а зачем ему попадаться ещё раз? Колдуны умеют плести сети понадёжнее грубого колдовства. Но для этого им нужны силы, а вот откуда они их берут — лучше не спрашивай. Эта информация не для твоих ушей.

Сара вздрогнула, додумав то, что не рассказал Джозеф и то, что слышала раньше по недомолвкам и бабьим сплетням. Картина получалась настолько угрожающей, что она всхлипнула и прижалась к Джозефу. Он с трудом повернулся в старом скрипящем кресле и обнял её, а потом погладил по голове как ребёнка. Она знала, что он страдает, потому что никак не сможет защитить её от ужасного тала Сворка, поэтому она сжала губы. Не плакать, ни за что! Она сильная. Она выдержит.

— Может быть, ты откажешься теперь от встречи со Сворком? — Тихо спросил он.

— Нет, — Сара покачала головой. — Если я не приду, рано или поздно он придёт за мной сюда. А там, на виду у людей я в большей безопасности. Он ведь скрывается и не может нарушить приличий. Да и в конце концов, может, это всё лишь наши предположения.

— Хотел бы я в это верить, — задумчиво произнёс Джозеф.

Утро было по-весеннему тёплым. Птицы заливались яркими трелями, ветки деревьев расцветали почками, из которых выглядывал серый пушок. Сара подошла к окну, открыла его и вдохнула запах весны. Неужели ей суждено, чтобы весна навсегда осталась в памяти, как самое тяжёлое и страшное время года? Время когда всё расцветает, будет омрачено смертью... Она вздохнула и принялась одеваться на охоту. Завтрак прошёл необычно молчаливо. Джозеф волновался за неё. Она научилась читать его чувства, как свои. Но, увы, он не в силах был ничего изменить.

Он ждал её в коридоре, как и тогда, перед поездкой на вечер к Сворку. Муж выглядел неважно, бледнее даже, чем в последние дни и с трудом стоял, опираясь на трость.

— Береги себя!

— Конечно, — она склонила голову, спрятав непрошенные слёзы.

У порога конюх подвёл ей лошадь. Сара вежливо поблагодарила его и пустила Меризз рысью. Встреча была назначена у старой развилки дорог, недалеко отсюда. Конечно, поэтичней места тал Сворк вряд ли мог найти. Сара уже успела там побывать. Летом, наверное, развилка утопала в зелени и нежилась в прохладной тени деревьев. Но даже и сейчас перекрестье дорог со старым разбитым указателем и раскидистым деревом, покрытым нежными молодыми почками, впечатляло своим уединением, тишиной и романтичностью. Хорошо было бы побывать здесь с Джозефом, но увы...

Сара вздохнула и завернула за поворот, с которого хорошего просматривалась развилка. Да. Сегодня от тишины и уединённости этого места ничего не осталось. С десятков кавалеров и столько же дам прохаживались по дороге, держа в поводу своих скакунов. Собаки носились повсюду, с азартным лаем спугивая любую пичужку, осмелившуюся присесть на нижние ветки деревьев. Сара сразу разглядела в этой толпе тала Сворка. Он сидел верхом, немного поодаль от всех и беседовал со своим неразлучным другом — доктором Хайли.

— Добрый день, графиня, — приветствовал он её лёгким кивком головы, искренне улыбнувшись. Сара замечательно сыграла свою роль. Хоть она и не хотела подъезжать прежде всего к талу Сворку, но приличия требовали поздороваться с хозяином.

— Добрый день, тал Сворк, — она тоже склонила голову.

— Я очень рад, что вы приехали, — Сворк внимательно посмотрел на неё, словно у него были сомнения на этот счёт.

— Ну я не могла не приехать. Всё-таки вы пригласили меня, — она мило улыбнулась, мысленно ненавидя себя за ложь.

— Это замечательно! — Просиял он. — Теперь, думаю, все в сборе. Ждём пару минут и можно начинать. Вам, графиня, наверное, ещё в новинку наши развлечения. Старайтесь не отставать от дам и не отъезжайте далеко. Собаки сегодня будут загонять кабана. А по весне дикие звери очень агрессивны.

Сара кивнула в ответ и подъехала к дамам, которые уже сидели на своих лошадях, мило переговариваясь. Они поздоровались с ней, даже не прерывая свой разговор. Конечно, дружба с этими особами была ей не нужна, но всё же они могли бы вести себя повежливее. Она вздохнула и отвернулась от них. Слова Сворка о диком кабанае никак не напугали её. Конечно, кабан — опасный зверь, но люди куда опаснее.

Когда подали сигнал к охоте и лошади сорвались с мест, Сара немного замешкалась, но

потом пустила Меризз в погоню за остальными. Ей даже нравилось то, что она немного приотсталала. Что хорошего находили мужчины в охоте? Азарт? Страсть? Бегство? Погоня? А может быть они любили убивать, любили кровь? После тала Сворка она ни в чём не могла быть уверенной.

Наверное, уже час, а то и больше она то скакала вслед за группой дам, то останавливалась на небольшом отдалении от них. Никто не выказывал скуки. Наоборот дамы живо обсуждали наряды кавалеров, их меткость и статью лошадей. Они говорили в основном об охотниках, но не об охоте. И зачем Сворк пригласил её сюда? Чего он намеревался добиться. Когда дамы в очередной раз прищипорили лошадей, Сара приотсталала, а потом и вовсе пустила Меризз шагом. Эти места она знала. Тал Сворк охотился почти в угодьях её мужа. Отсюда до Чендервилла было всего пару миль пути по прямой, через лес.

Она задумалась, когда Меризз вдруг шарахнулась в сторону, а потом испуганно всхрипнула.

— Что такое, милая? Что случилось?

Сара осмотрелась по сторонам. Ничего нового. Только шум охоты, который раньше заглушало щебетанье дам, вдруг послышался очень громко. Может быть, лошадь на что-то наступила? Или разглядела в кустах какого-нибудь мелкого зверька? Она слезла с Меризз, взяла её за повод и двинулась к ближайшим кустам. А лошадь проявляла всё больше и больше беспокойства. Она теперь уже явно нервничала, прыдала ушами и переступала копытами. Вдалеке послышался какой-то хруст. Сара обернулась. Ничего. Но хруст, а потом и треск приближался и становился громче. А дальше... В одно мгновение на поляну из кустов выбежал кабан. На секунду остановился, шумно втянул воздух, потом повернулся и уставился немигающим взглядом на Сару. С клыков капала слюна и кровь.

«Наверное, раненый», — мелькнуло в голове. Странно, но она даже не попыталась бежать. Ноги словно вросли в землю, а из горла не могло вырваться ни одного звука. Она мёртвой хваткой вцепилась в повод Меризз, плохо соображая, что делает.

Кабан был огромный, больше лошади, а клыки, острые, как ножи, казались величиной с локоть. Он ещё раз втянул воздух, а потом бросился к ним. Сара прижала руку к груди. В глазах потемнело. А в голове мчались, сменяя одна другую, глупые мысли. Интересно, за сколько секунд он добегит до неё, и сколько минут ему надо, чтобы разорвать её тело на мелкие кусочки?

А потом раздался выстрел. Одинокий и громкий, он словно разорвал оцепенение, и Сара увидела, как падает, словно подкошенный кабан, не добежав до неё несколько футов. Потом загремели ещё выстрелы. Животное задёргалось в предсмертной агонии и затихло. Возле поверженного кабана стоял, улыбаясь, тал Сворк, с ружьём в руке. Оно ещё дымилось. Не было сомнений, что это он стрелял. Но его самодовольная улыбка быстро привела Сару в чувство. Он подстроил это нападение! Иначе откуда ему знать, куда побежал кабан и успеть так быстро спасти её. Она в изнеможении прислонилась к боку Меризз, которая всё ещё дрожала. Это было уж слишком!

— Графиня, простите меня! Я недоглядел за кабаном и повёл охоту в другое место. Если бы с вами что-то случилось, это была бы целиком моя вина, — тал Сворк говорил с раскаянием и выглядел очень уж искренне и располагающе, слишком искренне. — Но я рад, что всё закончилось благополучно. Мой Пир, самая умная борзая в мире. Он почуял животное и указал мне след. Благодаря ему, я смог вовремя помочь вам.

— Благодарю вас, — ответила Сара, с трудом разжимая дрожащие губы. Она не верила

не единому его слову.

— Я сделал лишь то, что мог и я всегда к вашим услугам. Я благословляю случай, который познакомил нас тогда, в самом начале вашего пути, — заливался соловьём Сворк. Сара слишком устала, чтобы вслушиваться в его речь. Она сделала пару нетвёрдых шагов по поляне и поняла, что взобраться на Меризз без посторонней помощи не сумеет.

Тал Сворк, разумеется, был рад услужить. Он посадил её в седло и задержал её руку в своих намного дольше, чем следует.

— Я думаю, что вы слишком устали, чтобы продолжать участие в охоте. Да, по сути говоря, там и не в чем больше участвовать. Кабан повержен. Дам и кавалеров теперь ожидает пикник под открытым небом. Я провожу вас домой, чтобы вы, не приведи Небо, не упали по дороге.

Сара кивнула. Говорить не было сил. Тал Сворк взял повод и повёл Меризз за собой. В кустах неподалёку, привязанный, стоял и его конь. Он сел в седло и пустил коня шагом. Меризз шла за ним. Через какое-то время они вышли на поляну. Дамы мило беседовали в сторонке, слуги расчищали будущее место пикника. Увидев её с талом Сворком, они на мгновенье прекратили свою работу, а дамы замолчали. Сворк вкратце рассказал об окончании охоты. Сару бросились жалеть те, кто ещё час назад не обращал на неё никакого внимания. Тут же несколько человек пригласило её на свои вечера, пообещав прислать слуг с приглашением.

Наконец, они отправились домой. Саре было неприятно присутствие тала Сворка, но она за сегодня испугалась уже так, что никаких больше сил даже на страх не осталось. Но Сворк вёл себя вполне прилично. Тактично что-то спрашивал и отвечал, поддерживал повод, когда он выпадал у неё из рук и вёл себя как заботливый влюблённый. Если бы она не знала то, что знает о нём, то вполне бы ещё пару месяцев назад могла купиться на его ухаживания. Он был учтив и галантен и вовсе не походил на порывистого и горячего Армина. Да. Тал Сворк хорошо умел притворяться и знал, что может понравиться любой женщине. Но Саре сейчас он был отвратителен, отвратительней, чем обычно. С ней он допустил промах, посчитав её за глупую простушку, готовую кинуться на шею первому встречному спасителю.

У дороги, ведущей на Чендервилл, с которой видно уже было сад имения, Сворк попрощался с ней.

— Прошу прощения, за этот ужасный случай на охоте. Боюсь представить, что было бы, не успею я вовремя. И только тогда я понял, как тяжело мне было бы потерять вас. Графиня, я надеюсь, мы с вами ещё увидимся. Я очень хотел бы поговорить с вами.

Сара не могла обнадёжить его, но и отказывать было бы глупо. Ведь согласно роли, которую она играла, ей надо было показать, что она влюблена в него. Как это тяжело! Лгать и изображать то, чего нет.

— Я думаю, мы с вами ещё обязательно встретимся, тал Сворк, — она кивнула ему и пустила Меризз рысью.

А дома в Чендервилле она так и не нашла желанного отдыха. Расстроенный Генрих встретил её и сказал, что с Джозефом опять случился обморок. Граф пришёл в себя, но не так скоро, как в прошлый раз. Сара вздохнула. Теперь так будет происходить, наверное, всё чаще и чаще.

Когда она вошла к мужу в комнату, он лежал на кровати, без маски. Глаза закрыты, на бледном лице, покрытом шрамами и язвами, не было ни кровинки, тонкие, словно иссохшие руки лежали вдоль тела. Захотелось заплакать. И в то же время она почувствовала, что вот

именно сейчас и именно такого она любит мужа, любит безумно, больше, чем может высказать словами.

Сара нагнулась и прикоснулась губами к его лбу, а потом дотронулась рукой — убрать шаловливую прядь уже полностью седых волос. Джозеф открыл глаза и поймал её руку в свои.

— Ты уже вернулась? Видно, Генрих напугал тебя, — он попытался улыбнуться. Улыбка получилась вымученная. — Я, наверное, противен тебе сейчас.

— Нет. Ни капли, — Сара в какой раз уже сдержала слёзы. Она видела молящий взгляд Джозефа, и сердце рвалось рассказать ему, как сильно она его любит.

— Ну рассказывай, как прошла охота.

Сара начала рассказывать. Когда она сухо и в двух словах попыталась передать историю с кабаном, муж вздрогнул и сжал кулаки.

— Какой же он подлец! И почему меня там не было? Ты точно не ранена? Ничего не болит?

— Нет. Всё хорошо. Я уже почти пришла в себя, — Сара улыбнулась и вдруг обнаружила, что вся дрожит, как от холода. Наверное, сильный испуг давал о себе знать.

— Ты дрожишь. Генрих! Генрих! — Джозеф позвал слугу, не слушая её возражений. — Приготовь горячую ванну для графини. Она замёрзла на охоте, и передай Анне, чтобы она подогрела обед.

Сидя в горячей ванне, после плотного обеда, на котором настоял Джозеф, Сара понемногу отходила от ужаса, случившегося на охоте. Вспоминался тал Сворк. Век бы его не видеть! Хотелось быть с Джозефом, но она цеплялась за возможность хоть что-то узнать о клейме, как за последнюю надежду.

А потом потянулись долгие и однообразно-печальные дни. Джозефу становилось плохо всё чаще и чаще. Обмороки случались уже каждый день, и после них он был вынужден долго лежать в постели. Армин, который приезжал чуть ли не каждый день справиться о его здоровье, предложил найти другого доктора, но граф отказался. Обезболивающих микстур у него было много, а больше, пожалуй, ничего и не могло помочь.

Сара запомнила первый приезд Армина особенно ярко. Он соскочил с коня.

— Графиня, я могу с вами поговорить? — Голос сухой и какой-то холодный. Она в недоумении посмотрела на него. Конечно, они не близкие друзья, но повода обижаться она виконту не давала.

— Разумеется, виконт де Грааз, — также холодно ответила она ему.

— Я слышал, что самочувствие Джозефа заметно ухудшилось.

— Да, это правда. У него сейчас почти каждый день случаются приступы, — Она сказала это и сама не заметила, как предательски задрожали губы.

— Так почему же вы позволяете себе развлекаться в компании тала Сворка, когда Джо лежит на смертном одре?! — Армин со злостью пнул носком ботинка камешек, лежавший на почти свободной от снега тропинке. Вот теперь он снова стал похож на самого себя — искреннего и порывистого, того, виконта, которого она знала.

— Я не развлекаюсь, — невесело усмехнулась она. — Лишь ищу информацию, любую, которая может помочь Джозефу.

Она всё-таки не удержалась и смахнула непрошеную слезинку с ресниц.

— А Джо знает? — В голосе Армина наконец послышалось сочувствие.

— Разумеется. — Сара поджала губы. Разве могла бы она что-то скрыть от собственного

мужа? Нет. Не так. От любимого мужа.

Они какое-то время помолчали. Потом заговорили на какие-то отвлечённые темы. Наконец, Сара не выдержала.

— Армин, если вы хотите увидеть графа и поговорить с ним с глазу на глаз — идите. Я не буду вам мешать и прогуляюсь пока по саду.

— Благодарю вас, — он кивнул и развернулся к Чендервиллу. А потом вдруг оглянулся на неё и добавил. — Сара, я помолвлен. Свадьба будет через два месяца. Пожелайте мне счастья.

— От всего сердца, — она искренне улыбнулась, но на душе скребли кошки. Сможет ли Армин забыть её и не сделает ли несчастным свою жену? Было такое ощущение, словно она во всём этом виновата. Нет. Она просто устала.

Сара потёрла виски, облокотилась на ствол дерева и закрыла глаза. Хотя немного отвлечься от своих таких тяжёлых мыслей. Когда она последний раз навещала Язена? К стыду своему она не могла вспомнить. Последние несколько месяцев пролетели для неё как один день. Кажется, она видела брата две недели назад. А может три? Он научился писать и слал ей письма, написанные ровными печатными буквами. И она читала между строк, что брат очень скучает. Но что она могла сейчас дать ему? Надо съездить к нему завтра или может послезавтра. Но Джозеф... Её ночным кошмаром было заснуть, потом проснуться и узнать, что она опоздала. Она убеждала себя, что Генрих поможет мужу намного лучше. Но страх не поддавался убеждениям.

Когда она, раздумывая, возвращалась по тропинке домой, у дверей её встретил посыльный.

— Графиня Даррен?

— Да.

— Вот. Вам письмо от тальи Ведоры.

Сара с недоумением взяла и прочитала. Письмо оказалось коротенькой запиской-приглашением на вечер в имение тальи Ведоры. Ведора... Сара вспомнила низенькую полноватую женщину с крупным подбородком и бородавкой на левой щеке. Она соблезновала ей на охоте и одна из первых пригласила в гости. Опять вечер. Сара вздохнула. Потом поблагодарила слугу и сказала, что непременно будет. Надо посетить эту талью Ведору из вежливости, а потом отпроситься пораньше и заехать проведать Язена.

Мысль о том, что у тальи Ведоры она может опять встретить Сворка едва не заставила её расплакаться. Если... если она не спасёт Джозефа, придётся бежать с Язеном прочь отсюда, из Вилена со всех ног, а может быть, даже и из страны. Помилуй её Небо!

После той записки с приглашением, как из рога изобилия посыпались другие. На вечера или просто в гости, разумеется, без возможности ответного визита. Все вдруг начали её жалеть. И она ходила на эти вечера, неизменно оставляя своё сердце за дверями Чендервилла, в комнате мужа. Джозеф просил её просто быть осторожнее, но никак не противился её визитам. Может быть, тоже на что-то надеялся. А ей приходилось смеяться и улыбаться в гостях, делая вид, что она всему рада и всем благодарна, тогда как её сердце разрывалось от боли. И, конечно, тал Сворк... Он следовал за ней всегда, неразлучной тенью, присутствовал на всех вечерах и активно ухаживал за ней, готовя публику к их будущей помолвке. Все понимали, что графиня Даррен недолго пробудет вдовой и как только закончится положенный срок траура... Сара же не хотела об этом думать. Она всё чаще и чаще прикидывала пути отступления и куда можно будет скрыться, если

непоправимое всё-таки произойдёт. Но потом упрямо сжимала губы и отгоняла от себя невесёлые мысли.

Вот и сегодня её ждали к обеду в гостях у тальи, кажется, Дивонны. Она уже запуталась в их именах и степени родства. Сара надела лёгкое и простое платье, нитку жемчуга и зашла к мужу. Джозеф спал после очередного приступа. Он выглядел таким бледным и измождённым, что ей стоило большого труда не заплакать. Она наклонилась и прижалась губами к его руке, безвольно лежавшей на одеяле, а потом осторожно вышла. После приступов ему нужен был покой.

Армин несмотря на подготовку к собственной свадьбе и отказ Джозефа общаться с докторами, всё-таки не прекращал поиски. Микстуры, способные облегчить болезнь, доктора, что угодно, лишь бы помочь. Он не жалел денег ради своего друга. Сара знала об этих поисках и была благодарна ему. Сама же она пыталась узнать всё, что могла о своём муже и Проклятье его родных. Она спрашивала, притворяясь, что ей просто интересно побольше узнать о роде Дарренов, смеялась и шутила, а потом прислонялась разгорячённым лбом к оконной раме и с трудом сдерживала слёзы. Она наслушалась старых сплетен, в которых Дарренов выставляли в таком свете, что Саре приходилось краснеть, но ничего, никакой информации о Проклятье. А тал Сворк, единственный, наверное, кто знал больше, чем просто старые сплетни, был изворотлив как уж. Она боялась сказать лишнее слово, чтобы он ненароком не догадался о том, зачем ей это надо.

Подъезжая к дому тальи Дивонны, Сара перебрала в уме все свои печальные мысли, потом вздохнула и снова надела маску салонной дурочки. Сейчас несколько часов ей предстоит веселиться и танцевать, делать вид, что всё в её жизни замечательно. Да и как же могло быть иначе — сначала обедневшая всеми презираемая тали Бален, дочь вора и распутницы в глазах света, потом — графиня Даррен, но жена ужасного Проклятого графа и теперь-то, наконец, на неё обратил внимание человек во всех смыслах достойный, который облагодетельствовал её своим вниманием и вывел в свет. Есть от чего радоваться жизни, по крайней мере в глазах высшего света.

Талья Дивонна, женщина средних лет, встретила её вполне благосклонно. Разумеется, на вечере у неё был и тал Сворк и все те, что составляли ему компанию на охоте. Все разговоры крутились вокруг брака виконта Армина де Грааза и тали Кейт Марсел. За несколько минут Сара успела узнать, что тали Марсел была из богатой, хоть и не такой знатной семьи, как Граазы, вела почти отшельнический образ жизни, ухаживая за престарелым отцом после смерти матери и была старше виконта на пару лет. А дальше пошли сплетни и такие грязные, что Сара невольно покраснела и отошла к окну. Она была рада за Армина, но поняла, что его здесь не любят. Потому что во-первых до кого-то дошли слухи о его странной привязанности к Проклятому графу, а во-вторых, потому что он ни разу не посещал всех этих вечеров и балов, предпочитая им компанию своих армейских друзей. Всё-таки она рада, что виконт не был причастен ко всей этой грязи, что звучала тут каждый день.

— Графиня Даррен, вот вы где. Я искал вас, — знакомый ненавистный голос раздался за спиной. Сара медленно повернулась, приклеивая улыбку непослушным губам. — Не хотите ли выйти прогуляться? А то, я вижу, вы устали от болтовни нашей слишком радушной хозяйки.

— Конечно, тал Сворк, с удовольствием.

— Зовите меня просто Артур, — Сворк улыбнулся и подал ей свою руку. Сара едва не

вздрыгнула, но вложила в его руку свою и вышла вместе с ним в сад.

Маленький уютный садик тальи Дивонны действительно был очень красив, даже сейчас, весной. Тал Сворк вёл её по тропинке, увлекая за собой, прочь от дома. Сара послушно шла за ним, вдыхая полной грудью ароматы весны. В сердце вдруг проснулась надежда. Она даже поверила, что выход есть, что она обязательно сможет помочь мужу. Тал Сворк что-то говорил. Она кивала в ответ, но почти не слушала его. Вдруг что-то в его словах заставило Сару насторожиться и вслушаться внимательней.

— ... Дорогая Сара, — они уже на «ты». Надо же! — Я думаю ты давно уже знаешь, что я к тебе равнодушен. Моя жизнь изменилась с того момента, как я увидел тебя в своём доме, вместе с маленьким братом. Если бы я мог, то помог бы тогда же. Но увы... Пришлось ждать так долго, чтобы решиться открыть тебе свои настоящие чувства. Я понимаю, что в данный момент судьба нам не благоволит, но если ты скажешь только слово...

Сара молчала, упрямо делая вид, что она смущена и не знает, что ответить. На самом же деле она лихорадочно думала. Так. Что тал Сворк ещё хочет от неё услышать? Он же помолчал немного, потом взял её за обе руки, развернул к себе и попытался заглянуть в глаза.

— Сара, почему ты не отвечаешь? Может быть, боишься своего мужа? Наверное, он отвратительный тиран и очень сильно тебя мучает. Если это так, то, боюсь, я больше ни дня не вынесу твоего мучения. Хоть доктор Хайли и говорит, что Проклятому графу осталось недолго — всего лишь год или около того, но целый год видеть мучения любимой женщины! Я не выдержу этого! Хотя, ты, конечно, можешь быть спокойна — от Проклятья нет никакого лечения и рано или поздно твой мучитель умрёт. Но мне видеть это невыносимо, — и тал Сворк, виртуозно сыгравший роль пылкого влюблённого даже стёр слезу. Сара стояла в нерешительности, не зная, что ему ответить. Видимо, Сворк принял её нерешительность за согласие с его словами, потому что вдруг продолжил. — Есть, конечно, одно средство... Ты, наверное, будешь проклинать меня, но я поговорил с доктором Хайли и он согласился, что это самый лучший и самый гуманный выход. В конце концов и ты не будешь мучиться и этот Проклятый несчастный преступник тоже закончит свои дни до того, как страшная боль начнёт терзать его тело и запутывать мысли.

Сара начала постепенно догадываться, что хочет от неё тал Сворк и ужас липкой змеёй начал заползать под кожу. Она подняла на него глаза, и, наверное, Сворк заметил этот ужас, потому что сказал с несвойственной ему мягкостью

— Ну чего ты, Сара? Это всего лишь лекарство, возможность безболезненно закончить свои дни.

— Вы предлагаете мне яд? — Её голос дрожал. Небо! Только не показывать своих эмоций!

— Ну что ты, милая, какой яд? Так просто, небольшое лекарство. Всего лишь подлей его графу в еду. Уверяю тебя, он ничего не почувствует! Зато ты будешь свободна и мы, наконец, сможем пожениться. У меня сердце разрывается видеть, как ты сидишь одна в этом доме отшельницей, а я даже не могу навестить тебя.

— Но... но я не знаю. Давать графу такое лекарство... — Сара сделала вид, что сомневается, хотя внутри её всю колотило от ненависти, страха и боли. Хотелось убежать и заплакать.

— Ничего, ничего дорогая. Я верю, что ты справишься. Ведь это будет самый гуманный конец, который он даже не заслужил, благодаря своим преступлениям. Всё-таки клеймо

накладывают преступнику с такой целью, чтобы он мучился и тем искуплял свои прегрешения, ну а здесь ты добровольно прекращаешь его мучения. Да это просто счастье для него! Он возможно даже сам будет просить о смерти. — И тал Сворк протянул ей небольшую стеклянную мензурку. — Всего пару капель, дорогая. И не бойся! Этим ты лишь освободишь его грешную душу. Всё-таки, и к таким преступникам нужно проявлять снисхождение. Пойдём, я провожу тебя.

И тал Сворк проводил её до кареты, сказав, что объяснит талье Дивонне, что ей внезапно стало плохо и она решила вернуться домой. А Сара всю дорогу до Чендервилла машинально прижимала к себе мензурку с ядом. Она не будет плакать! Она сильная! Она выдержит!

Джозеф сначала рассмеялся, услышав про яд, потом вздохнул и обнял Сару. Она не могла сдержаться от слёз и всхлипывала у него на плече.

— Ну что ты, что ты? Ничего страшного. Всё будет хорошо. Я ожидал чего-то подобного от тала Сворка. А мензурку я заберу. Будет интересная улика против него. Правда, кто мне поверит, но всё-таки... У меня ещё остались реагенты, сохранились от отца. Он когда-то занимался этим, в свободное от работы время. Надо тряхнуть стариной и разобраться, что за яд и что в его составе. Может быть, я сумею найти противоядие, на всякий случай.

А Сара не могла успокоиться. Всё напряжение последних дней вылилось в слезах. Её всю колотило. Она почувствовала, как Джозеф усадил её на софу и обнял, нежно поглаживая по волосам. Почему-то ей всегда становилось спокойно от этого. Когда-то давно так делал отец... Сара вздохнула и вытерла слёзы. Ещё не раз ей придётся быть сильной.

— Тал Сворк больше никуда тебя не звал? — спросил муж, когда она, наконец-то, успокоилась.

— Нет пока.

— Значит он ждёт пока, что ты исполнишь задуманное.

— Но как он это узнает?

— Узнает, не бойся, — задумчиво ответил Джозеф.

— И что будет тогда? — Сара сжала губы и поправила выбившиеся из причёски пряди.

— Что бы не было, надо быть готовыми ко всему.

Сара покачала головой, но промолчала. С недавних пор тал Сворк внушал ей какой-то суеверный ужас, и она просто не верила, что можно быть готовой к следующей встрече с ним.

Но тем не менее последующие дни прошли в приготовлениях. Джозеф отдавал какие-то приказы Генриху и слугам, а сам не расставался с револьвером. Сара же опять положила за корсаж кухонный нож. Несмотря на непрочность этого оружия, чувствовать кожей холодную сталь было спокойно. Они словно застыли и жили в ожидании чего-то страшного, что должно было случиться.

Но прошла неделя, началась вторая, а тал Сворк не появлялся, и не было даже таких обычных приглашений на вечера, словно все про неё забыли. Это было само по себе странно. Какое-то беспокойство витало в воздухе. Как будто не хватало сил, чтобы вдохнуть полной грудью.

Утром, кажется, это был вторник, Сара села писать письмо Язону. Она невольно улыбалась, представляя, как он вырос. В последнюю их встречу брат вытянулся вверх на целую ладонь и выглядел уже совсем серьёзным и взрослым. Он с гордостью сказал ей, что сегодня учитель измерил их линейкой, и он оказался выше всех в классе. Увлечённая письмом, она сначала не обратила внимания на стук входной двери. И лишь тогда, когда в коридоре послышались тяжёлые шаги, неожиданно гулко прозвучавшие в тишине, она вздрогнула.

Сердце забилось от страха. Захотелось вдруг спрятаться и убежать. Почему в доме стало так тихо? Где шёпот служанок, где звон моющейся посуды, где стук кастрюль? Почему Генрих молчит и не предупредил их с Джозефом о посетителе? Что творится? Но Сара в какой раз уже взяла себя в руки, сжала губы, и вышла из комнаты. Лучше пусть тот, кто ищет

её, найдёт её в коридоре, чем в пустой комнате.

Коридор был неожиданно ярко освещён, и в конце его она увидела знакомую фигуру. Тал Сворк шёл по Чендервиллу, не таясь, как хозяин, а не гость. И было в его походке и чертах лица что-то зловещее. С заострёнными скулами, в чёрном плаще он внушал ужас.

— Добрый день, графиня, — он отвесил ей шутовской поклон.

— И вам добрый день, тал Сворк. Что же вы врываетесь без стука?

— Ну как же, без стука? — Он ухмыльнулся. — Я стучал, правда, ваш слуга оказался не очень стговорчивым. Пришлось устранить его.

— Устранить? — Сара почувствовала, как её сердце сжалось от страха и она начала медленно отступать к комнате Джозефа. Неужели он не слышит?

— Не берите в голову, графиня. Я вижу, вы боитесь меня. А жаль! Я уж было поверил... Просто я тут недавно узнал, что вы не выполнили мою просьбу. А я так этого хотел и стремился к этому. Почему? Испугались? Но я же не кусаюсь. Или, может быть, не хотите быть со мною рядом? — Тал Сворк подходил к Саре, она отступала, пока не упёрлась в стену. — Милая Сара, неужели вы боитесь меня? Или, может, ещё не пылаете ко мне ответным чувством? — Он взял её за руки. — Напрасно. Впрочем, время лечит и вы скоро обязательно полюбите меня, иначе... — В последнем слове прозвучала угроза. — А теперь я возьму задаток.

И он наклонился к ней, прижимая к стене. Сара вздрогнула и, ничего уже не соображая, чувствуя животный страх, попыталась оттолкнуть Сворка. Ей казалось, что если он сейчас коснётся её, случится что-то страшное, ужасное, неисправимое. Она попыталась закричать, но из груди вырвались только какие-то хрипы. Вдруг она услышала чьи-то шаги, и такой знакомый любимый голос произнёс:

— Оставь её, сейчас же!

Сворк развернулся, отпустив Сару. Она увидела Джозефа, который стоял, тяжело опираясь на трость одной рукой, а в другой держал револьвер. Но ведь он же не сможет выстрелить!

— И кто меня остановит? Уж не ты ли, без пяти минут покойник? — Хрипло рассмеялся Сворк. Сейчас он не походил на того салонного тала Сворка, которого Сара привыкла наблюдать. Его терпение кончилось, и он снял маску. Джозефу не устоять перед таким здоровым и опасным противником. — Ты ведь не сможешь выстрелить. Твоё Проклятье сжирает тебя изнутри. Но ты долго держишься. Такой же крепкий, как и твой отец. Правда я и так слишком долго подбирался к этому дому и терпел. Теперь мне надоело.

При этих словах тал Сворк совершил какое-то движение руками. Сара не поняла, что произошло. В голове мелькнула мысль, что он достаёт револьвер. Но он просто поднял руки, что-то выкрикнул и огромный сверкающий шар вылетел прямо из его открытых ладоней и ударил Джозефа в грудь. Сара вскрикнула в ужасе и рванулась к мужу, увидев, как медленно оседает на пол его тело. Пусть мир рушится, пусть тал Сворк хоть сожжёт её живьём, но Джозеф не должен умереть.

Она упала на колени и обняла мужа, дрожащими руками пытаясь прослушать его пульс.

— Не трудись, он умрёт завтра, на заре. Его ослабленное тело не в силах будет вынести такого удара. Мне очень жаль, графиня, я искренне пытался сделать всё, что в моих силах, но вы выбрали его. А вы знаете, жизнь свидетелей преступления обычно не стоит и гроша. Я надеюсь, вы одумаетесь, и через год мы поженимся, хотя я, разумеется, перееду к вам раньше, чтобы уладить все необходимые дела. Но, не приведи Небо, вы сбежите. Я найду вас

на краю света. И вас и вашего брата. И буду наслаждаться вашей долгой и мучительной смертью. — И тал Сворк засмеялся. Сара вздрогнула и ещё крепче прижала к себе тело Джозефа. — И поберегите силы. Они ещё вам пригодятся. Вам, а не ему.

И тал Сворк ушёл. Сквозь слёзы и шум в ушах, Сара слышала стук входной двери и шелест гравия на аллее. О, Боже, Джозеф! Что ей теперь делать?

Дрожащими руками она расстегнула рубашку на груди мужа. Пульс был, но очень редкий, почти неслышный и незаметный. Голова Джозефа была запрокинута, глаза закрыты. Что ей делать? В комнате есть нюхательные соли, может быть, попробовать их? Но здесь в коридоре сквозняк. Надо перенести мужа в комнату. Она сама не справится. Где слуги?

— Генрих! Мэри! Анна! — Сара позвала их несколько раз. Никакого ответа.

Она схватилась за голову, потом сжала губы, обняла Джозефа и попыталась поднять его. Это оказалось чуть легче, чем она думала. Всё-таки муж был очень сильно истощён.

С огромным трудом Сара втащила его в комнату, облокотила о кресло и упала почти без сил рядом с ним. Но потом встала. Не время медлить. Она нашла нюхательные соли и графин с водой. Сначала побрызгала водой на Джозефа, потом поднесла ему к носу соль. Но это не помогло. Шли томительные минуты, а грудь наоборот вздымалась всё реже и реже. Пульс стал едва уловимым и словно затихал. Сара схватилась за голову, а потом обняла Джозефа и зарыдала. Отчаянье накрыло её. То беспросветное отчаянье, когда не видно выхода.

— Я же люблю тебя, люблю. Почему, ну почему ты должен умереть? Небо, как это несправедливо, — всхлипывала она.

Потом наступило оцепенение. Она не могла думать, не могла искать помощи, не могла действовать, только сидела, обнимая мужа и придерживая его голову и любовалась последними минутами, повторяя как заведённая, что любит его. Почему он об этом не успел узнать и услышать от неё? Вдруг она почувствовала, как под её пальцами, лежащими на шее Джозефа, что-то дёрнулось. Она посмотрела вниз, на свои руки. Глаза слипались от слёз. Под пальцами что-то слабо светилось. Она отняла руку. Клеймо. Конечно. Как же она забыла об этом зримом знаке Проклятья? Но она раньше никогда не видела, чтобы оно светилось. А может просто не присматривалась... Она ненавидела это клеймо, но оно было неотделимо от мужа, которого Сара любила. Вдруг подчиняясь мгновенному наитию она прикоснулась к нему губами. В голове билось одно: «Люблю». И... Мир закружился и поплыл перед глазами.

Она очнулась и сначала не поняла, где находится. Голова кружилась. Звуки доносились как сквозь марево. Где-то тикали часы. За окном всюю распевали птицы. И Джозеф... Он наверное уже мёртв, а она лежит. Сара попыталась встать и поняла, что ей это не удастся. Голова закружилась так сильно, что она на несколько секунд потеряла сознание, а когда снова очнулась, почувствовала что-то влажное и холодное на голове. А потом голос, его голос, произнёс:

— Сара, Боже, как ты меня напугала!

— Джозеф? — В изумлении с трудом выговорила она.

— Да-да. Только лежи, не вставай. Тебе надо поесть. У тебя, видимо, голодный обморок. И только после еды я буду с тобой разговаривать.

Сара изумлённо замолчала. Она попыталась открыть глаза, но разглядела только знакомую фигуру в дверях. Через несколько минут муж вернулся с подносом, полным еды и заставил её съесть немного горячей каши с мясом и тёплого молока.

— Ну теперь, когда ты поела, мы можем поговорить.

— Что случилось? — Спросила Сара, когда первое потрясение улеглось.

— А это я должен узнать у тебя. — Джозеф присел рядом с ней и она с удивлением обнаружила, что лежит на кровати в его комнате. — Последнее, что я помню — это тал Сворк, который пришёл сюда для того, чтобы отобрать у меня жену, — Сара услышала в его голосе едва сдерживаемую ярость. — Потом вспышка света и пустота. И вдруг я очнулся возле кресла на полу в своей комнате, а у меня на коленях ты, в бессознательном состоянии. Я перенёс тебя на кровать и не могу понять, что случилось и где этот мерзавец.

Сара вздохнула, потом покраснела и посмотрела на Джозефа. Неожиданная надежда, мелькнувшая в сердце тогда, когда уже ни для какой надежды не оставалось места, вызвала радостную улыбку на лице. А ещё минутой позже она вскрикнула:

— Ох! — И в изумлении поднесла руку к губам.

— Что такое? — Муж всё ещё ничего не понимал.

— У тебя почти исчезли язвы с лица.

— Не может быть! — Ахнул Джозеф и бросился к зеркалу. Сара заметила, что он забыл про трость и уже почти не хромал. Он долго стоял, рассматривая себя в зеркало, а потом бросился к ней. — Расскажи быстрее, что случилось!

Сара начала рассказ. Она краснела и смущалась, описывая свои слова и поцелуй, но понимала, что это может быть имело решающее значение.

— Постой, ты поцеловала меня в клеймо и сказала, что любишь? — В голосе Джозефа больше не было печальной меланхолии, только нетерпение, как перед большим открытием. Глаза его горели.

— Да, — тихо ответила Сара, а потом опустила глаза и добавила. — Я могла бы произнести это ещё раз.

— Не надо. Я верю, — Джозеф порывисто наклонился над ней и поцеловал в лоб. — Получается, что ты спасла меня каким-то неведомым способом.

— Тал Сворк сказал, что ты умрёшь на заре, — тихо кивнула Сара.

— А я не умер. А клеймо? Что с ним? — Джозеф открыл ворот и повернулся боком к ней. И она опять едва не вскрикнула. Оно было на месте, но бледное и едва различимое.

— Оно бледное и его почти не видно, — тихо ответила она.

— Так вот он способ, который я искал столько лет, — расхохотался вдруг Джозеф. А потом наклонился к Саре и попросил. — Но не пугай меня так больше. Я не мог привести тебя в сознание несколько часов. Видимо каким-то образом вместе со своей любовью ты передала мне часть своих сил. Я не пойду больше на такие жертвы. Теперь я почти здоров и, надеюсь, проживу ещё много лет, если угодно Небесам.

— Я люблю тебя, — только и смогла в ответ прошептать Сара.

— Я тоже. А теперь тебе надо поспать. Мы подумаем обо всём завтра.

— А Генрих и Мэри, где они? Тал Сворк сказал, что устранил их, — спросила Сара, с ужасом ожидая ответа.

— Они все спали.

— Спали?

— Да. Где кого застало колдовство Сворка. Спасибо ещё, что в доме не случилось пожара и никто не упал в бак с кипящей водой. Генрих был очень расстроен, но я быстро успокоил его. В конце концов в том, что мы недооценили тала Сворка, нет его вины. А теперь поспи. Я буду рядом, на случай, если он вернётся.

Сара хотела спросить, а что Джозеф сможет противопоставить его колдовству, но глаза слипались. Действительно, все разговоры лучше оставить на завтра.

Она спала. Джозеф сидел рядом и любовался. Теперь, когда он наконец имел право любить, нужные слова куда-то исчезли и он чувствовал робость юноши. Теперь они с женой почти на равных. Возможно ли это или нет, но Сара спасла его, излечила. Он искал противоядие много лет, потом отчаялся, потом уже перед смертью решил помочь, сделать доброе дело. Он умирал от одиночества и боли, и когда уже совсем ни на что не надеялся, Небо послало ему её. Чудная штука жизнь, чудная и странная. Зато теперь, когда он чувствует в себе силы и выглядит почти как прежде, он никому и никогда не отдаст свою маленькую, хрупкую, но в то же время такую упрямую и сильную жену.

В дверь постучали. Вошёл Генрих. Джозеф взглянул на него, потом приложил палец к губам, кивнул на спящую Сару и вышел.

— Там пришёл виконт де Грааз. Я сказал, что вы выйдете к нему. Вы правда себя лучше чувствуете, граф? — Генрих обеспокоенно разглядывал его.

— Намного, — кивнул Джозеф. — Прежние силы возвращаются ко мне.

Он осторожно прикрыл дверь в комнату, где мирно отдыхала Сара, и спустился вниз, в гостиную.

— Джозеф! Ты жив! Слава Богу! — Армин бросился к нему и обнял. — До меня просто дошли странные слухи.

— И кто распускал эти слухи? Уж не доктор Хайли?

— Может быть, — Армин нахмурился. — А что случилось?

Джозеф вздохнул, потом сказал:

— Присаживайся, это долгая история.

Они сидели в креслах у камина и говорили, а Джозеф вдруг подумал, что он впервые за много лет чувствует себя обычным человеком, без мыслей о том, когда придёт смерть и сколько новых язв появилось на теле. А ещё совсем не болели ноги, и яркий свет больше не напрягал глаза.

— Никогда даже подумать бы не смог ни о чём подобном, — удивлённо ответил виконт, выслушав всю историю. — И что ты теперь собираешься делать?

— Готовиться к встрече с талом Сворком. — Джозеф посерьёзней. Задача стояла нелёгкая. Как победить колдуна? Приди он или Сара к служителям правопорядка, им никто не поверит. Но вот виконт... — Армин, у меня есть небольшой план, — тихо начал он.

— Какой?

— Тебе надо будет явиться в отдел правопорядка и намекнуть, что ты видел колдуна и знаешь, где его найти. Причём намекнуть очень настойчиво. А дальше дело будет уже за ними. Отец говорил когда-то, что револьвер с серебряными пулями очень действенная вещь.

— Они скорее всего захотят поймать тала Сворка живым. К тому же, если он так силён, как ты видел, что может и слуг усыпить и убить человека, то ему ничего не стоит разметать их всех, — нахмурился Армин.

— Не стоит, — согласился с ним Джозеф. — Но на то они и служители правопорядка. Не упустить Сворка и заработать несколько сотен сольденов в прибавку к зарплате

— их личный интерес. Наша задача — сделать так, чтобы они нам поверили.

— Точнее мне, — усмехнулся Армин.

Джозеф кивнул, потом задумчиво продолжил:

— К тому же, насколько я знаю, колдунам нужна подпитка. Я думаю, леденящие ужас слухи и страшные истории о них в детстве слышали все. И, боюсь, половина из них — правда. Рано или поздно, сила Сворка потребует своего и тогда его будет легче поймать. Главное — дождаться этого момента.

Они оба замолчали. Джозеф прикрыл глаза. Он чувствовал, как кровь бежит по жилам, как сердце стучит ровно, отзываясь в каждой клеточке тела. Хотелось бежать, идти, искать Сворка. Он с трудом удерживал себя, упиваясь неожиданным исцелением. И в то же время он каждую секунду помнил и думал о той, что спала наверху и чья хрупкая и мужественная душа спасла его. И это наполняло его какой-то странной новой радостью, без примеси печали.

— Как Сара? — голос Армина вывел его из задумчивости. Джозеф открыл глаза и неохотно ответил.

— Она спит и, надеюсь, проспит возвращение Сворка, будь он неладен.

— Когда, ты думаешь, стоит его ждать? Я ведь не смогу за пару часов обернуться до Виллена и обратно с отрядом служителей правопорядка. Да и пока они мне поверят, пока будут проверять...

— Тут есть два варианта, — Джозеф говорил неторопливо. Он думал. — Либо тал Сворк придёт на заре, ну или днём, чтобы точно удостовериться, что я мёртв, либо он имеет здесь своего осведомителя и не такой дурак, чтобы соваться в ловушку. Если я прав, то во втором варианте он затаится и будет выжидать. Нам это только на руку. А если служители правопорядка заинтересуются им, то всё своё внимание ему придётся переключить уже на них. А мы с Сарой получим передышку на какое-то время. Мне, если честно, хочется просто нормального человеческого отдыха. Я устал быть больным и устал от того, что мою жену на званые вечера сопровождает кто-то другой, — Джозеф нахмурился. Нет. Теперь он никому не позволит сопровождать его Сару.

— Да ты ревнуешь! — Удивлённо воскликнул Армин, а потом засмеялся и похлопал его по плечу. — Ты знаешь, а мне ведь почти не больно видеть твою Сару и говорить с ней. Моя невеста вовсе не так дурна, как мне сначала в отчаянии казалось.

— Я желаю тебе такого же счастья, которое испытываю сам, — немного смущённо ответил Джозеф и отвернулся. Он отвык от простого дружеского общения. Точнее не так — он не привык. Армин — это Армин. Но Сара внесла в его жизнь нечто новое. Она заставила сердце биться быстрее.

Они помолчали ещё немного, потом виконт откланялся, а Джозеф медленно поднялся и направился в комнату, к Саре, к любимой жене.

Сара проснулась и тут же вздрогнула. Ей на секунду показались, что тревожные сны, которые она видела — реальность, что Джозеф мёртв и... Но как только она пошевелилась, с кресла возле кровати поднялся человек.

— Джозеф, — прошептала она и улыбнулась. Кошмары рассеялись как дым. — Сколько я спала?

— Почти сутки. Я уже начал нервничать, — Джозеф улыбнулся, а потом вдруг нагнулся и прикоснулся губами к её лбу. Это было очень неожиданно и приятно. Наконец-то её муж перестал бояться и стесняться себя. Сара закрыла глаза, потом снова открыла, словно вспомнив что-то очень важное.

— А тал Сворк? Он не появлялся?

— Нет, — Джозеф нахмурился. — И никаких вестей не подавал. И это странно. Он скорее всего откуда-то узнал о том, что я жив и мне это не нравится.

— Но, что мы будем делать, когда он вернётся? — Сара опять вздрогнула, как после кошмара. Почему-то в это солнечное и светлое утро возвращение Сворка пугало её больше, чем обычно. Джозеф жив и почти здоров, всё наконец хорошо. Почему же она должна со страхом ждать возвращения Сворка? Почему она не может просто отдохнуть?

— Я попросил Армина связаться со служителями правопорядка. Надеюсь, его речь покажется им убедительной. От этого зависят наши дальнейшие действия.

— А у тебя точно хватит сил? — Осторожно спросила Сара, стараясь, чтобы слова не прозвучали для Джозефа обидно.

— Должно, — лаконично ответил он. Потом улыбнулся и добавил. — Теперь я точно не дам тебя в обиду. Тал Сворк никогда не причинит вам с Язеном вреда, обещаю.

Сара успокоено вздохнула. Как всё-таки приятно было чувствовать себя слабой, не утешать, но искать утешения.

Прошло несколько дней. Сворк не показывался, и никаких вестей о нём не было. Армин приезжал несколько раз и с хорошими новостями. Служители правопорядка поверили ему и заинтересовались. Джозеф обрадовался — половина дела сделана. Сара тоже вздохнула свободнее. Всё-таки мысль о колдуне, гулявшем где-то поблизости пугала её. Но теперь уже не было той гнетущей тоски, что не давала свободно дышать. Теперь они с Джозефом принадлежали только друг другу, не отдавая ничего болезни. Они радовались, шутили и даже смеялись, гуляли по саду, не в силах надыхаться друг на друга. Сара, наконец-то показала мужу любимые закоулки в его же саду. И оказалось, что раньше, он тоже бродил там. Может быть, они даже думали об одном и том же, вдыхая пряный весенний воздух.

А утром четвёртого дня прискакал Армин, на взмыленной лошади. Сара увидела его в окне. Сердце сразу тревожно застучало, предчувствуя беду. Она бросилась вниз, в прихожую, чтобы там едва не столкнуться с мужем и виконтом. Армин вбежал, запыхающийся, бледный, без шляпы. Она никогда его таким не помнила.

— Что стряслось, Армин? — Голос Джозефа звучал глухо. Сара обернулась. Он тоже волновался, хотя старался и не показывать этого.

— Может быть графине лучше уйти? — От слов виконта ей стало дурно, а страх, ещё не оформившийся в слова, липкой рукой вцепился в горло, но она помотала головой.

— Нет. Что случилось?

— Из пансиона тальи Терроны пропал Язен, сегодня, несколько часов назад.

Сара в ужасе прижала руку к губам. Она хотела крикнуть, но сил на крик не осталось. В груди словно что-то замерло, в глазах потемнело. Она пошатнулась и упала бы, не поддержи её Джозеф. Какая же она бессердечная! За своим безоблачным счастьем почти забыла о брате. А ведь этого следовало ожидать. Сворк так просто от своих планов не отступится.

Она полулежала в кресле, куда её опустил Джозеф, пока мужчины решали, что делать дальше. Звуки доносились до неё как сквозь вату. Как же она виновата перед братом, как виновата! Ей никогда не простить себя за это.

— Сара! Ты меня слышишь? — Кажется она на секунду забылась — может быть потеряла сознание. Она кивнула, потихоньку приходя в себя. Мир прояснялся перед глазами. Только вот сердце всё так же стучало от страха и неизвестности.

— Ты знаешь, где он? — Спросила она Армина, как только смогла снова говорить.

— Нет. Но я догадываюсь. Теперь то уж Сворк не отвертится. Я пустил служителей правопорядка по его следу. Скорее всего, ваш брат где-то неподалёку. Вот только, как узнать где точно? Они прочёсывают несколько мест, ищут следы.

— Я хочу посмотреть, откуда его похитили, — тихо сказала Сара. — И поговорить с тальей Террой. Я не могу сидеть на месте

— С ней сейчас уже разговаривают. Но я понимаю, — кивнул Армин. — Джозеф, ты с нами?

— Да. Только вот не знаю, смогу ли сейчас удержаться в седле. Я ещё не до конца здоров.

Сара обеспокоенно взглянула на него, а потом приняла решение.

— Ты знаешь, выход есть, — она посмотрела на мужа.

— Я не позволю тебе снова рисковать своим здоровьем, — он выглядел упрямым и неприступным.

— Но я так хочу, — умоляюще прошептала Сара. — Я не смогу одна выяснить, что стряслось с Язеном. А дорога каждая минута. Тал Сворк... он может... — Сара сглотнула и подавила комок в горле. Лучше не думать ни о чём. Как она сможет потом жить с этим чувством вины, если с братом что-то случится?

— Хорошо, — кивнул Джозеф.

— Я буду ждать вас в саду, — понимающе посмотрел на них виконт и вышел.

А Джозеф опустил в кресло. Сара села к нему на колени, сердце забилося быстрее, как всегда рядом с ним. Она была испуганной, уставшей, тряслась от тревоги за брата, но рядом был он, тот, кто укроет от всех невзгод, защитит и поможет. Сара нащупала руками знак клейма, почти невидимый, а потом нежно, почти невесомо прикоснулась к нему губами. И снова почувствовала, как уплывает в бездну. Но на этот раз забытье было коротким, наверное, всего пару минут. Она открыла глаза и поняла, что по-прежнему сидит на коленях у Джозефа, а он мягко гладит её по голове.

— Я отстранил тебя. Мне кажется этого должно хватить.

— Покажи клеймо, — попросила Сара, внезапно робея.

Муж отвернул ворот рубашки. Клейма не было. Ничего. Даже никакого отпечатка. Свободная шея.

— Его нет, — тихо охнула она.

— Хорошо. Значит, я полностью здоров. Иди одевайся. Я сбегая за револьвером. Думаю, теперь я уже могу стрелять. И мне не терпится всадить пулю этому Сворку.

Сара встала и направилась к себе в комнату. Нужно было спешить, дорога каждая минута. Те волшебные пару минут, в которые она сидела рядом с мужем и прижималась к нему, были нужны ему как воздух, но для Язена, возможно, шёл отсчёт его маленькой жизни. Сара сжала губы. Она снова почувствовала себя сильной. Они найдут брата. И тогда она обнимет его, прижмёт к себе и никому больше не отдаст!

Через полчаса они уже неслись во весь опор к Виллену. Джозеф, Армин и она на своей Меризз. Ежедневные прогулки верхом пошли ей на пользу, и Сара чувствовала себя уверенно даже при такой бешеной скачке. А вот мужу приходилось несладко. Она видела, как Джозеф с непривычки сжимал губы и сильнее перехватывал повод. Ещё бы! После нескольких лет этого вынужденного затвора, когда каждое движение отдавалось болью в расслабленных мышцах, вдруг такая встряска.

В Виллен они влетели, как вихрь. Армин вызвался проводить их к талье Терроне и познакомить со служителями правопорядка, разыскивавшими Язена и опрашивающими хозяйку пансиона. Джозефа собирались представить очередным дальним родственником Армина. В лицо его никто не знал, так что никакого смысла в таких предосторожностях не было, но граф всё же надел тёмный плащ, а шляпу надвинул почти на самые глаза. Ему, наверное, было не по себе, но Сара сама сейчас нуждалась в утешении.

Чем ближе они подъезжали к пансиону, тем сильнее она волновалась. Есть ли какие-то новости? Нашли ли они Язена? А может быть... Сердце на секунду замерло, но она запретила себе думать о плохом. Она никогда не сможет радоваться жизни и любить Джозефа, если с братом, доверенным ей родителями что-то случится.

У пансиона стояли служители правопорядка. Армин первый подъехал к ним и что-то сказал, потом сделал знак рукой им с Джозефом. Сара приблизилась, потом соскочила с лошади и кинула повод конюху. Наверное, на ней и правда лица не было от страха, потому что служители, без вопросов пропустили их с мужем в здание. Виконт остался снаружи, чтобы поговорить с капитаном.

— Талья Террона! — Сара бросилась к хозяйке пансиона, как только увидела её. Джозеф как тень следовал за ней, но молчал. — Что случилось с моим братом? Я хочу узнать подробности!

— Ой, милочка! Какая беда! — Талья Террона кажется действительно волновалась. Саре стало даже жалко её. Она то точно тут не при чём. Хозяйка пансиона выглядела бледной, ровно уложенные раньше волосы, теперь растрепались и неровными прядями спадали на лицо, губы дрожали, глаза опухли. — Я так переживаю, правда! Ваш мальчик такой замечательный всегда, ну такой вежливый и вот-такая беда, такая беда...

Сара раздражённо вздохнула. Талья Террона была по-видимому из тех людей, которые при малейших трудностях полностью теряют самообладание и от них, кроме причитаний, становится невозможно добиться чего-то вразумительного.

— Что случилось? Где пропал Язен и когда? — Сара сжала губы, стараясь не поддаваться эмоциям, хотя сердце хотело выпрыгнуть из груди. Но ей надо иметь трезвую голову. Если она вдруг станет похожа на талью Террону, то Джозефу придётся спасать их обоих.

— Ой, какая беда, какая беда... Они гуляли во дворе. Потом пыль, стук, грохот. Я бросилась туда. А там огромная дыра в заборе. И братик ваш милый пропал, — и талья Террона всхлипнула.

— Мы, пожалуй, пойдём, осмотрим место похищения.

Сара вышла из гостиной почти бегом. Безутешная истерика хозяйки пансиона сейчас неимоверно угнетала. Она без труда нашла выход в сад. Там тоже работали служители правопорядка. Они посмотрели на них с Джозефом, но тут же отвернулись — видимо, получили приказ не вмешиваться. Сара сразу увидела дыру в заборе, рядом с беседкой, где она когда-то подслушала разговор тала Сворка с доктором Хайли. Случайность? Или может он догадался и таким образом решил отомстить?

— В этой беседке ты услышала разговор тала Сворка? — Спросил Джозеф, наконец-то подав голос. Они подумали об одном и том же.

— Да.

— Надо осмотреть место, откуда его похитили.

Они подошли к дыре в заборе. Все улики, видимо, были уже бережно собраны служителями правопорядка. Ничего — ни кусочка ткани, ни веточки, ни малейшей зацепки. А что она собственно надеялась найти? Саре сейчас не терпелось бежать, гнаться за Сворком, искать Язена. Она не могла ходить по саду, что-то искать, кого-то спрашивать. Она боялась не успеть. И вдруг, как в ответ на её мысли, она почувствовала руку Джозефа на своём плече.

— Не переживай. Мы найдём его, обещаю.

Сара кивнула, потом сжала губы. Здесь, наверное, уже бессмысленно было что-то осматривать. Вдруг, ей показалось, будто в беседке что-то блеснуло. Она бросилась туда. Джозеф за ней. На полу, у самого входа лежала мензурка. При виде её нехорошо похолодело в груди. В такой же Сворк давал ей яд для мужа. Неужели, это привет от него? Она подошла ближе, наклонилась и дотронулась до мензурки. Ничего не случилось, зато она заметила листок бумаги, примотанный верёвочкой к мензурке. Она подняла мензурку и начала торопливо отвязывать бумагу, уже не сомневаясь, что это предназначено ей, от Сворка.

— Что ты делаешь? — Спросил Джозеф. Он выглядел озадаченным.

— Здесь на мензурке записка от тала Сворка, — тихо ответила Сара, торопливо развязывая верёвку.

— На какой мензурке? Я ничего не вижу.

Сара вздохнула. Опять колдовство. Конечно. А как иначе объяснить то, что служители правопорядка осмотревшие здесь, наверное, не раз каждый дюйм сада, не заметили записку. Записка предназначалась только ей и только она должна была увидеть её.

— Там колдовство. Сейчас я прочитаю тебе, — Сара выдохнула и, открыв записку начала читать её вслух. — Дорогая графиня, зачем же вынуждать меня делать то, что мне пришлось? Не знаю, каким чудесным образом, но граф Даррен, насколько я понял, совсем оправился от полученной мною травмы. Да-да, у меня везде имеются свои осведомители. Но, собственно, это всё неважно. Если вы нашли мою записку и читаете её, значит вы знаете, что ваш брат, милый мальчик Язен, у меня. А помните, я обещал вам, что убью и его и вас и буду наслаждаться вашими мучениями? Так вот, у вас есть один единственный шанс избавить милого Язена от такой участи. Ваша жизнь в обмен на его. Жду вас сегодня в восемь вечера в конце зилненской дороги, в небольшой рощице. И учтите — чем больше людей вы приведёте с собой, тем больше их погибнет. А я сейчас настроен миролюбиво, поэтому и предупреждаю. Одно неосторожное движения, и от вашего брата не останется даже косточек. Ваш тал Артур Сворк.

Сара пошатнулась и оперлась на Джозефа. Боже! Что ей делать? Словно в ответ на невысказанный вопрос, она услышала:

— Надо оповестить служителей правопорядка и Армина. Я никуда не пушу тебя одну.

— Но как же Язен?

— Ты думаешь он отпустит его, заполучив тебя? — Сара почувствовала, как муж инстинктивно прижал её к себе. Стало немного легче. — Нет. Ему нужна и ты и он. Чтобы манипулировать тобой с помощью твоего брата.

Сара кивнула, соглашаясь. Джозеф был как всегда прав.

— Но как же записка, кто мне поверит?

— Покажи мне её, — Сара открыла ладонь. Она всё ещё безотчётно сжимала в одной руке записку, а в другой — мензурку. — Я их вижу. Видимо колдовство должно было защищать записку лишь до того момента, как ты её найдёшь. Пойдём, покажем её Армину и капитану.

Капитан внимательно осмотрел записку. Они о чём-то поговорили с Армином и наконец виконт подошёл к ним с Джозефом и смущённо начал.

— Капитан, тал Брайс, считает, что вам лучше поехать туда в одиночестве...

— Я никуда Сару от себя не отпущу, — вмешался в разговор Джозеф.

— Хорошо, Джо, езжайте вдвоём, — устало вздохнул Армин. — Я думаю это не столь важно. Мы с талом Брайсом и отрядом будем неподалёку. Как только выгадаем время для нападения — тут же придём на помощь, а вы берите мальчика и бегите.

— Но что может даже отряд солдат против тала Сворка? — Сара надеялась на чёткий ответ, но прочла в глазах Армина нерешительность.

— Ну... У тала Брайса есть оружие с серебряными пулями и охрана от колдовства. Небольшая, но самая сильная из того, что имелась в арсенале Вилленской службы. На несколько минут хватит. Главное вам — спасти Язена и успеть убежать. Остальное — уже наше дело.

— Береги себя, — отрывисто сказал Джозеф.

— И ты, — Армин ответил ему в том.

Сара вздохнула, вскочила на Меризз и посмотрела на Джозефа. Но тот немного задержался. Он подошёл к капитану Брайсу и о чём-то говорил с ним, потом через несколько минут вернулся удовлетворённый.

— Ну вот, теперь и у меня в запасе парочка серебряных пуль. Мы обязательно освободим Язена.

«Хотелось бы в это верить», — подумала Сара, но промолчала.

Зилненская дорога вела прочь от Виллена, на север, к посёлку Зилнен. Сара ни разу не была там, Джозеф тоже. Они скакали уже пару часов, порядком устав, когда увидели за очередным поворотом старую ржавую вывеску с надписью — Зилнен. Начинало темнеть, но вывеску было видно чётко.

— Куда нам? — Спросила она у Джозефа, нерешительно глядя по сторонам. Ни души. И не у кого даже спросить дорогу.

— Вывеска на Зилнен указывает направо, а Сворк вроде бы писал, что будет ждать нас в конце дороги. Но дорога не сворачивает. Она идёт прямо.

— Тупик?

— Возможно. Хотя скорее всего раньше там был какой-нибудь объездной тракт. Не знаю. Давай посмотрим. Рощицу, во всяком случае, не проедем. Только держись рядом со мной, — Голос Джозефа звучал взволнованно и глухо.

Они проехали немного вперёд. Видно было, что дорогой никто давно не пользовался.

Местами тракт размыло, и кони спотыкались о выбоины. По краям густо рос кустарник, покрытый молодыми полураспустившимися почками. Через несколько минут пути, дорога стала постепенно сужаться, превратившись в почти незаметную тропинку. Она, петляя, повела их в рощицу, видневшуюся невдалеке. Сара судорожно вздохнула и посмотрела на мужа. Он сжал револьвер. Внезапно, словно по какому-то наитию, она попросила:

— Джозеф, пожалуйста, я должна подъехать к нему одна. Спрячься за деревьями.

— Но, Сара... — он нахмурился. На лицо словно набежала тень.

— Я всё знаю, но мне кажется так будет лучше. Пожалуйста!

— А если он успеет заколдовать тебя или... — Муж передёрнулся. Сара понимала его и ничего не могла возразить, но, однако чувствовала, что это будет правильным решением.

— Я знаю, ты будешь рядом со своим револьвером. Я отвлеку его, поговорю, попробую освободить Язена. А там, может быть, подоспеет Армин. Вдвоём мы всё равно ничего не сможем сделать против Сворка. К тому же меня он точно не убьёт, а вот тебя...

— Хорошо, — Джозеф сжал губы. Сара видела, с каким трудом далось ему это согласие. Она улыбнулась мужу, хотя на душе было чернее тучи, и пустила Меризз рысью.

Она чувствовала, что муж немного приотстал. Она не могла сказать почему, но чувствовала, что так нужно, что у неё у одной больше шансов справиться.

Въехав в рощицу, она сразу увидела просвет между деревьями. Тал Сворк мог находиться только там. Больше ему быть негде. Она подъехала ближе, и её глазам открылась пугающая картина, от которой сердцу сразу стало больно. Сара едва не пошатнулась. Посреди поляны была словно выжжена звезда. Глубокие полосы на мягкой влажной земле и обгорелые остовы от кустов и молодых деревьев. Спиной к ней стоял Сворк, вычерчивая что-то ножиком на земле при неясном свете заходящего солнца. Внутри звезды разгорался алым пламенем костёр, а рядом с ним... Сара задохнулась от страха и боли. Рядом с костром сидел Язен. Безучастный взгляд, обращённый словно в никуда. Он не кричал, не плакал, не пытался бороться и даже не был связан. Просто сидел, как кукла и смотрел в пустоту. Она не выдержала и вскрикнула. Сворк обернулся. Весь в чёрном, сейчас он походил на коршуна, выискивающего свою добычу.

— А вот и вы, графиня. Приехали одна. Что-ж, разумно, очень разумно. Я, был о вас немного другого мнения при последней встрече, — он усмехнулся. Но Саре почудилась усталость в его голосе. Она присмотрелась — под глазами у Сворка залегли тени, а скулы обозначились острее. Колдунам действительно нужна подпитка, а ещё... Она задохнулась, поняв, наконец, кем для него сейчас через несколько, может быть, минут, станет Язен.

— Да, я приехала. Верните мне брата, как обещали, — Она сказала это громко, но голос задрожал.

— Верну-верну, — как-то слишком легко согласился Сворк. — Но я хочу заполучить вас, вместо него. Развод и свадьба со мной или смерть вашего драгоценного брата, а потом и замечательного Джозефа — выбирайте.

Сара не знала, что ответить. Она надеялась, что Джозеф всё слышит, но подать ему знак не могла. Надо было потянуть время.

— А зачем вам я?

— Ну как зачем? Прежде всего для того, чтобы держать свидетеля, тем более такого хорошенького, всегда при себе. Я, знаете ли, графиня, никогда не хотел говорить вам ничего недостойного. Но раз уж вы всё равно предпочли этого Проклятого мне, то вам будет не лишним узнать, что это я подставил вашего отца и родителей графа. И вам лучше сейчас

возненавидеть меня. Сильные эмоции быстрее возвращают силы.

— Поэтому вы используете детей, питаясь их страхами и мольбами? — Ахнула Сара.

— Именно, — хищно улыбнулся Сворк. — Но и вы мне подойдёте. Такая милая, чистая, наивная и такая чувствительная. Я не буду брать из вас все силы. Нет, только очень бережно и понемногу, пока мне не надоест питаться вами. Я так же могу пообещать, что ваш брат будет одет, обут, накормлен и обучен по всем подходящим правилам. От вас потребуется всего немного — подписать со мной сделку.

— Зачем, — тихо спросила Сара, — если вам достаточно лишь своей силы, чтобы заставить меня подчиниться?

— На подчинение уходит слишком много силы, — неохотно ответил Сворк. — Мне нужна добровольность.

— Сначала отпустите Язена!

— Зачем? Чтобы вы могли с ним повидаться и поговорить? Так ещё наговоритесь, успеете! — Насмешливо ответил Сворк. — Ну что, решайтесь. Костёр ведь уже горит.

Сара вздрогнула. Что ей делать? Вдруг вдалеке послышался топот копыт. Сердце застучало быстрее, в голове прояснилось. Надо отвлечь Сворка во что бы то ни стало.

— Зачем вы подставили моего отца? — Тихо спросила она.

— Деньги, дорогая графиня, на всё нужны деньги. Знаете, все эти опыты — они очень много съедают сил, времени и денег. Дорогостоящие ингредиенты, поездки, ну и прочее такое, — Сара передёрнулась, представив «прочее такое». — К тому же мне просто понравился дом вашего отца. Знаете, у него неплохой вкус. Ну а потом я познакомился с вами... Такое милое, нежное создание, так и хочется забрать вас к себе, лелеять и оберегать, — и Сворк хищно и плотоядно ухмыльнулся, обнажив острые жёлтые зубы. Сара вздрогнула, потом посмотрела на него и не спеша ответила, стараясь, чтобы в голосе не чувствовался страх. Только бы потянуть время!

— И вы считаете, что после такого признания я смогу жить с вами добровольно?

— Вам придётся, дорогая моя. У вас нет иного выхода. А я сделаю со своей стороны всё, чтобы вам было со мной приятно.

Сара сжала кулаки от бессилия, выдохнула, заставляя себя успокоиться и ответила:

— Я хочу поговорить с Язеном. Откуда я знаю, может быть всё это — лишь ваша уловка и передо мной вовсе не мой брат.

— Что-ж, разумно. Смотрите, — тал Сворк прошептал какие-то слова, повёл руками в воздухе и Язен пришёл в себя. Он превратился из куклы с пустыми глазами, в её брата.

— Сара! — закричал он, потом заплакал и попытался подбежать к ней, но Сворк щёлкнул пальцами и из выжженного знака звезды полыхнул огонь. — Сара! Я хочу к тебе!

— Потерпи, милый. Потерпи ещё чуть-чуть. Всё будет хорошо! — Сару трясло. Она разрывалась. Безумно хотелось броситься к брату, прижать к себе и никуда не отпускать. Но нельзя было терять голову.

— Ну так что, вы согласны, графиня? Костёр уже горит.

Что же делать? Где Джозеф? И вдруг несколько событий произошло одновременно. На поляну выскочили всадники. Отряд служителей правопорядка. В руках револьверы. С ними Сара разглядела Армина. Но где же Джозеф, где её муж?

— Ни с места тал Сворк! — выкрикнул кто-то. Наверное, капитан.

Сворк огляделся, понял, что, видимо, сейчас, не сможет справиться со всеми — слишком слаб, и сделал единственно возможное в своём случае. Он бросился к Язёну и

приставил ему к горлу невесту откуда взявшийся кинжал.

— Ещё шаг и он умрёт!

Сара наблюдала за этим как во сне. Руки вдруг заledenели, голова закружилась. Всё вокруг походило на сон, на кошмар. А Сворк, держал кинжал у горла Язена, который беззвучно плакал, не пытаясь даже вырваться, и отступал, туда, где горел костёр. Она видела, как шептались солдаты, не зная, что предпринять. Отчаяние давило её. Где же Джозеф? Что с ним случилось?

Вдруг прозвучал одинокий выстрел. Стреляли сзади, со спины. Сворк схватился за сердце и выпустил Язена. Это прозвучало сигналом и со всех сторон раздались выстрелы. Сворк упал, как подкошенный, огонь по контурам звезды погас, оставив чёрный выжженный след на земле.

— Сара! — Язен кинулся к ней со всех ног, размазывая слёзы.

— Маленький мой! — Она соскочила с Меризз и, бросив поводья, обняла брата и прижала к себе. Подумать только, какой опасности они избежали!

— Сара, прости меня, я заставил тебя слишком долго нервничать, — Джозеф незаметно и тихо появился перед ней.

— Это ты выстрелил в Сворка? — Она поняла и благодарно посмотрела на него, оторвавшись от брата.

— Я и мне нужно было точно знать, что я не промахнусь. Второго шанса не было бы.

— Сестра, это кто? — спросил Язен. Видно, он не узнавал графа.

— Это граф Даррен, мой муж, — тихо ответила Сара, спрятав раскрасневшееся лицо у брата на плече.

— Мне очень приятно, граф, что вы спасли меня. Простите, если был к вам несправедлив или неучтив, — Язен попытался поклониться, вытерев слёзы.

— Я прощаю вас, Язен Бален и надеюсь, мы станем добрыми друзьями, — с самым серьёзным видом ответил Джозеф.

К ним подошёл капитан Брайс.

— Граф Даррен, если не ошибаюсь?

— Да, — Сара опять почувствовала страх. Джозеф же всё ещё официально Проклят, хоть клейма и нет больше. С него не сняты обвинения и ему ещё не разрешено появляться в обществе. Вдруг капитан захочет арестовать его за это.

— Я так понимаю, что это — тот самый колдун, которого тщетно искал ваш отец? — Он кивнул на тело Сворка. Сара посмотрела туда и охнула в ужасе. После смерти он словно высох, волосы поседели, лицо покрылось морщинами, щёки запали. Перед ними на поляне лежал глубокий старик, лишь отдалённо напоминавший Сворка. — Я просто слышал его слова и к тому же изучал дело покойного графа... В общем, если вы не против, я постараюсь добиться пересмотра дела вашего отца и снятия всех обвинений. У меня только один вопрос — как вы прожили с клеймом так долго и чувствуете себя, по-видимому, прекрасно.

— На вопрос я отвечу вам чуть позже и в немного более личной обстановке, если есть желание, — улыбнулся Джозеф. — А по поводу обвинений — я буду вам безумно благодарен за это. Если нужны какие-то средства — я с радостью помогу.

— Хорошо, — улыбнулся капитан Брайс.

Сара стояла, обнимая Язена. Джозеф подошёл ближе и положил ей руку на плечо. Пока вокруг суетились солдаты, измеряя и записывая, они стояли рядом, так близко, что она, наконец-то смогла почувствовать себя счастливой, полностью и безусловно. А над ними

догорал закат, позолотой окрашивая весенний лес.

Они переночевали в Виллене, в пансионе тальи Терроны и наутро вернулись в Чендервилл. Сара забрала Язена из пансиона. Пока доктор Хайли, а может быть и ещё какие-то сообщники Сворка были на свободе, пусть лучше брат поживёт рядом с ними. Язен был только рад. Он соскучился по ней, да так сильно, что Сара сама этого не ожидала. Джозеф только обрадовался присутствию брата, хотя она боялась, что этот ревнивец не захочет ни с кем её делить. Но они быстро нашли общие темы с Язеном, и Сара иногда ловила себя на мысли о том, что её муж станет замечательным отцом.

Когда они наутро подъехали к имению, их встретил обеспокоенный Генрих:

— С вами всё в порядке, хвала Небесам! — Он выглядел обеспокоенным, да и седых прядей в волосах вроде бы поприбавилось.

— А что случилось? — Джозеф нахмурился. Сара прижала Язена к себе. Он сидел перед ней на Меризз.

— Наш конюх, Джимми пропал, исчез. Мы перерыли весь дом и сад, но он как сквозь землю испарился, никаких следов.

— А лошади, вещи, что-нибудь исчезло? — Сара начала догадываться к чему муж клонит. Конюх — нелюдимый мрачный мужчина вызывал у неё всегда какое-то инстинктивное неприятие.

— Не знаю... — Замялся Генрих. — Мы ещё не смотрели.

— Значит, надо посмотреть.

Они спешили и отдали поводья Генриху, который теперь временно исполнял ещё и обязанности конюха. Он обещал посмотреть, что пропало вместе с Джимми.

— Боюсь я, что Джимми как раз и являлся теми таинственными «ушами» тала Сворка, от которого он узнавал всё, что творилось в Чендервилле. А судя по тому, что Джимми сбежал — работал он на него вполне добровольно, — и Джозеф сжал кулаки. Сара понимала его. Предательство, даже от слуги, это всегда больно и тяжело. Она вздохнула.

За завтраком они молчали. Только Язен иногда оглядывался по сторонам, наверное, в поисках Ветра. И как вот ему сказать, что собаки больше нет? Наконец вошёл Генрих, бледный, как полотно.

— Граф Даррен, пропал Дайф, самый лучший ваш скакун. Помните, вы покупали его пару лет назад? — Джозеф кивнул головой. Он так и предполагал. — И вещей Джимми нет. Что случилось?

— Ничего. Ищите другого конюха. Думаю, о Джимм вы больше не услышите.

— Но как же так? — Беспомощно развёл руками Генрих.

— Боюсь, гонорар тала Сворка оказался для него куда заманчивей, чем моя скромная зарплата.

Джозеф вздохнул. Но потом вдруг улыбнулся. Сара посмотрела на него, не понимая в чём дело, а потом услышала в прихожей шаги.

— Простите, не отвлекаю? — Это был Армин, улыбающийся, счастливый, хоть и запыхавшийся. — Тал Брайс просил передать, что дело графа Даррена возможно будет пересмотрено даже скорее, чем он предполагал. В столице сменился начальник службы правопорядка и он хочет сам, по собственной инициативе разобраться во всех подробностях этого дела. И вот ещё одна хорошая новость — тал Хайли пойман и находится под стражей.

Он весь трясётся и клянётся, что даже и не подозревал о том, что тал Сворк — колдун. Если бы знал, то, разумеется не стал бы иметь с ним никаких дел.

— Да конечно, не подозревал он, — Сара вздрогнула от негодования, вспомнив подслушанные разговоры. Но сейчас наверное она всё равно ничего не сможет изменить. Джозеф успокаивающе сжал её руку.

— А у меня есть подарок для тала Балена, — с заговорщическим видом вдруг произнёс виконт.

— Для меня? — Язен вскочил из-за стола. Сейчас он растерял всю свою важность и был похож на обычного маленького ребёнка.

— Ну да, — Армин улыбнулся, потом добавил, — подожди, я сейчас, — и исчез на пару минут. А потом появился с небольшой корзиной в руках. — А ну ка, загляни!

Язен подошёл и медленно заглянул в корзину, потом издал вопль восторга и вытащил из корзины маленького чёрного щенка.

— Он мой, Сара, он теперь совсем мой! У меня теперь есть собака. Спасибо огромное дядя Армин! Спасибо!

Сара улыбалась, наблюдая картину. Её любимый брат был счастлив. А она? Она повернулась и посмотрела на Джозефа, потом положила голову ему на плечо. Разве требовался иной ответ?

— Мари, а ну подними погремушку, которую ты уронила и срочно отдай Виталине. Она вот-вот расплачется.

Сара сидела на ступенях дома, ничуть не стесняясь помять своего платья, а вокруг бегали дети, их с Джозефом дети.

— Марк, кто разрешал тебе брать саблю дяди Язена?

— Сам дядя, — важно ответил Марк, которому едва исполнилось двенадцать.

— Дядя Язен, а дядя Язен, вы разрешали Марку брать вашу саблю? — С улыбкой спросила Сара брата. Он вырос и возмужал этот Язен. Двадцать лет — уже немало. Сара вздохнула и радостно и печально. Её маленький брат вырос, а скоро вырастут и дети. И тогда... Но что тогда, додумать ей не дали.

— Мама, мама! Там едет дядя Армин с детьми!

— Где? — Сара вскочила с крыльца. Приезд Армина с женой и детьми стал для них радостным событием. Виконт, а теперь уже граф де Грааз жил довольно далеко от их уютного Чендервилла.

— Ура! Дядя Армин! — Закричали Марк и Джеймс и бросились встречать карету. Сара с улыбкой наблюдала за ними, но потом улыбка сменилась грустью. Джозефа не было дома. Он уехал пару дней назад по каким-то делам и ещё не вернулся. Наверное, придётся обедать без него.

В столовой было весело и шумно, звучал детский смех. Сара общалась с графиней де Грааз. Они давно уже стали лучшими подругами. И всё же её тонкий слух уловил шаги в передней. Она вскочила, улыбнулась, извинилась и вышла за дверь.

— Джозеф, ты вернулся! Не устал? Ты плохо выглядишь. Срочно обедать! Выматываешь себя этими делами! — Она бросилась к мужу, с улыбкой снимая шляпу и развязывая плащ.

— Зато ты всё так же прекрасна и не стареешь, — Муж прижал её к себе и все заботы и мысли, все сожаления испарились, как будто их и не было. Вырастут дети — и что ж? У неё есть Джозеф. Сара обняла его и тихо и счастливо прошептала:

— Я люблю тебя!

Небольшой бонус. (Повествование ведётся от лица Армина!!!)

Сегодня его свадьба. Уже. Так скоро. Он прислонился пылающим лицом к стеклу. Только не думать о Саре, только бы не думать! Он напоминал себе сотню раз, что не смог бы жить с той, сердце которой навсегда отдано другому, даже если бы с Джозефом что-то случилось. Значит, он должен забыть её, забыть навсегда! К тому же его невеста, Кейт, она замечательная девушка. Он не достоин её и не имеет права делать её несчастной.

— Виконт де Грааз! — Смущённый нежный голосок позвал его. Армин отвлёкся от своих мыслей, поправил розу в петлице и открыл дверь. За дверью стояла Кейт, его невеста. Дыхание перехватило. В свадебном наряде она была изумительно, безумно прекрасна. Он даже не предполагал, что она может быть такой красивой. Сердце почему-то забилось сильнее. — Пойдёмте к гостям. Все приехали. Ждут только нас.

— Хорошо, Кейт, иду, — ответил он, отстранённо подумав, что она до сих пор, хотя прошло уже несколько месяцев со времени их знакомства и что сегодня им предстоит стать мужем и женой, называла его «на вы». Подумал и тут же забыл.

Армин подал невесте руку и рассеянно направился вслед за ней. Страх и неизвестность опять овладели им. Сможет ли он дать своей будущей жене ту любовь, которую она несомненно заслуживает?

В зале было шумно и тесно. Венчание должно было произойти прямо здесь, чтобы потом, никуда не уезжая, отпраздновать это событие с гостями. На этом настояли родители, и Армин согласился. Когда они вошли, все стихли и расступились перед ними. Нужно было пройти весь зал, до возвышения, на котором бы встретил их священнослужитель. Он не помнил, как шёл и вёл под руку Кейт. Тишина казалась ему гробовой. Насколько проще было бы, если бы они поженились, как Джо с Сарой — просто брачный договор и ничего более, или тихая и скромная свадьба в небольшом храме, но, увы... Джозеф и Сара были одиноки и вольны в своих действиях, а вот он... Поймав себя на мысли, что завидует другу, Армин почувствовал себя уж совсем мерзко.

Началась церемония венчания. Кроме бледного лица Кейт и её тихих ответов и таких же тихих вопросов священнослужителя, он ничего не помнил, очнулся только тогда, когда зал взорвался поздравлениями. Отец обнимал его, мать целовала, все желали счастья. Наконец, зазвучала музыка. Специально приглашённые музыканты заиграли медленную и нежную мелодию. Традиционный свадебный танец жениха и невесты. Его выход. Армин вздохнул и подал руку Кейт, которая со скромным видом стояла рядом. Они поплыли в танце. Зал кружился под ногами. Внезапно, он вздрогнул, как от удара. Его взгляд выхватил из толпы Сару с Джозефом и маленького Язена. Они стояли, обнявшись втроём. Голова вдруг закружилась, ноги стали словно ватными. Они улыбались ему и, наверное, поздравляли. Почему, ну почему ему не суждено быть счастливой именно с ней?

Но в следующей фигуре танца он должен был прижать невесту (а теперь уже жену) к себе. Армин невольно взглянул Кейт в глаза и утонул в них. Синие, как бездонное небо или море накануне грозы. В них отражалась вся её искренняя душа, без остатка. Он утонул в них, на миг захватило дыхание. Он не мог понять Кейт, не мог узнать её, а может быть и не хотел. Но этот миг дал им больше, чем несколько месяцев до этого. Танец закончился. Кейт, извинившись, отошла поздороваться со своей подругой, а он, прежде чем понял, где

находится, уже стоял возле Джозефа с Сарой.

— Поздравляем, — радостно ответили они. Джо обнял его и что-то зашептал. Он не слышал. Сара была ослепительно прекрасна, хотя и не могла сегодня почему-то затмить собой образ его жены. Очнулся он только тогда, когда она с гордостью сказала:

— Теперь родовое имение Бален снова принадлежит нам.

— Я выкупил его у государства за бесценок, — пояснил Джозеф, улыбаясь. — У тала Сворка конфисковали всё имущество в казну, — а потом уже шёпотом добавил. — Сара подписала это имение на Язена. Оно отойдёт ему по достижении совершеннолетия. Она не хочет сейчас там жить — слишком свежи воспоминания.

— Поздравляю, — только и мог ответить Армин. Вечер опять окрасился в тёмные цвета. Вдруг на том конце зала мелькнуло белое платье. Его жена. Он спешно попрощался с Джозефом и отошёл. Не хватало ещё, чтобы она догадалась о том, что он равнодушен к жене друга.

Вечеру, казалось, не будет конца. Но, наконец-то, гости, пожелав им счастья разошлись. Отец предлагал им с Кейт остаться до завтра, но он не захотел. Молча он проводил Кейт в карету. Подал ей руку и потом сел сам. Их ожидал час пути до небольшого имения в пригороде Виллена. Карета тронулась. Первое время они ехали молча. Потом Кейт робко дотронулась до его руки. Он обернулся. Её лица не разглядеть было в темноте, тем более нежным и тонким показался ему её голос:

— Армин, — она впервые назвала его по имени, — та девушка на нашей свадьбе, с маленьким братом и мужем. Кажется, он был Проклят. Сара, правильно? — Он лишь молча кивнул, изумлённо слушая её слова. — Я знаю, что ты любишь её. Я не буду спрашивать, почему ты женился на мне, но давай быть полностью откровенными друг с другом. Я хочу стать тебе хорошей женой и ни разу не попрекну тебя твоим чувством, только скажи правду.

И Кейт всхлипнула. Не осознавая, что делает, Армин инстинктивно подвинулся к ней и прижал к себе. Она не отстранилась. Откуда она узнала? Изумление не давало дышать и говорить. Он просто молча робко поглаживал её руку, потом вздохнул и попытался ответить:

— Я искренне хочу забыть графиню Сару Даррен. Между нами ничего не было. Она любит своего мужа, — он не узнавал своего голоса. Он звучал необычно глухо. — Я не хочу всю жизнь бегать за призраками и женился для того, чтобы подарить кому-то хоть немного счастья. Возможно, у меня этого не выйдет, но по крайней мере, я имею право попытаться!

Если он ждал вразумительного ответа, то его не последовало. Кейт только всхлипнула и крепче прижалась к нему. А он... Обнимая это невесомое хрупкое создание в великолепии белого шёлка, вдруг понял, что место Сары в его душе занимает она, другая, его жена. Постепенно, может быть, не сразу, но вот сегодня, сейчас, в этот миг начало положено. Он поблагодарил Небеса и обнял её крепче.

Больше книг на сайте - Knigolub.net